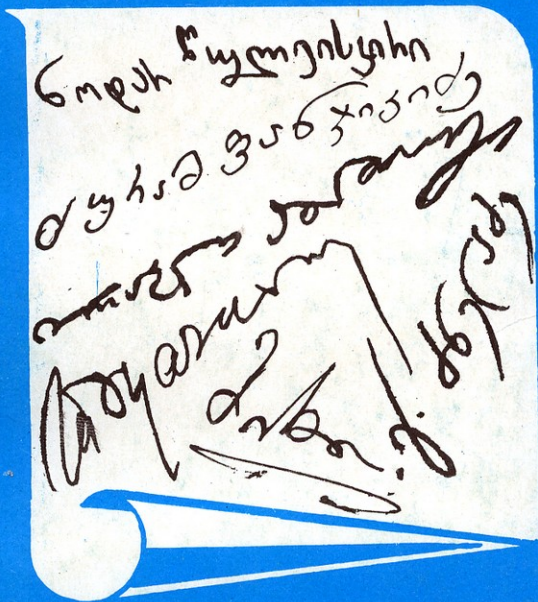

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

ЭМ1935940
3032010933

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

Орган Союза писателей Грузии

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1957 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

ИРАКЛИИ АБАШИДЗЕ. Стихи. Перевод Михаила Синельникова	3
НОДАР ЦУЛЕЙСКИРИ. Деяния и мученичество Або и Иоанна. Исторический роман. Перевод Динары Кондахсазовой	5
МИХАИЛ МРЕВЛИШВИЛИ. Из книги «Тбилиссские новеллы». Перевод Наны Двораковской	65
ГИВИ ДЗНЕЛАДЗЕ. Стихи. Переводы Татьяны Бек, Елены Юдковской, Сергея Гандлевского	83
ГИГИ СУЛАКАУРИ. Стихи. Перевод Марины Катус	88
МИХО МОРЧИЛАДЗЕ. Роковой круг. Рассказ. Перевод Сергея Надежкина	91

Трибуна писателя

ТЕНГИЗ БУАЧИДЗЕ. Мартовская трагедия 1956 года в Тбилиси	109
--	-----

Публицистика

ГУРАМ ПАНДЖИКИДЗЕ. Без права на ошибку. Перевод Роберта Златкина	116
--	-----

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ВАДИМ БАЕВСКИЙ. «...Честность приветствовать прежде всего» 144

ЛИЧНОСТЬ И ВРЕМЯ

НОДАР МАЛАЗОНИЯ. Забавный случай. Какая жалость! Перевод Лианы Андриадзе 150

ГОЛЬДИ БЛАНКОФФ-СКАРР. Нодар Думбадзе. Перевод с английского А. Тетрадзе 157

БОРИС АНДРОНИКАШВИЛИ. Быть самим собой 165

ИСКУССТВО

СВЕТЛАНА КЕССНЕР. Через искусство — к душе ребенка 185

ДОКУМЕНТЫ, ПИСЬМА, ВОСПОМИНАНИЯ

НАНА КАНЧАВЕЛИ. «От правды... не отступал я никогда» 193

РЕЦЕНЗИИ

ДМИТРИИ ТУХАРЕЛИ. Спаянные узами дружбы 209

РЕПЛИКА

ГУРАМ КОРАНАШВИЛИ. Со старыми ошибками 213

КОНТАКТЫ

ИВАН ДАВЫДОВ. Торжество красоты 222

ХРОНИКА 149, 184, 224

Не без предела...

Мать-природа,
как бы ни хотела,
Видно, не подарит нипочем
Новых форм...
Ведь все не без предела!

Жизнь,
что древле
и цвела и зрела,
Снова открывая то и дело,
Мы «экспериментом» наречем!

Мы отвергли
старины обычай,
Вековые правила
поправ.
Пробиваясь
в тысяче обличий,
Вновь
природа
проявляет прав.

Кто же свойства
предписал предметам?

Меру чувствам
кто определил?..

Велика природа...
Есть при этом

Грань
ее возможностей и сил!

У Ванских раскопок

НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Доброе утро, тысячелетья!
Как вам, усталым, спалось?
Не прогневитесь —
При солнечном свете
Вас потревожить пришлось!

В самолете над облаками

О, что за солнце!..
Блеснула ало
 заря такая...
Над облаками
Запирovala,
 горя, сверкая.
Весь мир
 и солнце в своем зените
Возликовали, возликовали...
Сыны Адама,
Смелей взлетите
Над облаками, над облаками!

Перевод Михаила СИНЕЛЬНИКОВА

Деяния и мученичество Або и Иоанна

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

«**В** ОСЬМОГО января на богослужении в церкви св. Николая в Харпухи присутствовал епископ алавердский его преосвященство отец Кирион...

Во время богослужения благозвучно пел недавно организованный г-ном Ал. Кавсадзе хор грузинских певчих.

По окончании богослужения духовенство во главе с его преосвященством отцом Кирионом с литанией направилось из церкви по улице Воронцова к склепу св. Або. В литании приняло участие множество людей.

У склепа в честь святого был отслужен молебен, на котором, кроме грузин и русских, присутствовали также армяне и азербайджанцы.

Затем подобающую столь торжественному событию речь произнес на грузинском языке преподаватель тбилисской семинарии И. Перадзе...

Вскоре на средства Совета учебных заведений картлийско-кахетинской епархии возле часовни будет основана церковно-приходская школа, носящая имя св. Або.

И само торжество, и принятое на нем решение достойны памяти святого, который носит имя Тбилели и считается ангелом-хранителем нашего города».

Ныне не существует часовни Або, и не служит службу в церкви св. Николая алавердский епископ. И никто не придет сегодня к Метехи с молебном во славу Або.

* Печатается журнальный вариант.

Настали иные времена. Мы поклоняемся иным святыням, собираемся у других могил.

Но двенадцать веков грузинский народ свято чтит память юноши-араба — ему молились в церквах, ему посвящали молебен, он был причислен к лику святых и признан ангелом-хранителем грузинской столицы. А Иоанн Сабанисдзе, «первый грузин, выразивший в литературе национальное самосознание» (К. Кекелидзе), навеки обессмертил его имя, создав свое «Мученичество Або Тбилели».

Чему обязан урожденный раб подобной славе?

Почему собирались у его могилы не только грузины, но и русские, армяне, азербайджанцы?..

Почему встали на защиту простого слуги картлийского правителя духовные отцы Грузии — католикос Картли и Иоанн Сабанисдзе?

Что произошло в 786 году на крещение в городе Тбилиси?

СТЕПАНОЗ

Нечто невероятное сообщил амид² эриставт-эриставу³ Картли Степанозу: дескать, слуга дядюшки вашего араб Або отрекся от своей веры и своего отечества и уверовал в Иисуса Христа. И потупился, захлопал глазами. Не веря ушам своим, в недоумении уставился Степаноз на советника амира, залился краской, как малое дитя, и на лбу его выступили капельки жаркого пота. К тому же, амид то и дело с явным пренебрежением упоминал имя его дяди, Нерсе. Развернул даже какой-то свиток и, поминутно тыча в него пальцем, приговаривал — «Велено довести до сведения самого халифа». Амид всячески старался продемонстрировать Степанозу свое расположение.

Еще утром, едва переступив порог дворца, Степаноз почуял что-то неладное в том, как свита и челядь амира приветствовали его. Да и встреча с амидом насторожила — советник приветствовал его холодно, по-

² Амид — чиновничья должность в халифате.

³ Эриставт-эристав — титул могущественных феодальных властителей, глава эриставов.

спешно и деловито. А тяжелая весть и вовсе повергла в отчаянье. Амиду, однако, этого показалось мало — надо было еще подsunуть обличительное послание, доверительно сообщив, что велено довести до сведения самого халифа! Ну, это уж слишком! «Что?» — в ярости вскричал Степаноз, схватил свиток и пробежал его глазами. «Слуга эристава мусульманин Або отрекся от веры своей и объявил себя христианином, а повинен в том эристав Нерсе», — гласило послание. «Это погибель!» — пронеслось в сознании Степаноза, его обуял страх, он невольно воровато огляделся по сторонам и сам же за себя устыдился.

Або видели соглядатаи на службе в Сиони⁴. «Соглядатаи — в Сиони — вновь пронзил Степаноза страх, — и во время молитв наушники не сводят с нас глаз, уж и Господу не покаешься!».

Степаноз растерянно повертел свиток в руках, бессмысленно развернул его несколько раз, затем вновь уставился в письмена, ткнул пальцем в арабскую вязь и показал амиду — мол, верно ли? Верно, подтвердил амид, именно Або. Не хотелось Степанозу верить, не хотелось, ведь гибель грозила не только этому Або, но и Нерсе и всему его роду. Словно горящие уголья, жгло послание руки Степанозу. Мусульманин, араб по происхождению Або отрекался от своего всемогущего бога и принял веру покоренных и поработанных грузин. Разве это не похоже на чудо?

Халифат распростерся чуть ли не по всей земле, и нигде не случалось ничего подобного, и надо же, чтобы именно в его скромных владениях произошло это непостижимое событие?

«Ложь и грязная клевета!» — вскричал Степаноз и встал.

Поднялся и амид.

— Прошу вас, подпишите, не будем изменять правилам! — сказал амид Степанозу, хлопая глазами и протягивая свиток, — напишите, что ознакомились с этим... Стп...

— Подписать? — удивился Степаноз.

— Да, Стп... — улыбнулся амид.

⁴ Сиони — патриарший собор Успения Сионской богородицы в Тбилиси (VI в.)

«Стп» — так подписывался арабской вязью Степаноз. Благодушие амида не всеяло доверия, но Степаноз скрыл свои подозрения, поставил подпись и еще раз окинул амида испытующим взглядом.

Сам по себе амид ни за что не решился бы дерзить ему, ведь Степаноза направил в Картли сам халиф Махдий. Простой чинуша никогда бы не позволил себе этого без особого дозволения амира⁵.

— Амир знает об этом? — настороженно поинтересовался Степаноз.

— Да, знает, — ответил амид.

— Я хочу лично повидаться с ним.

— Амир занят, — холодно отрезал амид.

— Занят? — удивился Степаноз. — Так он к тому же и занят? — повернулся и в смятении и растерянности выбежал из дворца.

...Стоило ему выйти на улицу, как следом увязалась какая-то подозрительная фигура. Доносчики и соглядатаи уже не смущали Степаноза. Во всем амирате к каждому должностному лицу был приставлен наушник. Своего он даже знал в лицо. Но удивила столь разительная перемена к нему во дворце, казалось, что вся челядь была осведомлена о страшной провинности эриставт-эристава. Неужели сумасбродство какого-то там Або столь внезапно и решительно отвратило от него весь амиров двор. Боятся-таки они Нерсе, подумал Степаноз, живы старые страхи.

Соглядатай все не отставал. Степаноз быстро сел в колесницу и в сопровождении нескольких всадников направился ко дворцу дяди.

«Амир, видите ли, занят. Кто знает, что кроется за этими словами? Может, следовало настоять на своем и у самого амира спросить о причине столь пренебрежительного обращения с эрисмтаваром Картли?». Степаноз не находил себе места, ярость клокотала в нем, но он старался держать себя в руках. Перво-наперво надо узнать, что же все-таки учинил его дядюшка и вправду ли отрекся от веры этот мальчишка, его слуга, или это наговор амировых прихвостней. Как знать, может, неугомонный Нерсе и впрямь уготовил врагам очередную

⁵ Амир — представитель арабского владычества в Грузии, наместник халифа.

ловушку — замыслил опять заговор и мутит теперь воду этим своим Або. Политические козни Нерсе навели ужас на дворец амира, и даже в самом Багдаде с дрожью встречали вести о непокорном эриставе.

Правда, после столкновения с халифом Мансуром Нерсе был лишен политической власти, уединился в своем дворце и почти не показывался в городе; но внимание всего халифата было почему-то по-прежнему приковано к его обители, расположенной на берегу Куры. И кто знает, что было на уме у строптивца. По мнению властей, он постоянно лелеял заговор. Степаноз, сколько помнил себя, все время жил в страхе, что дядю призовут в Багдад, посадят под стражу, кинут в темницу, выколят ему глаза, подвергнут нечеловеческим пыткам и, наконец, предадут жестокой казни. В конце концов настали эти черные дни: три года томился Нерсе в багдадских казематах, претерпел адские пытки, но не изменил своей вере и не выдал имен заговорщиков. К тому же, остался жив. Говорят, что халиф Мансур не выдержал этого сопротивления и, не сумев сломить упорство Нерсе, умер от разрыва сердца. Новый халиф Махдий не счел нужным приводить смертный приговор в исполнение, предпочел освободить Нерсе, чем и завоевал расположение картлийцев.

Отпуская эристава на родину, халиф Махдий таким образом показывал грузинам, что их новый правитель милостив и снисходителен. Жизнь-то он Нерсе сохранил, но всю власть передал амиру, тем самым, казалось бы, окончательно поработив Картлийское княжество. Эриставы, однако, остались довольны, ибо избежала Картли разора огнем и мечом, да и Нерсе вернулся на родину живым. А о власти никто и не пекся.

Но Нерсе вновь оказал сопротивление политике мирного подчинения — едва ступив на христианскую землю, он замыслил новый заговор. На этот раз его предал эристав Джуаншер, издавна враждовавший с его отцом куропалатом⁶ Адарнасе. Не по душе пришлась Джуаншеру победа Нерсе над сарацинами, и он шепнул амиру, что Адарнасе с сыном поглядывают на Ионическое море, мол, не станут византийцы почем зря жало-

⁶ Куропалат — высокое византийское придворное звание, следующее после императора.

вать титул куропалата. Амир задумал наказать непокорных. Нерсе скрылся у хазаров и, возглавив их войско, стал угрожать арабам. Халиф и на этот раз сумел без кровопролития расправиться с Нерсе, пожаловав титул эрисмтавара сыну его сестры, юному Степанозу. Что только не делал Степаноз, дабы утихомирить надменного дядюшку: и на коленях ползал, и к угрозам прибегал, и щедро раздавал обещания, готов был в игольное ушко пролезть, и когда пришли в Картли мир и спокойствие, когда вовремя он собрал харадж и джизью, когда усмирил, кого лаской, а кого и угрозами, заговорщиков и когда, наконец, прослыл во всем мусульманском мире преданным слугой халифа, разразилась история со злосчастливым Або. Это было для него ударом в спину. Неужто и вправду родной дядюшка, не посчитавшись с племянником, столь неблагоприятно затеял очередную смуту? Неужто вновь посыпятся доносы и падут головы эристава?.. Правда, своим возвышением Степаноз обязан именно покорности Нерсе. Но благорасположение халифа не вечно, и рано или поздно он не простит эристамам неверности. И тогда запылает огнем грузинская земля, и пеплом покроются города и села. Знал Степаноз, что коварные замыслы вынашивал Нерсе, но, раз уж новый халиф не лишил их род титула эриставт-эристава, раз уж простил старые грехи, следовало покориться.

Колесница катила вдоль Куры. Дворец Нерсе стоял на противоположном берегу. Степаноз очнулся лишь тогда, когда лошади звонко застучали по мосту новыми подковами, окинул взором город, скользнул взглядом по перилам моста и, не увидев у противоположного его конца сколоченный из брусьев крест, удивился, велел возничему замедлить ход.

В основании моста стоял деревянный, в человеческий рост, крест. Крест тот возвещал проходящим городские ворота странникам, что они прибыли в страну христиан.

Степаноз приказал остановиться. Возница натянул поводья и лошади, изогнув шеи, застыли у въезда на мост. Всадники нагнали упряжку, в мгновение ока спешили и застыли в ожидании приказаний.

Степаноз удивленно и настороженно смотрел на валяющийся на земле облитый грязью крест с подруб-

ленным комлем. Это было дурным знамением. Кресты и церкви сарацины старались не осквернять, согласно «охранной грамоте» Хабиба ибн Маслама⁷ арабы не посягали на грузинские святыни, и тем, кто покорно платил подати, дозволялось веровать в своего бога и молиться в своих церквах, таков был договор, но, увы, он не исполнялся. Вот уж столетие стоит на этом месте святой крест. «Ни Хабиб ибн Маслам, ни Джарас⁸, ни кто другой, завоевывая город, не прикасался к этому кресту, — думал Степаноз, — и теперь, когда воцарилось спокойствие на нашей земле, когда халиф защищает нас от врагов, нечестивцы надумали мутить воду...».

«Трогай!» — подал Степаноз знак возничему.

Колесница медленно переехала мост и свернула к берегу, ко дворцу эристава Нерсе.

Степаноз все думал о кресте. И в осквернении креста, и в поступке мусульманина Або, и в холодном приеме, оказанном во дворце амира виделась ему одна и та же связь. Когда проезжали крест, екнуло сердце эриставт-эристава, но не отдал он приказа поднять его. Ведь за ними следовали соглядатаи. «Они следят за каждым моим шагом», — подумал Степаноз и решил проглотить обиду. Как эрисмтавар, как хозяин этой земли он обязан был если не водрузить крест на прежнее место, то во всяком случае сообщить о случившемся католикусу.

Похожий на крепость дворец эристава Нерсе стоял у самого берега Куры. Великий Вахтанг с сыном Дачи обосновались в граде Тбилиси, и Фарнаваз Багратиды, воздвигшие по берегам Куры свои чертоги, перенесли в Тбилиси царский престол.

Когда халиф посадил эрисмтаваром Картли Степаноза, Нерсе не стал возвращаться в царский дворец и, предпочитая одиночество, поселился здесь, в резиденции царевича.

⁷ Хабиб ибн Маслам — арабский полководец. В 645 году напал на Грузию, завоевал Тбилиси и значительную часть Восточной и Западной Грузии.

⁸ Джарас — арабский полководец (VIII в.). известный своими частыми набегами на Грузию.

В Тбилиси в те поры было три дворца. В Кала⁹ возвышающийся на склоне горы дворец амира, в Сиони — родовые палаты эрисмтаваров и дворец Нерсе, что на берегу Куры. В этих-то трех дворцах и решались судьбы страны и народа. Отсюда же следовало ожидать и злых, и добрых вестей.

Колесница с гербом эрисмтавара вкатила во владения Нерсе. Стражники широко распахнули ворота и почтительно приветствовали эриставт-эристава Картли. Подобными почестями отличали здесь лишь Степаноза. Степаноз по материнской линии принадлежал к царскому роду, но раз халиф пожелал видеть его эрисмтаваром Картли, раз текла в его жилах кровь доблестных Фарнавазидов, народ чтит его истинным царем и взирал на него с почтением и надеждой.

Так считал и Нерсе. И, что главное, возлагал на племянника надежды о возрождении былого могущества своей порабощенной страны.

Нерсе пригласил племянника для беседы в зал.

В былые времена эристав Картли Нерсе в парадных чертогах повел бы беседу с царем грузинским. Но Нерсе и Степаноз давно уже забыли о своих родственных отношениях, и каждая их беседа перерастала в жаркий спор о судьбе родной страны.

А подобные беседы всегда должны были вестись в присутствии царевичей, так было заведено издревле и так должно было быть и впредь. Но где же нынче царевичи?! Где престол грузинского царя? Да и сама Грузия — есть ли она вообще?

И все же не сломился народ, не встал на колени. И по-прежнему своей воле следовали Фарнавазиды. Вот почему Нерсе пригласил Степаноза на беседу в зал, словно не дядюшке предстояло встретиться с племянником, а двум великим правителям Востока и Запада.

Но Степаноз, отбросив церемонии, кинулся к дяде и что-то взволнованно зашептал ему на ухо.

Нерсе застыл на месте, как пораженный громом. Вмиг слетела с его лица радостная улыбка, вызванная приходом высокого гостя, гнев и ярость обуяли эристава, и, не дослушав племянника до конца, он сверкнул яростным взором.

⁹ Кала — древняя крепость и район в юго-восточной части Тбилиси.

— Неужто настали столь черные времена, что приходится мне видеть в своем доме растерянного и шепчущего что-то на ухо эриставт-эристава?

Нерсе резко повернулся и отошел. Степаноз поспешил следом, остановил дядю и вновь многозначительно зашептал.

— Именно, что настали!

Нерсе удивленно оглядел племянника — видать, и впрямь нечто несусветное явился сообщить ему Степаноз, раз обуян он столь явным смятением — молча миновал длинный коридор и вышел на нависшую прямо над Курой галерею. Здесь Нерсе обычно вел личные беседы — государственные дела обсуждались в залах.

Нерсе отпустил слуг, и они со Степанозом молча уселись на скамьи.

— Скажите, кто таков Або? — прямо к делу приступил Степаноз.

— Наш Або? Миропомазанник? Тебе следовало бы знать это, юноша!

— Мусульманин он или христианин?

— Мусульманин...

— Ваш Або принял христианство. — Степаноз поднялся и стал смотреть на Куру.

— Христианство? Возможно, — задумчиво проговорил Нерсе.

— Что значит «возможно»? — огрызнулся Степаноз.

— Это богоревнивый отрок, он следовал за мной из Багдада, ты же помнишь?

— «Богоревнивый!» — насмешливо повторил Степаноз. — Вину валят на вас! От имени амира со мной имел беседу амид, они собираются сообщить об этом в Багдад. Вас хотят взять под стражу, — выпалил Степаноз и зашагал взад-вперед.

— Запугать надумали!..

— Где этот Або? — Степаноз прервал дядю. — Немедля велите ему вернуться в свою веру.

Нерсе позвонил в колокольчик и приказал вошедшему слуге позвать Або. Степаноз вкратце поведал дяде об утреннем разговоре во дворце. Нерсе и бровью не повел, лишь успокоил взволнованного племянника.

— Ничего страшного, всего лишь хотят припугнуть

нас. Если мы будем вечно находиться в страхе, им будет куда легче чинить свои бесчинства.

Дворец Нерсе был весь окаймлен галереями с резными балясинами. Нерсе сидел на скамье, перебирая четки и поглядывая то на воду, то на племянника.

Степаноз же вовсе лишился самообладания, то и дело вскакивал и принимался шагать взад-вперед. Когда же Нерсе слишком откровенно стал высказывать свое отношение к обосновавшимся на противоположном берегу, Степаноз угрюмо прервал его:

— Так значит, вы вновь замыслили предать страну разорению!.. Знайте, все здесь обратится в пепел! Всю Грузию спалят в огне!

— Ладно, ладно, это мы уже слышали, — строго осадил его дядюшка. — Поведай лучше, от меня что им надобно?

— Уж говорил я, владыка, под стражу вас взять желают... Голову вашу отсечь!..

— Ха-ха! — рассмеялся Нерсе, — слуга принял христианство, а голову мне снимут?

— Говорят, это Нерсе его надоумил.

— Ложь! И в этом ты сейчас убедишься. Приведите! — приказал Нерсе слугам.

Вошел Або. Это был юноша лет восемнадцати-девятнадцати. Одет он был в грузинскую одежду, на голове — черная войлочная шапка. И тем не менее, он не походил на грузина, хотя и араба в нем распознать было трудно.

Этого отрока Степанозу уже доводилось видеть. Он прибыл вместе с Нерсе из Багдада, но Степаноз тогда не обратил на него внимания. Другой раз юноша попался ему на глаза в свите сопровождающих Нерсе к хазарам эриставов. На этот раз Степаноз заинтересовался юношей. Это Або, он следует за Нерсе из самого Багдада, сказали эриставт-эриставу. Затем уже женщины поведали ему о чудодейственной силе изготавливаемых Або лечебных снадобий. И со временем слава о его бальзамах и благовониях облетела всю грузинскую знать, и никто уже не переступал без них порога дворцовых бань. Дело дошло до того, что чудодейственный бальзам пользовали даже при дворе самого амира.

Словом, и судьба, и способности этого юноши были

достойны внимания. Едва переступив порог, юноша зарделся как ребенок и упал в ноги своему повелителю.

— Не надо, отрок, подымись. Дело у нас к тебе, — сказал юноше Нерсе.

Або встал и, словно догадываясь о причине, по которой был зван, виновато потупил голову.

— Сядь, — по-арабски обратился к нему Степаноз.

— Не имею на то права, Господь взирает на меня, — ответил Або, как истинный христианин возвел очи к небу и, согласно всем правилам, осенил себя крестным знамением! «Во имя отца» — поднес он три пальца ко лбу—«...и сына» — коснулся груди,—«и святого духа» — приложился к правому плечу,—«...аминь»—а затем и к левому.

Эрисмтавар растерялся и удивленно посмотрел на Нерсе. Он хорошо знал — юноша никогда не осмелится сесть в их присутствии. Просто решил начать изда-лека, чтобы иметь время понять, что же все-таки представляет из себя Або, как он воспитан, каков его нрав— предан ли он хозяину и можно ли на него положиться, а о главном он спросит его после. Вот почему предложил ему Степаноз сесть. Або же всего несколькими словами, а главное, тем, что осенил себя крестным знамением, ответил на все предполагаемые вопросы — юношу нельзя было уличить в дурном воспитании и, судя по всему, он был предан и покорен своему повелителю. И, что самое главное, сам же неукоснительно дал понять, что исповедует христианскую веру, а не мусульманство.

— Надеюсь, вы верите своим глазам, — многозначительно сказал Степаноз Нерсе.

Нерсе безмолвствовал. Он даже бровью не повел, когда мусульманин, смиренно склонив голову, осенял себя крестным знамением. Затем он встал, подошел к юноше и тихим голосом, словно с опаской, спросил:

— Або, ты ведь араб, истинный мусульманин, почему же ты крестишься?

Не ожидал Нерсе, что Або в присутствии Степаноза признается во всем. Однако юноша произнес:

— Дабы сопереживать и веровать во смерть и воскресение Господа нашего Иисуса Христа.

Нерсе усмехнулся. Степаноз стоял ни жив ни мертв, крепко стиснув зубы.

— Ты принял крещение? — сдавленным голосом спросил он юношу.

— Верую в Иисуса Христа, ибо щит мой в Господе, спасающем правых сердцем.

— Когда это произошло? — прервал его Степаноз.

— Когда мы были у хазаров, в церкви Святой Троицы.

— Почему же ты не признался мне раньше? — смущенно спросил Або Нерсе — лгать было тяжело и неловко.

— Преданность и любовь к тебе, о, богоравный, не давала мне говорить, — словно стенание, вырвалось у юноши, и глаза его озарились — наконец-то он понял своего повелителя, понял, что Нерсе не хотел сознаваться.

Повисло тяжелое молчание. Нерсе вернулся на свою скамью и взялся за четки. Степаноза же одолели горькие думы. Иначе представлял он себе встречу с Або. Разве мог он ожидать, что увидит пред собой истого христианина. Юноша ничего не скрывал, напротив, даже гордился тем, что он христианин и ему знакомы церковные книги.

— Знаешь ли ты, что тебя ожидает? — после продолжительного молчания спросил Степаноз.

— Господь предстал мне и укрепил, дабы через меня пришло благовестие и услышали все язычники...

«Все наши книги изучил он. Интересно, кто его наставник?» — подумал Степаноз, прекрасно зная, кто мог способствовать юноше, и все же спросил:

— Кто наставил тебя?

— Наставил? — задумался Або. — Грузия меня наставила! — радостно ответил он и, как и прежде, перекрестился.

«Разве я не знаю, что Нерсе его надоумил, он и речами своими старается подражать хозяину. Почему же они столь бессовестно лгут мне?».

— Как Грузия?! Какая еще Грузия?! — грозно вскричал Степаноз. Это не к Або он обращался, а к Нерсе, от него он ждал ответа.

Нерсе молчал, делая вид, что не понимает племянника, и недоуменно взирал из-под удивленно вздернутых бровей.

— Вы, эриставт-эристав, спросили, кто меня наста-

вил, — обратился к Степанозу Або. — Меня наставила Грузия. Грузия — это удел Богородицы, здесь, в сердце Картли схоронен хитон Господа нашего, сюда сама Пресвятая Дева послала святую Нину. Других наставников у меня не было.

— Погоди, Або, — Нерсе встал и подошел к коленам преклоненному юноше, — значит, ты христианин и молишься в наших церквах?

Або в знак согласия кивнул головой.

— И об этом уже знают в округе?

Юноша вновь кивнул и виновато, жалобными глазами посмотрел на хозяина.

Молчали в раздумье эриставы. Покорно склонив голову, ждал Або их решения.

— Он должен вновь обратиться в свою веру. Сегодня же! Потом может быть поздно! — сказал Степаноз Нерсе. — Нужно доказать амиру, что это случайность, что юноша поступил необдуманно!

Нерсе, понурив голову, не торопился отвечать. И Або не шелохнулся, словно и не слышал слов эристав-эристава.

— Он совсем еще ребенок и не понимает, что творит... Что губит и себя, и нас, и всю страну... Что вы молчите? Говорите же! — почти приказал Степаноз дяде.

— Пусть сначала Або скажет, — тихо проговорил Нерсе.

— Может, кто-то совратил его с пути истинного? — Степаноз в упор смотрел на Нерсе, но слова его были адресованы юноше. — Быть может, кто-то стоит за его спиной, может, он чем-то стеснен, может, у него нет еды, питья, одежды, крыши над головой, может, поэтому он ищет иных богов? Або! — теперь Степаноз обернулся к юноше, — твоя судьба уже не принадлежит тебе, ты ведь знаешь закон — если христианин принимает мусульманскую веру, с него снимается джизья, его встречают с честью, как истинного мусульманина, и записывают в войско халифа, но если мусульманин отречется от своего Бога, его ждет единственная кара — смерть. Ты хочешь смерти?

— Мессия смертью смерть попра! — взволнованно произнес Або, и глаза его вновь блеснули радостным

огнем. Он спокойно перекрестился и вновь склонил очи долу, как истинный раб господень.

— Або, скажи эрисмтавару, не нужно ли тебе что? Может, мы в силах что-нибудь сделать для тебя, — по-арабски обратился к нему Нерсе.

— Мне ничего не надо, повелитель! Пусть Господь покарает меня, если это не так, — лишь сейчас заговорил Або на арабском.

— Значит, ты лишился разума! — по-грузински сказал ему Степаноз.

— Нет, эривавт-эристав, я не лишился разума! — Або лбом коснулся пола, — не думайте обо мне худо.

— Значит, ты подкуплен, — колко произнес Степаноз, — подкуплен хазарами! Они хотят покорить нас!

Або воздел очи к небу и предался молитве: «Господь Всевышний, прости нам грехи наши на словах и на деле, в помыслах и деяниях, осознанные и невольные...»

— Або, мы позвали тебя не на молитву, — Нерсе похлопал его по плечу. — Встань и поведай нам о том, что пришлось тебе пережить.

Або поднялся с колен и встал поодаль.

— Говори, ничего не скрывая, я знаю, что ты откровенный юноша, — по-отечески ободрил его Нерсе, — эрисмтавар желает тебе только добра...

Або, казалось, и не слышал своего повелителя, он то смиренно опускал очи долу, то воздевал их к небесам, непрестанно шепча слова молитвы.

— Да говори же ты наконец, — не выдержал Степаноз.

— Кто предастся неверию после того, как уверовал, и кто впредь будет упорствовать в неверии, да не будет тому жалости и пощады... — цитатой из Корана ответил Або.

— Что же ты губишь себя тогда, — по-арабски спросил его Степаноз.

— Не желаю веры, насаждаемой мечом, — гордо произнес Або и по-грузински добавил из Евангелия — «Взявшие меч от меча и погибнут».

Степаноз окинул взглядом Нерсе, мол, помоги, урезонь отрока. Между тем, Або продолжал:

— Я истинный исмаилит из племени курейшитов¹⁰ — начал он свой рассказ, — много несправедливостей выпало мне на долю, с детства познал я человеческую жестокость и злобу, но и в страшном сне не яснилось бы мне то, что довелось увидеть в Тбилиси.

И поведал Або свою историю... Он хорошо изучил грузинский и долгий рассказ не был ему в тягость.

История о том, как вырвали язык у чана¹¹, торгующего медом

Одним солнечным осенним утром, задолго до отъезда к хазарам, Або отправился на базар за листьями мастикового дерева для своих чудодейственных снадобий. Особенно славились листья деревьев, растущих в Басре. А привозили их в Тбилиси ширазские купцы.

Как-то раз Або повстречал на рынке багдадских купцов, разговорился с ними, потянулось слово за словом, купцы и указали на торговцев чудодейственными листьями. Або купил у одного из них эти листья и, приподнившись, поспешил домой.

Вдруг он заметил, как входят на базар стражники. И стоило им только показаться, всполошились торговцы, засуетились, забегали, стали окликать друг друга, кто заспешил припрятать пожитки, кто волоком ташил тяжелые хурджины и мешки, кто и вовсе сорвался с места и пустился наутек.

Стражники же, не мешкая, беззастенчиво и бесстыдно принялись грабить несчастных. Вот они шествуют по рынку, сопровождаемые воплями и плачем, минуют духаны с выставленными вдоль стен жаровнями с дымящейся снедью, проходят по оружейному ряду, гончарному, останавливаются у огромных, с человеческий рост, бурдюков, заговорщически переглядываются, перешептываются, и раз Коран запрещает мусульманину пить вино, они решают не делать этого прилюдно — отняли у одного несчастного чана боченок с медом, облепили его словно мухи — и мед отведали, и винцом вслед за тем побаловались, захмелели быстро — вино

¹⁰ Курейшиты — арабское племя, жившее с V в. в Мекке, в Западной Аравии.

¹¹ Чаны — одно из древних западногрузинских племен.

пили прямо из кадушек. А затем то вино, что осталось в бурдюке, слили в бочонок. И вино испортили, и мед. Торговец медом возмущенно обратился к хозяину бурдюков, чего, мол, язык прикусил, осадил бы их, что ли. А тот испугался и убежал. В отчаянье торговец взмолился на своем языке — «Боже, да святится имя твое, в родном доме нет нам покоя». Один из воинов приметил, как торговец говорил что-то на непонятном им языке.

— Мусульмане, нас поносят! — провозгласил он во всеуслышанье.

— Что? Поносят?! — хором взревели пьяные стражники. — Кто смеет нас поносить, эта собака? Гяур? — и с побоями накинулись они на несчастного чана, сбили с ног и продолжали избивать его, уже валяющегося в грязи и в пыли.

Наконец, самый высокий и сильный воин выпучил на товарищей огромные, с кулак, глаза, словно желая осадить их, как малого ребенка, ухватил беднягу и поставил на ноги.

— Признайся в том, что ты сказал, и я отпущу тебя.

Чан запричитал по-грузински, хотя так и не понял, что хотел от него стражник.

— По-арабски! — рявкнул тот.

Торговец прошамкал несколько персидских слов, которые знал, но когда его не поняли, несчастный искренне изумился — он был уверен, что все неверные говорят на одном и том же языке — в отчаянье обвел взглядом столпившихся вокруг людей и сдавленным от рыданий голосом произнес:

— Что нужно от меня этим неверным, люди, ответьте, разве вы не христиане?!

Або издали наблюдал за мучениями несчастного торговца. Но, когда глаза его встретились с полным мольбы взглядом поверженного наземь чана, он не выдержал и по-арабски обратился к соотечественникам:

— Мусульмане, этот человек кормил вас медом, растолкуйте ему хотя бы, что вам нужно, не понимает он вашего языка.

— Нечего нам отчитываться! — ответил ему один верзила. — А если этот пес и впрямь осквернил имя Аллаха, то у него надо вырвать язык!

— Не осквернял он, клянусь Аллахом! — воскликнул Або и встал между пьяными воинами и торговцем.

— Пусть тогда повторит то, что сказал! — потребовал один из стражников.

Або повернулся к чану и сказал ему по-грузински:

— Признайся мне, не надо бояться.

Торговец все честно поведал, но Або поостерегся переводить сказанное.

Он сказал: «Господи, да святится имя твое», и ничего другого, — стал он уверять воинов.

— Этот юноша не мусульманин, — вдруг раздался чей-то голос, — он подосланный!

— Врешь, тварь! Я сам видел, как эта мразь подняла к небу глаза и осквернила имя Аллаха. Вырвать у него язык под корень, и все тут! — приказал верзила.

И пьяные воины в мгновение ока сбили несчастного чана с ног, словно закланную скотину, схватили за руки и за ноги. И кто-то острием кинжала разжал ему зубы.

Торговец выл нечеловеческим голосом, а изо рта его текла кровь впереметку со слюной.

Ужас охватил Або при виде столь жестокого зрелища, в отчаянье молил он воинов пощадить несчастного, твердил, что тот невиновен, просил не вырывать у него язык...

В ответ один из воинов наградил Або пинком. Но юноша не унимался, тогда его сбили с ног и нещадно избили, а когда он лишился сознания, волоком, словно мертвеца, потащили через базарную площадь и бросили в углу рядом с кучей мусора и хлама.

Тем временем у торговца медом вырвали язык, а всех остальных предупредили, что такая же участь ждет каждого, кто вздумает прекословить.

Долго еще лежал в пыли базарной площади окровавленный торговец. Перепуганные люди даже после ухода воинов не осмеливались приблизиться к нему. Або, как только пришел в себя, поднял крик: «Люди, человека убили, не прячьтесь, выходите, люди». На крик откуда-то появился смотритель рынка, окруженный мытарями, за ними потихоньку потянулись люди, выползая из своих убежищ. Кто-то помог торговцу встать, кто-то подвел арбу, запряженную волами, осторожно подняли торговца, уложили на арбу и двинулись к дому лекаря.

А Або, избитый и поруганный, вернулся домой.

Або окончил свой рассказ, и лицо его просветлело, словно наконец-то высказал он то, что лежало камнем на сердце.

Нерсе и Степаноз слушали его, не проронив ни слова.

— Когда я вернулся в тот день домой, то облачился в это платье, надел эту шапку и уверовал в Господа Иисуса Христа, — юноша стянул с головы войлочную шапку, скомкал ее в руках и замолк — не дай Бог сказать что-нибудь лишнее, затем отвел взгляд от Степаноза и потупился, как прежде.

На самом деле у истории этой было продолжение. Когда увезли окровавленного торговца и Або остался один на базарной площади, к нему подошел какой-то человек, подбодрил его и похвалил за храбрый поступок. Або не рассказал эристам о том, кто был этот человек.

— Этот юноша не знает Корана, — сказал Степаноз Нерсе, — присваивание имущества неверных — святейшая обязанность мусульманина.

— Вы правы, владыка! — произнес Або.

— «Боритесь с теми, кто не верует в Аллаха», — так ведь написано в Коране? — спросил Степаноз.

Або молча склонил голову.

— Тогда что же тебя возмутило? Что удивительного в том, что мусульмане отняли мед у какого-то там нечестивца? И правильно сделали!

— Нет, владыка, удивительно не то, что они отняли у него мед, удивительно то, что вырывают язык за то, что молишься на родном языке. Где написано что-либо подобное? И где это слыхано?

Эриставы переглянулись. Нерсе, дабы скрыть неловкость, потупил голову. «Вера, насажденная мечом» — вспомнились Степанозу слова Або. Он и раньше их слышал. Юноша говорил с чужих слов. И его познания, и его рассуждения свидетельствовали о том, что за его спиной все-таки кто-то стоит. Но кто?.. И история того торговца была ему знакома. «До всего докопаются, все тайное станет явным, только будет поздно», — не оставляла Степаноза тревога. Он боялся заговора, в каждом грузине мнился ему заговорщик, даже кровному родственнику не решался он довериться. Степаноз ста-

рался заглянуть в глаза своему дяде, старался понять, какова все же его роль в этой истории.

Да и Нерсе чувствовал себя не очень ловко меж двух огней, считал, что Або еще рано было открыто признаваться в своем христианстве — сейчас он мог только помешать ему в его планах. Но в глубине души он сочувствовал юноше и нелегко было ему скрывать раздирающие его чувства.

До конца откровенным не был никто.

— Смотри-ка, еще и поучает! — обратился Степаноз к Нерсе. — Скажи ему то, что следует, и пусть убирается отсюда, — распалился эриставт-эристав.

Або кинулся ему в ноги.

Степаноз встал и, словно от прокаженного, отстранился от юноши.

Распростертый на полу, тот не решался поднять глаза от стыда и страха.

— Або благоразумный юноша, он сделает то, что велит ему его сердце, — спокойно произнес Нерсе, — не следует прибегать к насилию.

Або припал к его ногам. Нерсе поднял его и ободряюще похлопал по плечу. Затем взглядом приказал удалиться. Степаноз, повернувшись к ним спиной, смотрел на рокочущую Куру. Осторожно ступая, Або удалился. Затем он вышел из дворца и направился к Сиони в надежде, что истовая молитва успокоит его сердце.

ДЖАМААТ¹²

После ухода Або Нерсе и Степаноз долго еще думали о том, что же все-таки сказать амиру. Больше нельзя было медлить. Не сегодня, так завтра Степаноз должен встретиться с ним. Ну, а если тот не пожелает этой встречи, то Степаноз обязан был бы всенародно, перед джамаатом доказать, что в его владениях нет и не предвидится никакой смуты. Вот почему он считал совершенно необходимым подослать к Або людей, которые вновь силой вернули бы его в свою веру, или увезли бы на родину, или придумали бы еще что-нибудь, только чтобы и след Або раз и навсегда простыл в его владениях.

¹² Джамаат — (араб.) общество, народ, собрание.

Нерсе не собирался исполнять приказание Степаноза, равно как и не думал принуждать к чему бы то ни было Або. Правда, он счел, что все-таки надо будет как-нибудь поговорить с юношей наедине.

Нерсе обнадежил Степаноза — доверь это дело мне и смело ступай к амиру, я все улажу.

Но Степанозу так и не удалось поговорить с амиром — то он был занят, то принимал гостей, то испытывал недомогание.

Джамаат же собирался раз в месяц, и оправдаться там будет невозможно — их много, и они заодно. Степанозу же в одиночестве придется отстаивать свою правоту. А решение, принимаемое джамаатом, — закон. Если бы джамаат решил, что грузины причастны к поступку Або, Степаноз вынужден был бы бежать к халифу Махдию и просить у него пощады. Но помог бы ему халиф?

В других амиратах не существовало джамаата, а меджлис собирался всего лишь раз в год. Ходили слухи, что амир Саид-ибн-аль-Хаис-ибн-Шуаб, или, как его называли тбилисцы, амир Саид, учредил джамаат лишь затем, чтоб лишить власти Степаноза.

После того, как Нерсе был отстранен от дел, следовало ожидать, что картлийское эриставство будет во все упразднено. Но надежды амира не оправдались, и осталась в Картли власть эриставов.

Тбилисский амир был облечен особой властью, и именно его порой считали фактическим правителем Восточной Грузии. Халифу это было не по душе и, дабы урезонить тщеславного вассала, он решил не упразднить эриставства. Амир же в свою очередь невзлюбил Степаноза, прямого ставленника халифа. Да и Степаноз амира не жаловал. Вот и решил амир в упрочение своей власти учредить джамаат, а Степаноза сделал его рядовым членом. Теперь ему без труда удалось бы справиться с эрисмтаваром Картли, не стой у того за спиной сам халиф. Амир опасался халифа, ну а халиф опасался и амира, и эрисмтавара. Ни тот, ни другой не должен был получать большой власти. И амир, учреждая джамаат, не только ограничивал Степаноза, но и защищался от халифа.

Степаноз был единственным грузином в джамаате. Припомнил амир, что издревле эрисмтавар Картли по-

читался эриставт-эриставом всей земли грузинской, владыкой всех племен и народов. И посему представлять народ в джамаате надлежало эрисмтавару Картли. Вот и досталась сия честь Степанозу. А викарий Кахетинский и эриставы Эретский и Гугаретский пользовались правом стоя присутствовать на джамаате.

Полноправные члены джамаата, коими были амир, везирь, шуртадмтавар¹³, кадий¹⁴ и эрисмтавар, в это время сидели, слова их имели больший вес, им было предоставлено право голоса. А эриставы, бариды¹⁵, амиды, мухтасибы¹⁶ и прочие приближенные амира допускались на джамаат без права голоса, поэтому им тоже надлежало стоять. Но и среди стоящих была своя строгая иерархия. Когда католикос Картли узнал, что ему отвели место за кадием, он возмущенно заявил, что безобразие сие суть свидетельство второго пришествия, и ноги его больше во дворце амира не было. В результате грузины лишились одного человека в джамаате, и Степаноз потребовал ввести взамен одного эристава, лелея мысль о том, что им будет его дядя Нерсе.

Амир и слушать не стал — мол, порядок менять не намерен — в джамаате один кадий, один шуртадмтавар, один везирь, даже амир, и тот один, а эристам за что такие почести?.. Словом, заставил Степаноза прикусить язык.

И выходило так, что джамаат собирался лишь затем, чтобы утвердить волю амира. И ежели бы амир пожелал опалить всю землю, то в мгновение ока об этом возвестили бы ударом джамаатова молотка. Таков был джамаат.

У Степаноза от тяжких дум раскалывалась голова, сам черт не разобрался бы в намерениях амира. Правда, на джамаате ему надлежало говорить лишь о сборе податей, но история с Або была уж слишком возмутительна. А что, если его молчание еще больше настожит амира? Может, стоило выяснить у шуртадмтавара, что все-таки ставилось в вину ему и его дяде?.. По

¹³ Шуртадмтавар — начальник стражи.

¹⁴ Кадий — судья, осуществляющий правосудие на основе шариаата.

¹⁵ Бариды — рядовые чиновники в халифате.

¹⁶ Мухтасибы — служители рынка.

чести, шуртадмтавар сам должен был придти к нему, но кто помнил о том, что такое совесть и честь. Он не то чтобы Степанозу, самому амиру не подчинялся. В один прекрасный день он мог вполне пленить его и вместе со своими приспешниками отволочь в Багдад к халифу. Право сие было пожаловано ему самим халифом, но шуртадмтавар Хаджидж-ибн-аль-Бабак был человеком амира, это амир Саид возвысил его, а точнее, сам халиф вынужден был на меджилесе назвать имя Хаджидж-ибн-аль-Бабака, когда встал вопрос об избрании в Картли шуртадмтавара. Таков был порядок.

А может, посоветоваться с везирем? Он вряд ли что-либо знает. И кадий не сообщил бы ничего утешительного. Да и не стал бы эрисмтавар Картли из-за какого-то Або бегать от порога к порогу, участники джамаата могли заподозрить его в виновности.

Степаноз решил набраться терпения и дожждаться джамаата.

Джамаат собирался каждую третью субботу месяца. Степаноз первым явился во дворец в ожидании амира и занял свое место. Теперь многое зависело от того, как встретит его амир, поздоровается ли, улыбнется ли? Спросит ли о чем до начала джамаата?

Зал медленно наполнялся людьми, но члены джамаата запаздывали. Кроме Степаноза, никого еще не было видно.

Амир, везирь, кадий и шуртадмтавар вошли в зал вместе, собравшиеся опустились на ковер, приветствуя амира. Джамаат занял свое место. Народ — свое.

Степанозу не по душе пришлось то, что амир пришел не один. Не сплотили ли они свои силы? Теперь Степаноз на всех и вся смотрел с подозрением. Но вдруг ему показалось, что, вопреки ожиданиям, амир пребывает в благодушном настроении — так же как и прежде, любезно поздоровался со Степанозом, поинтересовался здоровьем его семьи и дал знак кадию начинать. Степаноз от радости онемел, не ждал такой встречи. «Неужто амиру ничего не известно, — недоумевал он, — неужто меня решили просто поугагать... Это, наверное, шуртадмтавар подослал ко мне амида», — решил он и приготовился к докладу.

Кадий вознес хвалу Аллаху, затем открыл Коран и почему-то прочел ту суру, в которой говорилось о тех,

в ком слаба вера: «...ежели они встретятся с верующими, говорят, что мы веруем, ну а ежели тайно сообщаются с искушителями, то говорят «с вами мы, а над теми насмехаемся»...

Кадий читал внятно, разборчиво, затем вновь пропел славу Аллаху, и джамаат приступил к работе. Слова кадия всколыхнули в Степанозе новые подозрения. Почему именно эту суру зачитал кадий, не сговорились ли они обо всем заранее, не хотят ли обвинить меня в двоедушии и лицемерии? Но времени поразмыслить над этим уже не было — пришел его черед говорить. Степаноз встал, еще раз обвел взглядом собравшихся, обрattился в душе к Господу и приступил к делу.

— Кахети, Кухети и Гугарети полностью отдали дань, в мцхетской общине собрали больше, нежели в прошлом году, в дманисской общине у нас хорошие мытари, там всегда собирают много податей. Тбилиси отдал дань полностью, сбор податей продолжается... В Эрети, можно надеяться, все будет собрано, до конца года еще есть время...

С виноградников и мельниц получено двести дирхемов, в прошлом году собрали сто.

В тбилисском эриставстве отстают аварская и такамская общины.

Всего дохода — десять миллионов, и еще три будут собраны к концу года.

Степаноз был короток и деловит. Наступила могильная тишина. Все ждали амира — знали, он обязательно о чем-нибудь спросит, и вопрос его озадачит не только Степаноза, но и всех сгрудившихся за его спиной эриставов.

Но ожидания не оправдались. Смотря в упор на везиря, амир спросил у Степаноза:

— А сколько собрано золота?

— 125532 динара, — не задумываясь, ответил тот.

Он боялся этого вопроса, боялся потому, что всенародно лгал — такое количество золота и серебра не было собрано.

Мытари обманывали управителей, управители — эриставов, эриставы — эрисмтавара, эрисмтавар — амира, амир — халифа. Такою была длинная цепь лжи, что стальным обручем стянула халифат и медленно его сокрушала.

Что же оставалось Степанозу, не мог же он нарушить заведенный порядок и во имя закона и правды вершить беззаконие и несправедливость. Столько людей стояло между землей и теми, кто на ней трудится, столько разного рода чинуш, подобно голодным волкам, набрасывалось на жалкие плоды труда бедняков, кто только не грабил их под видом сбора податей, кто только не крал у них, кто только не чинил безобразия — самому черту не разобраться.

Степаноз должен солгать. Сказать правду было бы несусветной глупостью. В таких случаях он долго и настоятельно увещевал себя, подбадривал, убеждал в том, что подобная ложь не является грехом. А когда амир заставлял его врасплах своими вопросами — злился, нервничал и терялся.

И на этот раз долго пришлось ждать Степанозу каверзного вопроса амира. Но вопрос этот так и не был задан. Молчание означало, что Степанозу надлежит завершить речь традиционными словами: «В стране царят мир и спокойствие...». Их должны были произносить все собравшиеся на джамаат, если мир и спокойствие действительно царили в амирате. Если же это было не так, следовало коротко и ясно доложить обо всем амиру.

«Если и говорить об Або, то сейчас. Нет. Пусть сами спросят», — решил Степаноз в последний момент, знал, что чем меньше он произнесет сейчас слов, тем будет лучше. Пусть поговорят они, а он послушает.

— В стране царят мир и спокойствие... — пробормотал он наконец.

Воцарилась могильная тишина. Степаноз молча ждал вопроса, ответ у него был наготове: Або еще очень юн, он ошибся, но по совету доброжелателей вновь вернул в свою веру.

Амир не вышел ростом. Казалось, что гордо восседающий рядом с ним румяный здоровяк шуртадмтавар держит этого маленького чернявого человечка на ладони. Но теперь этот карла казался Степанозу могучим великаном, он и не замечал цветущего шуртадмтавара, что вместе со всем оставшимся джамаатом словно бы погрузился в темень, и на широком ковре светилось лишь пятно, на котором восседал амир. И не амир это был вовсе, а загорелый, скрюченный, приготовившийся к прыжку бедуин с плетью в руке, сейчас он вскочит на

своего арабского скакуна и с визгом помчится в пустыню на разбой... Бедуину надлежало произнести слово «следующий», лишь после этого Степаноз мог сесть.

— Где Иоанн? — вдруг раздался словно вырвавшийся из преисподней глухой голос шуртадмтавара. «Иоанн!» — встревожился Степаноз и растерялся от неожиданности. Вопрос показался ему бессмысленным и неуместным. Молниеносно заработало сознание, но так и не сумело найти спасительную соломинку, за которую можно было бы ухватиться.

Причем здесь Иоанн? Что общего между ним и сбором дани.

— Какой Иоанн? Пастырь? — чуть было не сорвалось с его уст, но он вовремя вспомнил, что амир не любит этого слова и прикусил язык.

Иоанн Сабанидзе, духовник при дворе эрисмтавара Картли Нерсе, один из участников и главарей великого заговора. Когда халиф Аль-Мансур в Багдаде пленил Нерсе, амир задумал предать Иоанна смертной казни, но не рискнул вынести смертный приговор без разрешения на то халифа. Халиф же, желавший подольше продлить муки пленника, тем временем скончался. А новоявленный халиф простил Нерсе, и амир таким образом вынужден был отпустить из темницы и Иоанна. С той поры лишил амир двор эрисмтавара духовника, а самого духовника вынудили отойти от общественных дел.

Иоанн постригся в монахи и уединился в Крестовом монастыре.

Разъяренный амир запретил монастырские школы и раз и навсегда вместо духовника утвердил при дворе эрисмтавара должность советника.

Степаноз из кожи вон вылез, но добился того, чтобы советником назначили сына Иоанна — Микаэла, тем самым, как ему казалось, искупив свою вину перед дядюшкой, самолично изгнал своего воспитателя и наставника из дворца, но остался ему верен, пожаловав пост советника его сыну.

Иоанн Сабанидзе слыл образованнейшим человеком. В Антиохии изучал он духовные и философские труды, сам Самоэл, католикос Картли, считал его своим наставником. Было более чем безрассудно отлучать его

от двора, но плетью обуха не перешибешь, и Степаноз должен был покориться воле власть имущих.

После тех злополучных событий Степаноз в глаза не видел Иоанна, и общались они лишь через посредника — Микаэла. Почему же сейчас всплыло имя Иоанна? — думал Степаноз.

— С тех пор, как Иоанн принял постриг, я его не видел, — прошептал Степаноз.

— Я спросил о том, где находится Иоанн? — повторил шуртадмтавар.

— В Крестовом монастыре, — сам того не желая, довольно резко ответил Степаноз.

Чванливый тон шуртадмтавара придал ему смелость, и он оглядел его презрительным взглядом — мол, больше ничем не поинтересуетесь? Шуртадмтавар молча смотрел на амира.

— Следующий! — произнес амир.

Встал везирь.

Степаноз с облегчением вздохнул, чуть было даже не осенил себя крестным знаменем, но вовремя одумался, сел и потупил глаза.

Везирь, как ошпаренный, стал что-то бормотать по-арабски. По происхождению он был перс, члены джамаата уже привыкли к его странному арабскому выговору и слушали, затаив дыхание: везирь просил ускорить строительство дороги и упрекал эриставов и мамасакхлиси, пользующихся правом стоя присутствовать на джамаате, в том, что они не исполняют сухру.

Степанозу не давал покоя вопрос шуртадмтавара. Почему именно он спросил об Иоанне, а не амир? Не связано ли это таинственными нитями с историей Або? «Надо будет побеседовать с амиром с глазу на глаз. Нельзя более медлить... Все зло в шуртадмтаваре, он хочет опорочить меня перед халифом, — думал Степаноз. — Надо настоятельно потребовать встречи с амиром, в конце концов, пригрозить тем, что поеду в Багдад, амиды не решатся перечить мне».

Подчас и иные мысли искушали его — «Встань, Степаноз, немедля докажи свою невинность, потребуй от джамаата уважения к титулу эрисмтавара Картли, потребуй осуждения тех, кто непочтителен с тобой». «Нет, этого делать не следует, — возражал голос разума, — надо говорить с амиром наедине, с глазу на глаз».

После везирия долгую речь держал кадий, требовал сооружения во Мцхета мечети, правда, там не жило столько мусульман, сколько в Тбилиси, но зато размещались основные воинские полки халифата.

Степаноз весь был погружен в себя и столь взволнован, что ничего не слышал. «Надо предупредить Иоанна, надо разузнать о том, что они готовят...». Он уже твердо верил в то, что за его спиной готовилась западня.

Вернувшись во дворец, Степаноз призвал Микаэла, думая расспросить его об Иоанне, но юношу не нашли, как сквозь землю провалился, прислуга сказала, что утром к нему приходил Григол, и с тех пор они его не видели.

Григол был младшим другом Микаэла, но, несмотря на молодость, отличался рассудительностью и познаниями. Степаноз считал юношу своим родственником, он приходился племянником жене Нерсе. Микаэлу с самого детства было трудно общаться с ровесниками, был он изнежен и слаб, вовсе не походил на отца. Да и Григол казался Степанозу странным отроком. Юноши вместе учились в церковной школе, там и сдружились. Школой этой, что в церкви святой Мариам, руководил Иоанн. И школа, и церковь издревле принадлежали грузинским царям и эрисмтаварам. Но основал ее Иоанн, сам же и возглавил, и стала она называться «школой Иоанна». В этой школе учился и Степаноз, да и Нерсе здесь знакомился с грузинскими духовными книгами.

Микаэл и Григол были учениками Иоанна, это он научил их читать, писать, петь псалмы, благодаря ему они подружились.

Теперь не существовало более этой школы, но ученики не забывали своего наставника, постоянно навещали его вопреки строжайшим запретам шуртадмтавара.

Но усилия властей приносили-таки свои плоды, и таяли ряды единомышленников Иоанна—кто польстился теплым местечком, а кого напугали так, что те и вовсе отреклись от своей веры. Лишь сын Микаэл и Григол преданно остались возле Иоанна, разделили его печали и думы.

Само провидение, казалось, наделило Григола благочестием и набожностью. Был он тверд и бесстрашен,

не смущали его ни прямые угрозы, ни шушаканье соглядатаев. Почти каждый день приходил он к своему учителю.

И Микаэл был верным и преданным Иоанну сыном. На долю ему выпала горькая участь. Первый удар на свое семейство навлек сам Иоанн, который провел в заточении три года. Жена его тем временем заразилась тифом и умерла. Маленький Микаэл воспитывался во дворце, был окружен любовью и вниманием, сироту жалели и пестовали, как могли.

Юноша достойно перенес все испытания, постиг грузинскую и арабскую грамоту, эрисмтавар во всем покровительствовал ему, сделал своим мдиванмцигнобар¹⁷. И юноша был благодарен людям, судьбе, Господу Богу за то, что остался жив сам, что живым вернулся его отец, что он уже взрослый и что у него есть дело, которому он служит.

Микаэл был прилежным учеником своего отца, вместе с Григолом они часто ходили в церковь. И знания, полученные в школе святой Мариаи, теперь надлежало упрочить и утвердить в Крестовом монастыре.

...Не застав Микаэла и узнав о том, что рано поутру он ушел из дому вместе с Григолом, Степаноз решил, что юноши отправились к Иоанну, и предпочел поискам ожидание.

Лишь следующим вечером явились юноши и в испуге поведали эрисмтавару свою историю.

— Нас схватила стража и эту ночь мы провели в темнице, — с трудом переводя дыхание, рассказывал Григол.

Микаэл молчал. Лицо его распухло, как от побоев.

— Мы шли по дороге, тут нас схватили и потащили куда-то. Потом нас порознь бросили в темницы. Всю ночь расспрашивали нас про Або, мы рассказали им все, что знали, но они нам не поверили.

Неожиданно Григол бросился Степанозу в ноги и со слезами в голосе вскричал:

— Эрисмтавар, они хотят схватить Иоанна!

— Иоанна! — Степаноз поднял юношу и посмотрел на Микаэла. — В чем они его обвиняют?

¹⁷ Мдиванмцигнобари — должность типа секретаря.

— В том, что Або принял христианство, — ответил

Микаэл.

Степаноз остолбенел. Уж этого-то он никак не ожидал. Но вдруг ему все стало ясно в этой истории. Теперь-то он понял, почему шуртадмтавар интересовался Иоанном.

— В том, что Або принял христианство? Но почему?

— Або ведь учился вместе с нами в школе святой Марии, — ответил Григол. — Припомнили старое.

— Как вместе? Раб вместе с господами? — изумился Степаноз.

— Да, отец приводил его к нам несколько раз, — попытался оправдаться Микаэл.

— Это давние дела, эрисмтавар, — в голосе Григола звучала мольба, — завоевателям нужен лишь повод для того, чтобы обвинить нас в поступке Або, а на самом деле он сам отрекся от своей веры, ни у кого не спросил, ни с кем не посоветовался, Господь тому свидетель.

— Приведите ко мне Иоанна! — приказал Степаноз.

Юношам вывели из конюшни эрисмтавара породистых скакунов, убранных богато, словно для самих царевичей, и отправили в путь.

Грузинам запрещалось ехать верхом на лошадях, это было привилегией арабов. Грузины же должны были ехать на ослах да мулах. Лишь царевичам да особо приближенным ко двору оставили это право.

Правда, ни Микаэл, ни Григол не принадлежали к царскому роду, но находились на службе у эрисмтавара, и потому им дозволялось сидеть верхом на лошади. Гордо восседали они на породистых арабских скакунах — ведь им надлежало выполнить поручение самого эрисмтавара — привезти из Мцхета отца Иоанна.

У ворот мцхетского мамасахлиси Микаэл осадил коня. Григол не стал спрашивать у друга, почему он остановился. Знал, что не мог не навестить Микаэл свою возлюбленную — Ано, дочь мцхетского правителя. Дворец был окружен высокой оградой, без особого на то позволения и птица бы через нее не пролетела. Юноши спешили. Микаэл прошептал:

— Ворота здесь.

Они долго стояли в укрытии, но ниоткуда не доносились ни звука.

— С тех пор, как у нее умер отец, мы не виделись, — словно раскрывая страшную тайну, проговорил Микаэл. Казалось бы, они встречались что ни день, а на самом деле виделись лишь раз, на мцхетоба.

С тех пор потерял Микаэл покой, день и ночь не покидали его мысли об Ано. «Мы должны быть вместе, это предопределено еще до нашего появления на свет», — говорила приходящая к нему в снах Ано. Всеми помыслами своими Микаэл был теперь во Мцхета, все свободное время проводил он, наблюдая из своего укрытия за домом избранницы. А Ано, словно прячась от солнца, вовсе не переступала порога своих покоев. Но Микаэл не терял надежды. Не сегодня, так завтра приблизится он ко двору эрисмтавара, а там, гляди, попадет в приближенные амира, может, и амидом станет, тогда уж смело можно будет засылать сватов к мцхетскому мамасахлису. Ну, а пока что его заботил отец. Мцхетский мамасахлиси ни за что не отдал бы дочь за сына Иоанна. Он ведь простой грузинский чиновник, с трудом добился расположения амира, приблизил к нему своего старшего сына Гуарама. Поначалу тот доверил ему сбор дани в Мцхетском уезде, а затем взял его во дворец и назначил хранителем казны. Микаэл лишь мечтал о судьбе Гуарама, к которому амир был столь благосклонен. И положение мцхетского мамасахлиси сильно упрочилось, поговаривали даже, что он вскоре станет правомочным членом джамаата. Но именно в это самое время сделался с ним удар и он скоропостижно умер. Амир прислал вместо него во Мцхета Гуарама, которому прочили большое будущее — ходили слухи, что быть ему амировым зятем. Микаэл хорошо знал Гуарама, они вместе учились в школе святой Мариам, а когда ее прикрыли, Иоанн отослал Гуарама учиться в Багдад. Из Багдада Гуарам вернулся совершенно иным человеком, с Микаэлом и с Григолом здоровался сквозь зубы, зазнался. Ему, любимцу самого амира, прежние товарищи были уже не ровней. Но Микаэл, казалось бы, не замечал этого, ведь он готов был на все, лишь бы заслужить внимание его сестры.

Григолу не улыбалось ни то, что Гуарам стал своим

человеком при дворе, ни то, что Микаэл, влюбившись, совсем потерял голову. Ему жизнь представлялась совершенно в ином свете, но он считал, что еще недостаточно подготовлен к решительным действиям.

Стояли они, спрятавшись под гульбищем, и ждали сами не зная чего.

— Пошли, а то не успеем обернуться ко времени, — прошептал наконец Григол.

— Подождем еще немного, — Микаэл прогуливался вдоль забора, заглядывая во все щели. Григол держал коней под уздцы.

И, как нарочно, стоило только Микаэлу приблизиться к воротам, как они широко распахнулись и в них появились облаченные в рубища женщины, по самые глаза закутанные в черные шали. Горестные, молчаливые, шли они куда-то, понуриив головы. Наверное, на кладбище. Когда они проходили мимо, у Микаэла невольно вырвалось: «Ано!». Девушка остановилась, откинула шаль и, словно луна в темную ночь, показалось ее лицо, на миг остановила она свой лучистый взгляд на Микаэле и вновь спряталась под шалью и слилась с процессией.

Растерянно глядел Микаэл вслед удаляющимся женщинам.

— Пойдем! — тихо произнес наконец Григол.

Но Микаэл ничего не слышал и не видел, лишь иступленно что-то бормотал.

— Микаэл! — Григол потряс его за плечо.

— Она улыбнулась мне, ты же видел, как она мне улыбнулась. Даже сказала мне что-то. Вот только что, не разобрал, — лицо Микаэла светилось. Григол отвел взгляд — ведь Ано и не улыбалась, и не говорила ничего.

— Да, я видел, — смущенно проговорил он, всучив Микаэлу в руки уздечку его коня.

Юноши ловко вскочили в седла, Микаэл резко прищпорил коня, Григол помчался следом, и вскоре они уже мчались берегом Куры. Стремглав неся Микаэл на своем скануне, то и дело оглядываясь на друга, который, следуя за ним по пятам, кричал, что надо бы свернуть на Арагви, там удобнее брод. Микаэл не слышал Григола, он и не думал искать брод, на полном ходу вре-

зался в воду, делая знак Григолу следовать за ним. Искушенному всаднику ничего не стоило пересечь реку, главное, не попасть в водоворот.

Но все же Микаэла разок-другой уносило течением. Григол же отыскал брод, спешился, скинул сапоги, взял коня под уздцы, осторожно завел в воду, и лишь затем сел в седло. Переправа заняла всего несколько минут, и вскоре юноши уже мчались к Крестовому монастырю.

Солнечный осенний день постепенно угасал. Дневное светило, щедро расточая свои благодатные лучи, медленно клонилось к горизонту, и юноши почти забыли ужас пребывания в темнице, и жизнь казалась им прекрасной. Для Микаэла весь мир был озарен взглядом глаз Ано, Григола же пленяла красота родной земли, любовно оглядывал он каждое дерево, каждый куст.

Наконец они спешились, распрягли взмыленных коней, отпустили их пастись и, решив идти напрямик, ступили на горную тропу. За спиной у них оставался храм Двенадцати апостолов, впереди величественно возвышался Джвари.

Микаэл шел первым, не оглядывался назад. Григолу хотелось вернуть друга на землю, и он то и дело обращался к нему с какими-то вопросами. Но Микаэл лишь кивал в ответ.

— Микаэл! — окликнул Григол юношу, который остановился на краю обрыва и взирал с высоты на Мцхета. Микаэл обернулся. — Там, внизу — Сиони, — Григол протягивал руку к деревянной церкви Светицховели, построенной в честь Двенадцати апостолов. — Мы идем Гефсиманскими садами к Голгофе. Вот гора Табори, там — Бетания. Мцхета — это Иерусалим грузин.

Микаэл молча продолжил путь. Не стал больше слушать. Некоторое время друзья шли молча. Рано или поздно обязательно разошлись бы их пути-дороги. Григол пылал любовью к родине, Микаэла же сжигала страсть к Ано, ради нее готов был на все, Григол же полностью посвятил себя служению отечеству. Любовь и сближала и разделяла их, но оба они любили преданно и пылко.

— Каиафово воинство! — не сдержался Григол, и

Микаэл окинул взглядом разбитые на косогоре шатры арабов.

— В Гефсиманском саду войско Каиафы пленило спасителя нашего Иисуса Христа, — продолжал Григол, но Микаэл, погруженный в собственные мысли, не слышал его.

— Микаэл, — вновь окликнул его Григол. Тот остановился и обернулся. Григол приблизился к нему и, словно поверяя страшную тайну, сказал: — Я хочу, чтобы мы были вместе.

— А разве мы не вместе?.. — Микаэл понял, что Григол не решается высказать ему готовые сорваться с уст слова.

— Вместе, и все же врозь.

— Что-то не пойму я твоих слов.

— Микаэл! Я не могу иначе... — нерешительно начал Григол.

— Кто тебя подослал? — неожиданно спросил Микаэл, и лицо его скривила злобная гримаса.

— Подослал? — Григол вздрогнул. — Откуда ты знаешь?

— Все всё знают, — холодно отрезал Микаэл и продолжил путь. — А вот я не хочу быть с вами, — неожиданно воскликнул он.

— Как ты все узнал? — Григол преградил ему путь.

— Не один я, весь Тбилиси уже знает. Грузинский народ не примет участия в вашем заговоре, а я хочу быть с моим народом и с его предводителем, мы верим не вам.

Григол закрыл уши руками и долго стоял так в оцепенении. Микаэл что-то взволнованно говорил... Наконец он остановился и дождался Григола, испытующе поглядел ему в глаза и ехидно спросил:

— Ну и что же тебе поручено? Какое крыло войска предстоит тебе возглавить?! И ты туда же?! — усмехнулся Микаэл и зашептал Григолу в ухо: — Если ты и вправду хочешь, чтобы мы были вместе, отступись от своего дяди. Степаноз обещает мне службу при дворе амира, а на мое место я попрошу его взять тебя.

— Нет, — отрезал Григол, — мой путь лежит в Тао-Кларджети!

— Новое дело! Что тебе там нужно? А как же заговор?

— Оттуда мы и начнем.

— Что начнете?

— Возрождение Грузии. Вот, — Григол достал из-за пазухи крест.

Микаэл расхохотался.

— Что тут смешного? И ты должен быть с нами. Ведь нас посылает туда твой отец.

Микаэл оцепенел, словно пораженный громом.

— Отец?!

— Нас с тобой, — гордо произнес Григол. — Католикос знает об этом.

— Мне отец ничего не говорил.

Микаэл насторожился. Он знал о том, что во дворце Нерсе происходят странные события, но ему не хотелось верить в это. Услышанное не предвещало для него ничего хорошего. Сейчас он без труда мог все выведать у Григола. Но не хотел он знать того, что скрывал от него даже собственный отец, ибо это свидетельствовало о том, что готовился серьезный заговор и что недолг страшный час, когда прольется людская кровь. «Что им нужно в Кларджети, что они собираются возрождать, почему не могут смириться?..» — упорно думал юноша, одолевая подъем. Он уже забыл об Ано, о счастливых мгновениях, что испытал недавно, и думал лишь о своем несчастном, многострадальном отце.

Наконец юноши преодолели подъем.

Приблизившись к ограде монастыря, они поначалу застыли в оцепенении, а затем сломя голову бросились к воротам. Они были сорваны с петель. На страже стояли копыеносцы. Не веря своим глазам, в страхе оглядывали юноши разоренный и опустошенный Крестовый монастырь.

«Боже, вечно случаются с нами несчастья», — подумал Микаэл. Не успел он осознать сказанное Григолом, как новый удар разразился над его головой.

«Это знамение второго пришествия», — думал Григол, в страхе оглядываясь окрест.

Юноши осторожно приблизились к стоящему на страже копыеносцу, перекрестились и собрались было войти в церковный двор.

— Назад, — твердым окликом остановил их стражник.

Юноши остановились, в ужасе вслушиваясь в арабскую речь.

— И все ж-ж-же, за какие провинности? — заикаясь, проговорил Микаэл.

— Приказ амира, — ответил стражник.

— А где монахи? — спросил Григол.

— Не знаю. Приказ амира...

Григол попытался заглянуть за ограду. По церковному двору было рассыпано сено и бродил табун лошадей. Остро пахло конским навозом, потом, слышались ржанье и похрустыванье соломы.

— Когда это произошло? — спросил Григол у стражника.

Тот молчал.

— Я тебя спрашиваю, когда это случилось!

— Не знаю. Приказ амира! — взревел тот и наставил на Григола копьё, мол, кончай болтать.

— Его схватили! — в отчаянье вырвалось у Микаэла, и он рухнул наземь. Григол попятился и продолжил перебранку со стражником, в надежде все-таки что-то выпытать у него...

— Послушай, объясни все же, что приказал амир, ведь это наш храм, наша святыня!

— Не знаю. Не велено.

— Скажи, где монахи, мы ничего больше не хотим знать, — взмолился Григол, — здесь был отец этого юноши, скажи хотя бы, куда их увели, человек же ты все-таки?

— Здесь нет монахов, здесь конюшня, — копьеносец повысил голос.

— Есть здесь кто, кроме вас? — Григол огляделся по сторонам в надежде найти кого-нибудь, кто бы ответил ему по-человечески.

— Назад! — вновь преградил ему дорогу стражник.

В это время открылась дверь кельи и на пороге показался обрюзгший, наголо обритый араб:

— Гони отсюда этих сопляков, не то не сносить им головы, — крикнул он стражнику.

Григол взглянул на Микаэла. Тот рыдал в голос, лежа на земле ничком и, то ли с горя, то ли со страху, грыз землю.

Вдруг Григол бросился к обрыву и, обратившись лицом в сторону Мцхета, словно взывая ко всей Грузии, хриплым голосом закричал:

— Христиане! Грузины!

Из монастырского двора выбежали копьеносцы, заломили ему за спину руки, связали в мгновение ока, пнули, словно бревно, и покатали вниз по склону.

Микаэл только растерянно смотрел на друга, рыдал в голос и посыпал голову землей. Связанный Григол ничком лежал на земле и тихо плакал, подрагивая плечами.

Наконец Микаэл подполз к нему и лег рядом. Копьеносец, сидя перед оградой и прислонив копье к стене, уставился бессмысленным взглядом в пространство, изредка перекликаясь с тем, другим стражником, вместе с которым они связали Григола. Тот что-то кричал время от времени из глубины кельи, о чем-то просил. Но копьеносец не собирался встать.

Микаэл встал, пошатываясь подошел к копьеносцу, достал из кармана динар и протянул ему на ладони. Тот взял его, положил в карман, оглядел Микаэла пристальным взглядом и, словно принимая серьезное решение, глубоко задумался. Наконец произнес:

— Развяжу ему только ноги, — затем встал, разрезал ножом веревку на ногах Григола, оставив связанными руки, и строго предупредил обоих:

— Бегите, и не галдите в дороге!

Микаэл взял Григола за локоть и, словно пленного, повел вниз по склону. Как только они отошли подальше, развязал ему руки, и они стремглав сбежали вниз, вскочили на коней и поскакали во Мцхета. Нужно было как можно скорее сообщить ужасную весть первосвященнику, а затем и Степанозу.

Во дворце католикоса юношам сказали, что он знает о разорении Крестового монастыря и отправился в Тбилиси на переговоры с амиром.

— А Иоанн, что стало с Иоанном? — в один голос спросили юноши у святого отца.

— Именно его-то и разыскивают неверные, потому и учинили разгром в монастыре.

— Его не пленили?

— Нет, не успели.

96935940
0111111111

Святой отец отвел Микаэла в сторону и зашептал ему на ухо:

— Говорят, отец твой отправился к хазарам по поручению Нерсе.

Микаэл побледнел, представив себе последствия этого путешествия. Вспомнил он, и как долго мучали его в застенке сарацины, допытываясь, когда он в последний раз виделся с отцом. Во всех подробностях разузнали они о том, как уезжал отец к цанарам. Микаэл ничего не знал, кроме того, что отец уехал туда по поручению церкви. А стражники все допытывались о том, кто еще, кроме цанаров, участвует в заговоре, с кем еще находился отец в сговоре. Микаэл был страшно зол на стражников и по закону грозился им расплатой. Но правда и то, что с тех пор, как постригся в монахи, Иоанн объехал всю Грузию — и Тао-Кларджети, и Кахет-Кухети, и Шавшети, и Эрети, но о заговоре Микаэл ничего не слышал.

Когда священник прошептал ему на ухо: «Отец твой уехал к хазарам по поручению Нерсе», Микаэл испугался, что подозрения арабов небеспричинны, да и самого его охватили сомнения.

К растерянному и смертельно бледному, подошел к нему Григол и сочувственно спросил:

— Что с тобой, Микаэл?

— Это, оказывается, не из-за Або, а из-за отца нас пытали, — глухим, замогильным голосом ответил юноша и рассказал Григолу то, что узнал от священника. Ни живые ни мертвые покинули юноши резиденцию католикоса.

Весть о разорении Крестового монастыря привела в ярость даже миролюбивого Степаноза, который тотчас покинул свой дворец и решительно, даже несколько вызывающе ворвался в покои амира. Там же застал он Самоэла. Амир восседал на троне, ехидно взирая на воинственно настроенных грузин.

— Наисправедливейший из владык, великий судия, возвеличенный знанием шарията и мусульманской верой, солнце, облаченное милостью халифа, повелитель наш и заступник, — Самоэл, католикос грузинский, облаченный в золотую митру, украшенную драгоценными камнями, стоял, держа в руке жезл первосвященника.

Правда, титулы амира католикос произносил с хри-

стианским смирением и спокойствием, но на лице его отпечатались гордость и достоинство, а одяние и сама внешность вызывали почтение и благоговение.

Степаноз, стоя рядом с ним, взвешивал в душе каждое произнесенное им слово, и чаша весов то кренилась в сторону первосвященника, а то и перевешивала на сторону амира.

— Паства моя по воле провидения покорна тебе, — степенно продолжал Самоэл. — Паства моя верна повелителю Востока и Запада, владыке владык халифу, ибо Господь ваш учит нас: «Покоритесь аллаху, покоритесь избранным, им, и тем самым тем из вас, кто облечен властью».

Паства моя безмятежна и исправно платит оброки и подати, ибо великий халиф, владыка всей земли, охраняет ее от врагов.

Степаноз был доволен католикосом. Он знал, что Самоэл очень умен, но в эти решающие минуты ему необходимо было быть еще и хитрым и проницательным. Самоэлу удавалось скрывать гнев и возмущение. Он убедительно убеждал амира в покорности своего народа арабскому владычеству, а владыка же, по словам Самоэла, порой из-за невежества своих слуг был несправедлив к грузинскому народу.

— Вы знаете, милостивый владыка, что жестокий Мурван ибн-Мухамед¹⁸ вторгся в Грузию со двадцатитысячным войском, разорил города, сокрушил крепости, перерезал население, опустошил деревни, из-за его жестокости народ и по сей день зовет его «Мурваном Глухим». И именно то, что не допустил Мурван Глухой, допустили некоторые порочащие имя халифа ваши приближенные. Они разграбили, разорили и превратили в конюшню святыню верного и покорно платящего арабскому халифу дань народа, наш старейший храм — Крестовый монастырь. Я верю в то, что вам ничего не известно по этому поводу. Шуртадмтавар Хаджидж ибн-аль-Бабак, неусыпный враг грузинского народа, готовит против нас заговор, дабы учинить новую резню. Вы, наверное, помните, кто такой этот Хаджидж ибн-аль-Бабак?

¹⁸ Мурван ибн-Мухамед — арабский полководец, завоевавший в VIII в. все Закавказье.

Ни амир, ни Степаноз не знали, кто был шуртад-мтавар на самом деле. Амир был наслышан о том, что Бабак не пользовался доверием халифа и потому был отослан в Тбилиси. Но это больше походило на сказку, нежели на быль, и амир не обратил на эти слухи внимания. Но слова католикоса его насторожили — не со-общит ли старик новое о Бабаке?

— Что-то не припомню, кто он такой? — холодно ответил амир.

— Это потомок Хаджидж ибн-Юсуфа, разрушившего камнеметами мечеть в Кафе¹⁹. Он наречен в честь своего кровопийцы-деда. Бабаки враги не только христиан, но и истинных мусульман, у них в крови стремление разорять святыни. Век тому назад один из Бабаков разрушил мусульманский храм, а сегодня его отродье превратило в конюшню святую обитель Христова. Чем мы провинились, повелитель? Нигде, ни в каких анналах не говорится о том, что следует обращать храмы в конюшни.

— Это величайшая несправедливость, — неожиданно заговорил Степаноз. — Господин наш и судия, великий амир тбилисский и всея Грузии! Тот храм — святыня грузинского народа, церковь грузинских царей, она возведена моими предками, и если Бабаки грабили святые храмы, то мы их возводили. Как эрисмтавар, я прошу возродить лично мне принадлежащий храм и наказать виновного.

Степаноз остановился, испугавшись, что перегнул палку, смирил гордыню, склонился в поклоне перед амиром и вновь заговорил:

— Вы должны помочь нам, повелитель, не дайте вести об этом злодеянии достигнуть Багдада, не надо боле кровопролитий, отдайте нам виновника, и мы сами осудим его. — Степаноз стал на колени перед амиром и преклонил голову.

— Это все? — спросил амир.

— Да, повелитель.

— Нет, не все, — возразил Самоэл, — я не прошу никого наказывать, наш великий судия и владыка. Свя-тые отцы Грузии направили меня к вам лишь затем, чтобы сообщить, как противится воле всевышнего ваш

¹⁹ Кафа — ныне город Феодосия.

же слуга. Он не исполняет волю аллаха. Аллах не велит осквернять христианские храмы. Аллах милостив и терпим. Мы стоим перед вами, преклонив головы, и готовы понести суровое наказание, но великий Аллах, ваш повелитель, не позволяет карать невинных, он учит: «Не учини неправого суда, ибо Господь не любит несправедливости. Творите добро, ибо Господу угодны благие деяния».

Самозл замолк. Просьбы католикоса, произнесенные языком корана, должны были возыметь большую силу, нежели слезные мольбы Степаноза, ведь архипастырь именем аллаха провозглашал справедливость. Его красноречие пришлось по сердцу амиру, несмотря на то, что Степаноз просил о наказании виновных твердо, но смиренно и даже, как подобает, преклонил при этом колени.

Католикос желал восстановления справедливости и порядка, эрисмтавар жаждал возвращения принадлежащего ему по праву.

Католикос говорил от имени народа и Господа, эрисмтавар же лишь от своего собственного. И естественно, амиру надлежало отвечать католикосу и именем народа и Бога утвердить справедливость.

— На все воля Аллаха, Аллах велик, и именем Аллаха и по воле Аллаха свершается все на земле, так восславим Господа, владыку мира, милостивого и снисходительного...

Амир был столь спокоен, словно в его владениях и вправду ничего не произошло, словно и вправду окрест царило одно лишь благоденствие. Ведь лично его ничего не волновало, и незачем ему было препираться с ропчущими грузинами.

— Отрадно было слышать ваши речи, устами вашими глаголет истина, но разговор наш сегодня не состоится, мы не готовы держать ответ именем Господа, мы не знаем, как рассудить вас. А правый суд требует полного знания и полной осведомленности. Вы эрисмтавар, — амир оглядел Степаноза пронзительным взглядом, — однако не знаете, где находятся ваши подопечные... Вы же — духовный пастырь народа, — амир перекинул взгляд на католикоса, — вы не знаете, где бродит ваш монах-смутьян.

Амир внезапно оборвал речь и испытующе посмотрел на Самоэла.

— Я не говорил о том, что не знаю этого, — спокойно ответил Самоэл. Степаноз даже встрепнулся от страха и окинул католикоса красноречивым взглядом, моля не выдавать Иоанна.

— Отец Иоанн по моему повелению отправился в Абхазию, он везет грузинам освященное во Мцхета мирро.

— Ложь! — вскричал в ярости амир.

Повисла гробовая тишина. Самоэл и бровью не повел, спокойно продолжил свою речь:

— Гнев не красит владыку и повелителя, великий судия. И я, и отец Иоанн печемся о том, чтобы сплотить вокруг Мцхета всех грузин, ибо и град сей, и сам католикос грузинский подвластны вам, и помыслы наши направлены на утверждение могущества халифата.

Ныне Халдея²⁰ и Лазика²¹, да и сама Абхазия входят в епархию патриарха Иоанна, в этих краях живут наши прихожане и ваши подданные. Грузины должны молиться в грузинских церквах и вместе со всем миром платить дань арабскому халифату. Вот с какой миссией исходил отец Иоанн Цанарети, Кахети и Эрети. Ныне с этим же поручением он отправился в Абхазию. По всей Грузии следует нам разнести мцхетское мирро и подчинить страну всемогущему халифу. И разве за это следует наказывать нас поруганием нашей святыни?!

Самоэл говорил правду, Иоанн действительно кочевал по городам и весям, исполняя наказы католикоса, но у него была и другая миссия, об этом догадывались и Степаноз, и амир. Но это были всего лишь подозрения, а на деле ни Самоэла, ни Степаноза нельзя было заподозрить в измене, ведь по сути они боролись за единство грузинской церкви только лишь затем, чтобы больше было в халифате истинно верующих грузин и тем самым больше было бы собрано арабами дани.

— Так значит, себя вы мните ангелами, а нас коварными разбойниками? — амир вскочил и ринулся в глубь зала, словно желая оттуда, подобно барсу, бро-

²⁰ Халдея — древняя византийская провинция.

²¹ Лазика — историческая область в Западной Грузии, населенная древнегрузинским племенем лазов.

ситься на Самоэла и растерзать его на куски. — Так значит, вы, предводители государства, считаете нормальным то, что происходит у вас в стране?

Самоэл взглянул на Степаноза. Тот молчал, свесив голову, — знал по опыту, что спорить с амиром не имеет смысла.

— Вы превратили монастыри и церкви в очаги заговора, сбиваете с пути истинно праведных мусульман, заставляете их забыть отечество и свой народ и по-прежнему считаете себя преданными слугами халифа? Введите! — приказал амир, и тотчас, словно только и ждали этого приказа, копьеносцы ввели в зал отца Онофрэ. Убеленный сединами, до смерти напуганный старец еле волочил трясущиеся ноги. Отец Онофрэ был одним из приближенных Иоанна, преданным Господу священнослужителем, но его могли подвергнуть жестоким пыткам и заставить очернить Иоанна.

Увидев католика и эрисмтавара, отец Онофрэ бросился к ним в ноги и стал целовать полы их одеяний. Самоэл протянул ему украшенный драгоценными камнями крест, отец Онофрэ встал, перекрестился, начал читать молитву, затем украдкой бросил взгляд на амира, и дрожа от страха, в отчаянье прохрипел: «Не знаю я, где отец Иоанн, не ведаю» и вновь распластался на полу. Амир медленно подошел к нему, и стоя у него над головой, произнес:

— Пусть войдет Бабак!

Вошел Хаджидж ибн-аль-Бабак, приветствовал амира и остановился над лежащим на полу отцом Онофрэ.

— Он ведь сказал нам, что Иоанн отправился к хазарам, — амир пальцем указал на Онофрэ.

— Да, сказал.

— Почему же сейчас это отрицает? Отвечайте, почему отказывается от своих слов? — сказал амир и вернулся на свое место.

— Вот уже неделя, как я в глаза не видел Иоанна, — вскричал Онофрэ. — Они не верят мне, пытаются. Отец милосердный, — Онофрэ вцепился в полу Самоэла, — да покарает меня святой Георгий, да лишит меня Свещицховели своей благодати, если ведомо мне, где сейчас отец Иоанн! Они сами велют мне говорить, что он уехал к хазарам.

— Где остальные? — холодно спросил католикос.

— Здесь они, поруганные и посрамленные!.. — отец Онофрэ рыдал, осыпая поцелуями стопы Самоэла.

— Если повинен Иоанн, да падет на него кара, — не сдержался Степаноз, — но к чему терзать несчастных монахов? И к чему осквернять монастыри?

— «Несчастливых монахов»? — усмехнулся Хаджидж ибн-аль-Бабак, — именно монахи, эти облаченные в рясы заговорщики и смутьяны, — наши неусыпные враги. Вот этот «несчастный» пройдоха собственными ногами пришел к нам и сообщил, что Иоанн отправился к хазарам по поручению Нерсе. Теперь вот иную песенку запел. Что, испугался?

— Ложь! — закричал отец Онофрэ. — Христиане, напраслину на меня возводят!

— Уведите! — приказал амир. Копьеносцы волоком поволокли отца Онофрэ.

— Допустим, вы правы, — амир обратился теперь к Степанозу, — и Иоанн не уехал к хазарам. Но Крестовый монастырь тем не менее останется конюшней.

До глубины души тронули Самоэла муки отца Онофрэ. Но чем он мог помочь ему? Разве допустимо такое издевательство над слугой господним? Но он понимал, что перечить амиру бесполезно, равно как и бессмысленно просить пощадить несчастного монаха. Он лишь в отчаянье проговорил срывающимся голосом:

— Чем заслужили мы, повелитель, столь суровую кару? — и не смог сдержать подступивших слез.

— Чем? — усмехнулся амир. — Мы и впредь будем превращать в конюшни те церкви, в которых не молятся Богу, а отвращают от истинной веры преданных мусульман.

Это уже было иное, более серьезное обвинение — значит в том, что Або принял христианство, обвиняют и Иоанна и вверенный ему Крестовый монастырь.

— Нет, великий повелитель, — пришел на помощь Самоэлу Степаноз. — Крестовый монастырь тут ни при чем, Або сам, по своей воле обратился в христианскую веру. Я сам беседовал с ним.

— Не могу верить тебе, — резко прервал его амир, сурово взглянул на гостей и произнес: — Вы свободны!

Подавленные, удрученные, словно восставшие из могил мертвецы, вышли из дворца эрисмтавар с первосвященником.

— Святейший, — остановил Степаноз бредущего в раздумье Самоэла, — они свалили крест у въезда на мост и облили его грязью, — и, словно доверяя страшную тайну, продолжил, — пройдемте, я покажу вам. Дайте приказание восстановить его, у меня нет на то права, а мастеров я пришлю сам.

Самоэл лишь молчал в ответ. И эрисмтавар предпочитал молчать, стыдясь проронить хоть слово о тяжелой участи Картли. Так, молча, сели они в колесницу.

Кони с развевающимися гривами быстро покатали повозку под гору и с грохотом въехали на мост.

Эрисмтавар приказал вознице остановиться, и какво же было его удивление, когда он увидел крест возвышающимся на прежнем месте. Степаноз сошел с колесницы, приблизился к кресту, прикоснулся к нему рукой — крест был железным.

Самоэл с горестью и сочувствием оглядел Степаноза, пересел в свою колесницу.

— Где же вы отыскиали, святой отец, железных дел мастера? — в растерянности спросил эрисмтавар.

— Эх, сын мой, главное, чтобы сердце у человека было, а то мастеров отыскать нетрудно.

Колесница Самоэла покатила в сторону Мцхета.

Эрисмтавар же повернул назад, в свой дворец. «Господи, почему я все еще живу?» — подумал он, оставшись наедине с собой.

АБО

На него напали среди ночи. Подняли, спящего, с кровати, надели на руки кандалы, завязали рот и поволокли.

Он не видел ничего.

Один из стражников тащил его за локоть, другой шел сзади, приставив к спине копьё. Лицо этого второго стояло у Або перед глазами — искаженное злобой, словно он вел на казнь убийцу собственного сына. Лязгнув замок, заскрипела железная дверь, и затем его бросили в какое-то подземелье. В темноте он ударился лицом об стену, ощутив тяжелый, затхлый запах сырости и плесени, и почувствовал, как что-то тяжелое медленно и неуклонно наваливается ему на спину.

Еще раз лязгнул замок, и стих постепенно звук удаляющихся шагов. «Схватили, — пронеслось в сознании. — Это тюрьма или каземат?». Он стал шарить руками по стенам, словно ища что-то. Убедившись в том, что перед ним каменная стена, попытался обернуться, но не сумел. «Наверное, все же каземат...» Поскользнулся, не сдержал равновесие и ударился лбом о холодную сырую стену.

Словно запертая в темной комнате птица, в смятении бился Або о каменные стены и не мог все же понять, где он, зачем бросили его в эту страшную темницу и что еще ожидало его впереди. Он перевел дух, решил, что перво-наперво следует взять себя в руки и успокоиться, и раз пришла ему в голову мысль, раз он решился хоть на что-то, то забрезжила в нем надежда, и он попытался перекреститься связанными руками. Но тщетно. И лишь в сознании своем осенил он себя крестным знамением.

Затем медленно развернул ладони и принялся подробнее, настойчивее ощупывать стену — она была влажная, скользкая, кое-где по ней стекали струйки. Он поскреб ее ногтем — нет, это не дерево, это камень. Над головой капала вода.

Юноша скинул с ног деревянные сандалии, провел голый ступней по полу. Он тоже был влажным, ни каменным, ни земляным, таким же скользким, как и стены. «Меня бросили в темницу, в выдолбленную в скале темницу», — внезапно догадался юноша, прильнул к стене и предался молитве, прося у Бога благословения и пощады.

Молитва несколько успокоила его, казалось, боль унялась, и, ощутив облегчение, он вновь вернулся к земным заботам: шаря руками по стене, попытался сесть — согнул колени, уперся ими в стену, сполз медленно по железной двери, но у него ничего не получилось. Этот каменный склеп был слишком мал.

Сказали, что Або по-грузински означает «сын божий». Это, наверное, воля провидения, он был рожден для служения Господу, потому и принял помазание. Так думал Або, и эти мысли прибавляли ему силы. Но эта камера была слишком уж жуткой. Он знал, что у стражников были в городе свои казематы, те, из которых узники не выходили живыми. Або с детства был

приучен к темницам. Его отец был тюремным надзирателем халифа, и мальчику были известны и знакомы все багдадские темницы и застенки — и подземелья крепостей, и темные карцеры, и ямы для смертников, и пещеры для пожизненных заключенных. Довелось ему побывать во множестве больших и маленьких темниц, и человеческие муки повидать довелось. Но такого каземата, в который его бросили нынче, он не только не видел, но и не мог себе представить.

«Тут нет воздуха, — внезапно пронзила сознание мысль, — я здесь задохнусь».

Он постарался взглянуть в темноту. Вокруг было черно, как в могиле. Правда, глаза у него были повязаны, но ему казалось, что он видит. Как только он переставал предаваться своим мыслям, он словно прозревал, словно спадала с его глаз пелена. Ощувив это, Або возрадовался. Оказывается, человек видит не только глазами, но и сердцем. Это сердце его подсказывало ему все, что происходило там, за пределами ужасной темницы...

Григол и Микаэл бежали по полям, в отчаянье окликающая его — «Або! Або!». За ними виднелся оскверненный Крестовый монастырь, и раздавался далекий женский крик. Потом, словно во сне, ему показалось, что все это происходит у него дома. Микаэл был взволнован, Григол задумчив.

— Нас заточили в темницу, из-за тебя был осквернен Крестовый монастырь, пытаются монахов, — шепотом рассказывал Микаэл о зловещих событиях, — вернись в свою веру, мы просим тебя, мы оба просим тебя, вернись, — Микаэл взглянул на Григола, — сейчас так будет лучше, поверь нам.

— Из-за меня? Какое они имели право? Почему? — встревожился Або.

— А потому, что они ищут виновника, — ответил Григол. — Они весь грузинский народ готовы обвинить в том, что ты отрекся от веры, нашьют на страну нового Мурвана-Глухого и не оставят камня на камне.

— Братья мои! — сказал Або и низко склонил голову, — вы же помните, отец Иоанн зовет нас братьями.

«Духовные братья», — думал Або, вспоминая их лица в ту ночь. Григол, осенив себя крестом, возвел

глаза к небу, моля Господа о спасении. Микаэл был хмур и сидел, не шелохнувшись. Что общего между царевичами и пришлым рабом? Разве посмел бы Або называть себя их братом? Но раз уж учились они вместе в школе святой Мариам, раз сам отец Иоанн назвал их духовными братьями, то Або и вправду поверил в это, хотя был с ними по-прежнему робок и почителен, как и подобает рабу.

— Братья, я не ровня вам, но раз уж смилоствивлись вы надо мной однажды, раз была на то воля Господа, то не обреките меня на разлуку с вами, я готов быть вашим верным псом, пылью ваших сапог...

— Я не желаю твоего возвращения в мусульманство, но... — не сдержался Григол.

Он был взволнован и замолк, задумался, не решаясь произнести слова, в которые не верил, с которыми не соглашался. Всею душой и всем сердцем был он с Або, считал его героем и все же сказал то, во что не верил:

— Может, было бы лучше, чтобы ты на время уехал из Тбилиси.

— Непременно, непременно нужно уехать, — подтвердил Микаэл, — к тому же, ты должен вновь уверовать в Магомета. Я прошу тебя, Або! Мы оба тебя просим!

— Не проси об этом, Микаэл! — Або кинулся ему в ноги. — Не проси зря.

— Никто не нуждается в твоей самоотверженности, — Микаэл встал и холодно отвел руки Або, — мы сами за себя постоим.

— Микаэл! — Григол взглядом упрекнул Микаэла. — К чему произносить столь горькие слова.

Григол чувствовал себя меж двух огней.

— Эрисмтавар ведь велел тебе вернуться в свою веру. Почему ты не исполняешь приказаний эрисмтавара! — не уступал Микаэл.

— Потому, что Або исполняет волю Господа, а не эрисмтавара, — ответил за Або Григол.

— Нас всех схватят и сгноят в подземельях! Сравняют с землей города и веси!

— Пусть! — неожиданно воскликнул Або. — Пусть подразнят быка. Говорят, что он в ярости страшен.

— Ты понимаешь, что несешь? — рассвирепел Микаэл.

Або, сложив руки на груди, смиренно взглянул на Микаэла.

— В первую очередь, как главарию заговора снесут голову Нерсе, твоему защитнику и покровителю, потом моему отцу, твоему духовному пастырю, как ярому изменщику, — слово «изменщик» он произнес подчеркнуто и с отвращением, — затем Григолу как секретарю и сподвижнику Нерсе, а затем Микаэлу как их другу и сыну Иоанна. А бык, как бы ни рассвирепел, все равно не сладит с разъяренным львом. Лишь зря прольется кровь. Будто мало мы ее уже пролили. Все это нам сказали там, — Микаэл поднял вверх указательный палец, подразумевая застенки арабских тюрем. — Разве не так? — обратился он к Григолу.

— Так, все это правда, — ответил Григол, — но, думается мне, они хотели напугать нас.

— Эрисмтавар Нерсе не велел мне отречься от своей веры, — осторожно проговорил Або.

— Поступай так, как велит тебе Нерсе, — молвил наконец Григол, — по правде говоря, мы и сами не знаем, как быть... Не гневи Бога, Микаэл!

Або тогда больше ничего не сказал. Микаэл и Григол же еще долго спорили. Або лишь слушал их. То, что он думал, произносил Григол. Теперь же, из темницы, Або вступил в спор с Микаэлом.

«Никого не схватят, никого не казнят, ведь спросят же у меня о том, почему отрекся я от мусульманской веры. Неужели человек не вправе верить в то, во что он верует, следовать за тем, кого он любит, пожертвовать собой ради того, кому он предан?».

Тот вечер никак не выходил у него из головы. Постоянно стояло перед глазами возмущенное лицо Микаэла и вспоминались его горькие слова: «Никто не нуждается в твоей самоотверженности».

Кто они были — эти «никто»? От чьего имени говорил Микаэл? Так никто его и не понял. Да он и не ждал понимания и жалости. Нет, не ждал. Не хотел быть ни святым, ни мучеником. Он просто поверил в Бога обездоленных и униженных, обрел наконец того, кого искал с самой своей юности, нашел и доверился ему, и разве за это заслужил он такие мучения? Или

разве на кого-то другого должна была пасть кара? И если уж так суждено, то лучше смерть, чем отказаться от обретенной им веры.

«Совсем промок...». Тяжелое от влаги белье липло к спине и ногам. Когда его подняли, спящего, с постели, он пытался дотянуться до одежды, но не сумел, его поволокли, даже не дав опомниться. Успел лишь сунуть ноги в сандалии, и надо же, именно они ему и негодились. Отполированная деревянная подошва скользила по сырой земле. Словно бы нарочно измазали тюремщики грязью темницу.

Он скинул сандалии и отодвинул их ногой к стене. Но и так, босиком, не удавалось ему удержать равновесия. Вновь взгляделся в темноту, пытаюсь восстановить картину, что исчезла при прикосновении к его телу мокрой одежды.

«Может, и вправду лучше уехать отсюда. Лишь терзаю любимых людей и гублю себя самого. Убьют ведь...». Почему-то захотелось произнести эти слова вслух, но вместо членораздельных звуков раздалось лишь бессвязное мычание. И только сейчас он сообразил, что и рот его был крепко стянут мокрой тряпкой. «Надо от нее избавиться», — решил он, поднес скованные кандалами руки к подбородку и тихонько принялся стаскивать повязку. Какое облегчение он испытал, содрав наконец отвратительную тряпку и пошевелив осторожно челюстью. Тряпка упала на пол. Он встал на нее босыми ступнями. Вот она и пригодилась ему.

«Может, удастся стянуть повязку и с глаз?». Он дотянулся до нее руками, но старания оказались тщетными. Если бы руки не были закованы, он легко бы стянул ее с затылка.

«А может, я уже мертв, — усмехнулся он, — может, они убили меня, еще лежащего в постели, и может, я уже лежу в могиле? Что же это тогда, если не могила? Полная тьма, пахнет плесенью, воздух спертый, по стенам стекает вода, вот скоро появятся могильные черви и станут меня есть...».

То ли он устал, то ли задохнулся от недостатка воздуха, только колени у него вдруг подкосились. Он запрокинул голову, словно обращая стянутые повязкой глаза к Господу (и предался молитве, как учил его на-

ставник. Даже тихонько пропел псалом. Затем свесил голову и замер.

«...Наверное, я все же не умер. Откуда-то просачивается воздух. Как же терзают руки кандалы... Боже, какая боль... А может, меня уже пытаются, не сочли нужным делать это на виду у всех, посреди базарной площади, и решили здесь, в темнице, покончить со мной... Надо выбросить из головы эти дурацкие мысли, то, чему суждено быть, сбудется».

Старался думать о Григоле и Микаэле, но мысли упрямо обращались к Нерсе. Во весь свой исполинский рост предстал перед ним эристав Нерсе, возник молодым, статным, сильным и отчаянным. Бряцая кандалами, он медленно и величественно приближался к нему.

Халиф приказал доставить Нерсе. Четверо стражников ввели его под руки. Пятым был Або, он помогал отцу. Тогда и увидел он впервые грузинского эристава. Он знал, что в этой темнице заточен самый главный преступник, но дверь камеры открывалась редко, и ему не удавалось увидеть узника.

На площади у дворца халифа собралось людское море. Здесь должны были пытать эристава Нерсе.

Ни Або, ни стражники, ни сам Нерсе не ведали о том, какую ему предстояло принять кару. Он шел, гордо подняв голову, бесстрашный герой, не боящийся даже смерти. Шел, звеня кандалами, жадно глядя большими черными глазами на солнце, небо, воздух, на копошащихся вокруг него, словно черви, людей. За годы, проведенные в мрачных казематах, он истосковался по белому свету и шел, словно не на казнь, а на праздник.

Теперь Або уже были хорошо известны предания о Раждене Первомученике²², Эвстатэ Мцхетском²³, о Шушаник и о многих других святых. Но тогда, маленьким мальчиком, он в изумлении взирал на невиданное зрелище — на то, как пытали человека. Для него были непонятны, непостижимы и отвратительны поступки взрослых. Он знал, что его отец заточал в тюрьмы злодеев, но не мог себе представить, чтобы он мог коварно

²² Ражден Первомученик — Святой Ражден, сподвижник Вахтанга Горгасала, перс, принявший христианство (V в.)

²³ Эвстатэ Мцхетский — перс, замученный за принятие христианства (VI в.)

подкрасться из-за спины к человеку, накинуть ему на шею петлю и безжалостно затянуть ее.

Везирь объявил волю халифа: пытать Нерсе каленым железом. Палачи раскалили прутья, ударили в барабаны, по толпе прокатилась волна смятения. Мусульмане слали яростные проклятья грузинскому эриставу и всему христианскому миру.

Но произошло невероятное: никто не смог заставить Нерсе опуститься на колени, все, кто ни приближались к нему, словно мячи, отскакивали от закованного в кандалы великана. Тогда отличился отец Або, подкрался со спины и накинул на шею петлю. Бросились на Нерсе гуртом стражники, свалили, чуть ли не к самой земле заставили склонить голову. Впятером навалились на строптивца, и тем не менее справились с трудом. Двое его держали за руки, четверо за ноги, а один из стражников навалился всей тяжестью на спину. Перед глазами Або вставало лицо вцепившегося в развевающиеся волосы эристава отца, он видел его сморщенный лоб, сросшиеся седые брови, свирепые, горящие, ястребиные глаза... О, как зорко, как рьяно следил он за тем, чтобы узник не увернулся от рук стражников, с каким ожесточением вцепился он в его волосы и с какой звериной яростью прижимал лицо его к земле. И все же при каждом ударе шомпола эристав расправлял плечи, отбрасывал от себя усердного палача и вгрызался зубами в землю. Стражники прикрикнули на палача, чтобы получше держал строптивца. И тут отличился отец Або, не хватало силы, так хитрость помогла, он просто сел на голову своей жертве, лишив ее возможности даже шевельнуться, и стражники старательно выжгли крест на спине Нерсе. Но Або уже не видел этого. При виде того, как отец его уселся на голову эриставу, юноша прикрыл глаза ладонями и в ужасе кинулся прочь, с трудом пробираясь сквозь толпу. Целую неделю потом он старался не бывать дома, стыдясь встречи с отцом. Что они могли сказать друг другу? Отец ведь выполнял свои обязанности. За эту работу он получал вознаграждение. И Або, и его братья и сестры ели заработанный им хлеб. И разве мог отец повести себя иначе. Або должен был примириться с тем, свидетелем чего ему довелось быть, и ему это почти удалось. Разумом-то примирился, но сердце твердило

иное — оно подсказывало ему, что надо украсть хранящиеся у отца ключи. И руки Або выкрали у отца ключ от камеры, в которой был заточен пленный грузинский эристав.

...Або вошел в темницу, как привидение. Держа в руке лучину и в страхе прижимаясь к стене, подбирался он к лежащему навзничь на полу узнику. В камере стоял смрадный запах разлагающегося тела. «Он умер», — в отчаянье подумал Або, приблизился к распластанному на полу Нерсе и заглянул ему в лицо.

— Кто это? — по-арабски спросил узник и застоялся.

— Я-а-а, — Або растерялся, — я сын тюремного сторожа... — затем, словно опомнившись, сунул руки в карман, достал оттуда красные яблоки и положил у изголовья Нерсе.

— И что? — узник произнес еще какие-то слова, но Або не расслышал их.

— Я украл у отца ключ. Я видел, как вы... — юноша не мог найти нужных слов.

— Украл? — умирающий поднял голову и пристально взглянул на Або. Было заметно, что ему трудно двигаться.

— Воды, — мучительно произнес он.

Перед узником стояли на полу кувшин с водой и миска с гороховой похлебкой. Або протянул ему воду.

— Налей на спину, — шепотом попросил Нерсе. Або не понял, о чем его просят, подполз близко-близко к Нерсе и поднес ухо к его губам.

— Налей воду мне на спину, — еще раз отчетливо проговорил Нерсе.

Або медленно накренил кувшин.

— Осторожнее, — проговорил узник, и юноша понял, что Нерсе просил его лить воду на рану. Тогда он подставил под струю ладонь.

— Довольно, — проговорил Нерсе, когда рубаха его промокла.

Або поставил кувшин на место и, сидя на корточках, стал разглядывать узника.

Сейчас, вспоминая эту камеру, Або невольно сравнивал ее со своей. Та была мала, но настолько, что в ней все же уместилось бы два-три человека, и окошко в ней было под самым потолком, так что и дневной

свет порой проникал. Были в ней и стены, и потолок. Истерзанный Нерсе лежал на дощатом полу. «Лежал» — это слово вернуло его к действительности. Сам он не мог даже сесть, не то, чтобы лечь. Ноги его онемели и стали болеть. Расправил плечи, пошевелил стопами на мокрой тряпке.

— Принеси дорожник, — простонал эристав.

— Сейчас ночь, господин. Я не найду его. Я вам завтра принесу. Я непременно завтра принесу.

Нерсе закрыл глаза и замер. И Або долго хранил молчание, стоя на коленях возле узника и разглядывая его лицо. Ему тогда было лет двенадцать, и он толком даже не знал, за что так жестоко карают этого могучего человека. Отец сказал, что он злодей и поэтому его пытали каленым железом. Но мальчик не понимал своего отца, ему искренне нравился исполин, с которым еле справились пятеро стражников.

— Ты много набери дорожника, — прошептал Нерсе.

— Я наберу целую корзину, — с гордостью ответил мальчик.

— Сейчас ночь? — спросил Нерсе.

— Да, уже за полночь.

— Как тебя зовут, отрок?

— Або.

— Або, — одними лишь губами прошептал узник, — а меня Нерсе, зови меня дядя Нерсе.

«Дядя Нерсе», — мальчик совершенно растерялся от радости, он думал, что узник отругает сына своего мучителя, прогонит прочь, а он велит называть его «дядей».

Або тогда ничего не знал ни о Христе, ни о святом писании. Кроме Аллаха все и вся не имело для мусульманина права на существование. Так что же толкнуло его в эту камеру, кто наставил его на путь добра? Або и не знал, что совершает доброе дело. Теперь, спустя много лет, вспоминая о той ночи, он мог как-то осмыслить свой поступок. А почему он подвергал себя опасности, не знал и сегодня.

В ту ночь он ни на миг не сомкнул глаз — отчаянно ждал рассвета. «Дорожник, дорожник», — не престанно твердил он себе. «Дядя Нерсе» все время стоял перед глазами. Отец называл его «неверным».

Або не нравилось это слово, ведь он сам видел, что этот «неверный» был таким героем, о которых он слышал лишь в сказках.

На следующий день, едва рассвело, мальчик собрал целую корзину подорожника, затем запасся терпением, дождался ночи, и когда отец уснул, вновь взял у него ключи, и на цыпочках спустился в подземелье. На этот раз он захватил с собой лучины и укрепил их во всех четырех углах камеры.

— Я принес вам подорожник, — сказал Або, протягивая на вытянутых руках корзину. — И бальзам.

— Бальзам? — удивился Нерсе и со стоном приподнял голову.

— Да, эфирное масло. Мама у меня знахарка, и предки наши, оказывается, изготавливали эфирное масло для халифа. И дед, и прадед, только отец мой оказался среди стражников, он так и не научился настаивать масла... А мама научилась и меня научила... Таких мазей в Багдаде теперь никто не делает.

Або рассказывал это, присев на корточки у изголовья узника, не решаясь притронуться к нему. Ждал, что скажет Нерсе.

Тот протянул руку к корзине, и вновь от нестерпимой боли из уст его вырвался глухой стон.

— Подними рубашку, — прошептал он, — и положи на рану эти листья.

Або засучил рукава, наклонился к узнику, поднял рубашку... Резкий запах разложения ударил ему в нос, Або прикрыл глаза рукой, вскочил и убежал в темный угол, весь дрожа, не в силах удержать слезы.

— Куда ты ушел? — прошептал Нерсе.

Або молчал, глотая слезы. Как он стремился сюда, как ему хотелось помочь несчастному, облегчить его страдания, и надо же, не выдержал, дрогнул! Не ожидал он увидеть столь страшное зрелище — спина узника вздулась, побагровела, огромные, величиной с кулак, рваные раны истекали гноем.

— А я-то думал, что ты мужчина, — прошептал эристав.

Слова Нерсе задели мальчика, придали ему силы, подняли дух и он медленно приблизился к узнику.

Сняв с себя рубашку, он смочил ее водой, дрожащими руками протер Нерсе раны, затем смазал их баль-

замом, придвинул к себе корзину с подорожником, словно опытный лекарь, разложил листья по спине, осторожно опустил рубашку и облегченно вздохнул, обрадовался — казалось, он совершил невозможное. Темница наполнилась запахом роз, который напрочь изгнал еще совсем недавно царившее там зловоние.

— Приятно? — осмелев, спросил мальчик.

— А теперь налей на рубашку воду, — велел узник, — как тогда...

Або налил ему на спину воду, мокрая рубашка прижала к телу подорожник.

— Хорошо... — облегченно прошептал Нерсе.

Або поставил кувшин у его изголовья.

— Бог... послал мне тебя... — выдавил из себя Нерсе и замолк, прижавшись лбом к холодному полу.

Або внимательно осмотрел темницу, чтоб не оставить следов своего пребывания, старательно собрал с пола листья подорожника, тряпки и положил в корзину, не забыл и свою рубашку, тихо прикрыл дверь и ушел.

На третий день мальчик снова решил навестить узника, взяв с собой подорожник и бальзам, но отец, почувствовав что-то, подстерег его, схватил родного сына, как последнего вора, сдернул с него в ярости одежду, привязал голого к дереву и безжалостно отстегал веревкой.

С тех пор Або и близко не подходил к темнице.

Прошло время.

В один прекрасный день отец вернулся домой радостный и принес Або купленную на багдадском базаре одежду. Оказывается, сказал он, узник, которому ты носил подорожник и бальзам, халиф гяуров, и он прислал тебе подарки. У Або никогда не было вышитой золотом одежды и кожаных чуваков, сестры окружили его, горящими глазенками разглядывая этот наряд, Або был безмерно счастлив и по ночам во сне шептал имя гяурского халифа — Нерсе.

Случилось чудо, Або и его отца вызвали к халифу. Они прибыли ко дворцу в золоченой карете, и их с почетом проводили в царские покои. Оказывается, новый халиф даровал Нерсе свободу и позволил вернуться на родину. Нерсе попросил халифа дать ему в услужение

Або — сына тюремщика, и заплатить за него выкуп родителям. Халиф согласился.

Або восстанавливал в памяти всю картину от начала до конца: как они покинули Багдад, как после долгого пути прибыли в Картли, как въехали в Тбилиси.

Наконец память высветила место, где должна была решиться его судьба.

Во мраке отчетливо увидел он освещенный солнцем дворец Нерсе. На гульбище в сопровождении слуг появился он сам — в грузинском платье, в черной войлочной шапке. На грузина он не был похож, но и араба в нем признать было трудно.

Из мрака донесся до него голос: «Этот юноша не знает корана»... Это был голос Степаноза. И дворец, и Нерсе, да и самого себя Або видел отчетливо, словно наяву, лишь Степаноза не было видно, и только его жесткий голос доносился из глубины мрака.

«Присвоение имущества неверных — святая обязанность мусульманина... Что удивительного в том, что мусульмане отняли мед у какого-то нечестивца? И правильно сделали!».

Або повернулся лицом к углу гульбища, где было темно и откуда доносился голос Степаноза, и робко обратился к темноте:

— Нет, владыка, удивительно не то, что они отняли у него мед, удивительно то, что вырывают язык за то, что молишься на родном языке.

«Смотри-ка, еще и поучает! — разозлился голос, в котором слышалась угроза. — Говори что нужно, и убирайся!».

В темноте мелькнуло одеяние Степаноза, Або кинулся ему в ноги. Но ноги пнули его, как прокаженного, и вновь исчезли во мраке. Возле Або появился эристав Нерсе и мягко, сочувственно произнес: «Або благоразумный юноша, он сделает то, что велит ему сердце. Не следует прибегать к насилью».

Або прильнул к ногам Нерсе. Эристав наклонился к нему, поднял и, подбадривая, обнял за плечи.

— Благодетель, — сказал Або, — сердце подсказывает мне, что я должен страдать за угнетенных, за Господа Бога, за Иисуса Христа. Помните, там, в Багдаде... Это вы осветили мне путь...

Нерсе молчал. Все вновь погрузились во мрак, и Або по-прежнему остался один в кромешной тьме. ...Где-то прокричал петух. Крик его донесся откуда-то издалека, едва слышно. Або обрадовался этому крику, словно вести о свободе.

Раз где-то кричит петух, стало быть, не совсем покинул его Всевышний — люди близко. А близость их — это утешение.

Он не просил помощи — он смирился со всем: пусть ему отрубают голову, распинают на кресте, сжигают на костре, вешают. Одного он боялся: лишь бы не вливали ему в рот кипящее масло. Если рядом будут люди, он будет чувствовать себя увереннее, это придаст ему силы. Даже один-единственный стон, вырвавшийся у человека, поможет ему сделать шаг к виселице, в конце концов ради людей он готов стерпеть и самую страшную для него пытку кипящим маслом. Но а вдруг его прикончат в этой жуткой темнице, и никто даже не услышит об этом?.. Нет-нет, все должны узнать о том, как сын могущественного народа, владеющего всем Востоком, отрекся от своей сказочно богатой родины, от своей веры и поклялся в верности угнетенному и малочисленному, но стойкому духом грузинскому народу.

Но не только ради грузин обрекал он себя на муки, но и ради своего родного народа: если он будет стойким до конца, грузины смогут уверовать в то, что их страну, их народ не поработить, не сломить их веру. Ведь Господь даровал им землю, язык, веру, и никто, даже араб, не имел права отнять дарованное Богом. Арабам же он хотел подать пример того, как следует уважать другие народы, пример того, что не все арабы истовые приверженцы жестокого халифа.

Лишь теперь, в темнице, стал он думать об этом. Прежде ему и в голову не приходило, что он может быть защитником сырых и обездоленных. В Иисусе Христе он узрел бога угнетенных и тотчас уверовал в него. Это и привело его к Голгофе. И поскольку он ступил на этот путь, ему надлежит быть таким же стойким, каким был сам Христос.

Вновь послышался крик петуха. И вновь потеплело у него на душе, вновь замерцала надежда. «Наверное, рассветло. За мной скоро придут». Пребывание в склепе становилось невыносимым уже настолько, что остава-

лось лишь мечтать о том, чтобы его увели, пусть даже на пытки.

Но никто не приходил. «Вот и о смерти приходится мечтать», думал он. Он стал задыхаться. Если бы не прислонился к стене, то наверняка упал бы.

Единственное, что ему оставалось, это долгим взглядом вглядываться во тьму, стараясь высветить там события прошлых дней. Но все тонуло во мраке. Он потерял сознание, колени подкосились, и он медленно сполз по стене. В этой могильной тишине, в этой чудовищной мгле время словно бы застыло.

...Но вот замерцала белая точка, совсем крохотная, затем стала расти, и вот уже во тьме зажглась полная луна и высветила лицо Иоанна.

— Отче! — воскликнул Або и упал к его ногам. — Они схватили меня, и вот так, в одном белье бросили в темницу! Мой хозяин и повелитель не знает об этом, ни братья не знают, ни эрисмтавар Степаноз. Со скованными в кандалы руками, с повязкой на глазах я в этом страшном застенке жду смерти. Разве может человек верить в их бога?..

Отец Иоанн молчал, понутив голову. Он не знал, что ответить юноше. Но Або чувствовал, что все это лишь сон, и попытался очнуться. Он хотел въяве говорить с Иоанном, хотел понять, что же ответил ему Иоанн. Степаноз и Микаэл настаивали на том, чтобы он вернулся в свою веру, Нерсе и Григол осторожничали — поступай, мол, как тебе подсказывает сердце. Иоанну принадлежало решающее слово, и Або надеялся на него...

Отец Иоанн стоял со своим белым мулом посреди базарной площади и издали наблюдал за Або, что склонился над истерзанным чаном и кричал: — Люди, человека убили! Выходите, не прячьтесь! Неужто в Бога не веруете?..

Откуда-то прикатили арбу, положили на него исколеченного и увезли. Або остался один. Избитый, окровавленный, стоял он в растерянности посреди площади, не зная, что предпринять, как вдруг увидел человека с окладистой седой бородой, с широким открытым лицом и большими добрыми глазами, светящимися манящим и отрадным, словно обволакивающим, светом. Казалось, сам Господь Бог предстал ему. И это незаб-

венное лицо, эти глаза, с участием взиравшие на него, выплыли теперь из мрака и в сей час испытания вновь наполнили сердце заточенного в темницу юноши добротой и милосердием.

— Возлюбленный Христом сын мой, — обратился к нему добрым, умиротворяющим голосом Иоанн.

Або ощутил неловкость. «Он решил, что я христианин», — подумал он.

— Нет, я не... — проговорил юноша. Монах взял его под руку и твердо произнес:

— Я знаю, кто ты. Пойдем со мной.

Одной рукой Иоанн вел мула, другой Або. Так, взявшись за руки, ушли тогда с базара Иоанн и Або.

Покорно следовал юноша за монахом. Это он привел его в школу святой Мариам, он указал ему источник Божьей благодати, он, вот так вот, взяв за руку, вывел его на путь истины.

«Ты отмечен милостью Божьей», — сказал ему в тот день Иоанн и никогда уже не выпускал его из поля своего зрения. Но главное событие его жизни произошло все-таки в Светицховели, в Страстную неделю, в первый год его пребывания в Грузии. И туда тоже привел его Иоанн.

В ту пору вместе с другими юношами он обучался в школе святой Мариам грузинскому письму и языку. Он уже знал о том, ради чего принял муки Христос. Историю Христа отец Иоанн поначалу сам рассказал своим ученикам, а потом, когда юноши выучились письму, они узнали об этом из Евангелий. Або тогда еще не успел одолеть первую главу Евангелия от Матфея, но икону Спасителя уже носил на груди. Ту икону он впервые увидел в Великую Пятницу именно здесь, в Светицховели, в храме двенадцати апостолов.

С благоговением переступил юноша порог святой грузинской церкви, присоединился к тем оглашенным, кому предстояло принять крещение, и, вытянув шею, устоялся на распятие. Здесь впервые причастился он Господу, впервые осенил себя крестным знаменем. Здесь же впервые лицезрел он Самоэла — католикоса Картли.

Вокруг архипастыря размахивали кадилом, готовясь к свершению богоугодных деяний.

О начале вечера в честь Иисуса Христа пением воз-

вестил дьякон. Пел дьякон, и католикос Картли Самоэл омывал ноги своим ученикам, хотел полностью воссоздать картину тайной вечери.

Почему он это делал? Наверное, желал показать пример смирения и верности и своим ученикам, и народу. Або не помнил этого эпизода в Евангелии. Его больше привлекал рассказ о муках Христа, испытанных на Голгофе, и о чуде его воскресения. Но когда он воочию увидел, как пастырь омывал ноги не только преданным своим ученикам, но и вероломному Иуде, глаза его наполнились слезами, и он еще сильнее возлюбил Бога униженных и оскорбленных.

На следующий день Або лицезрел Снятие с креста, на третий — Воскресение Господне. Это был чудесный народный праздник, никогда не видел и не слышал он ничего подобного. Вся Картли, казалось, собралась в саду у Светицховели. Дети облепили деревья и, держа в руках красные яйца, пели псалмы.

«Христос воскрес!» — доносился из собора баритон дьякона.

«Воистину, воистину!» — отзывались люди. С какой любовью пели они, с каким волнением, с какой гордостью возвещали о воскресении своего Бога, как верили они в это чудо! И сейчас, в темнице, виделись Або их горящие глаза и слышались их голоса.

В тот день словно въяве предстала перед его взором вся жизнь Иисуса Христа, и послышался ему глас небесный — «Вот Он, Тот, к кому ты стремился и кого искал с детских лет! Будь похожим на Него!». Або и вправду не желал ничего иного. Но что он мог сделать для этого?

Стать проповедником, как он? Но мог ли он излечивать больных? Воскрешать мертвых? Умереть! Только умереть мог он, подобно Ему.

«Христос воскресе, Христос воскресе...» — пели люди.

Праведный, добрый, мудрый и мучимый Иисус Назарянин не покидал с того дня Або. Он и во снах являлся ему, и по ночам юноша шептал его имя.

Продолжение следует

Перевод Динары КОНДАХСАЗОВОЙ

Из книги

„Тбилисские новеллы“

ДРУЗЬЯ

В ОДНОМ из уютных уголков Ортачала была маленькая столовая. Вечерами оттуда доносились звуки тари и дудуки. Прохожие, удивленные шумным весельем, думали, что, быть может, там отмечают какое-то событие. Но любой житель этого квартала мог вмиг разубедить прохожего — тут был вечный праздник, собирались свои же со всего околотка. А предлогов для каждодневного веселья в квартале было хоть отбавляй! Кто справлял свой день рождения, кто отмечал удачный день, один веселился, получив звание палавана, другой обмывал награду. И все они — и один, и другой, и третий — словно бы жили для того, чтоб вот так вот вместе собираться и веселиться.

Столовую посещали и стар и млад. К числу ее завсегдатаев принадлежали и два друга Гиго и Гигола. Один был худой и длинный, как цапля, другой низенький и плотный. Один был вспыльчивым и буйным во хмелю, другой спокойным и безобидным. Оба — среднего возраста, холостяки. Несчастен человек, которому и постель постелить некому! Верно, потому они любили друг друга так сильно, деля меж собой и радость и горе.

По профессии Гиго был портной, и руки у него были поистине золотые. В пошитой им одежде даже горбатый и кривобокий выглядел стройным, как тополек. Гиго умело скрывал недостатки фигуры клиента, подчеркивая ее достоинства. Ну что там долго говорить, он был мастером своего дела! Он самозабвенно трудился

над внешним видом других. Сам раздетый, он одевал других и в этом видел цель своей жизни.

Гигола же был кассиром на большом заводе. Даже во сне многим из нас не увидеть столько денег, сколько он считал за день, складывал в пачки — отдельно рублевки, десятки, двадцатипятирублевки. Сложив, он окидывал их взглядом, словно маршал перед боем — своих солдат. Затем, глубоко вздыхая, запирал свои сокровища в сейф. Никто не помнил, чтоб у Гиголы хоть копейки бы недостало, или оказалось больше, чем надо, никто не слышал, чтоб он обсчитал кого или присвоил чужие деньги.

Молча, с улыбкой считал и раздавал Гигола деньги, и за этим занятием таял рабочий день. Тогда он закрывал свою кассу и отправлялся домой. По дороге он заглядывал в мастерскую Гиго, отзывал его в сторону и, приподнявшись на цыпочки, шептал ему в ухо:

— Слушай... может, одолжишь трешку?

Гиго злился, потирая угреватый нос, срывающимся голосом хрипел:

— Дам, конечно. Но удивляюсь тебе, через твои руки проходят тысячи, неужели хоть одна трешка не прилипла к твоим пальцам, а?!

Гигола обижался на друга, поворачивался к нему спиной и уходил. Гиго бежал за Гиголой и начинался небольшой спор: «Возьми, я тебе говорю», «Сказал, не возьму и все!», «Я пятерку даю, трешки не хватит», «Спасибо большое, сначала пожалел... сказал, не возьму...» «Бери, а то порву...» «Ну ладно, дай три, пять не хочу». Они мирились. Гигола брал деньги и, достав записную книжку, писал: «Получено от Гиго такого-то числа там-то — 3 рубля».

Так они спелись, Гиго и Гигола. Если ссорились утром, вечером мирились, если ссорились вечером — утром искали друг друга.

Однажды Гиго набрел на ту самую столовую в уютном уголке Ортачала. Ему понравилось там. Было чисто, и только что помывшийся в бане человек мог отвесть здесь душу. И Гигола и Гиго любили ходить в Голубую баню. Благословен тот, кто придумал ее!

Гиго поделился своими соображениями с другом, и Гигола одобрил его мысль. С тех пор каждую субботу после бани они заходили в столовую. Их встречали с

распростертыми объятиями, а маленький столик в углу манил к себе неразлучных друзей. Они сидели, закарывали немного еды, кувшинчик доброго вина и забывали обо всем на свете.

Сегодня как раз была суббота. Они вымылись в бане, зашли в столовую, сели за свой столик и приступили к трапезе.

— Выпьем, — сказал Гиго и наполнил стаканы.

— Выпьем, — согласился Гигола.

— За сегодняшнюю субботу! — сказал Гиго и опорожнил стакан.

— У тебя что, больше тостов не осталось? — подколот друга Гигола и чуть отпил из стакана.

— А что тебе не понравилось в моем тосте? — немедленно разозлился Гиго и покосился на стакан Гиголы. — Что тут непонятного, шесть дней в неделю мы отдаем ближнему, а субботний вечер — наш, и столик этот — наш!

— Ты прав, и баня тоже наша, — рассмеялся толстяк и опорожнил стакан.

— Вот именно! — одобрил Гиго и вновь наполнил стаканы. Затем задумался, глядя в окно.

Вечерело. За окном свистел заблудившийся в проводах ветер, беспокойно ворчала и пенилась в бетонном свивальнике Кура, на противоположном берегу ее с шумом и ревом мчалось куда-то шоссе, в сумерках в зыбком свете фонарей плыли стоящий на отвесной скале Метехи и рыцарь на коне.

Портной внезапно оторвал взгляд от окна, поднял полный стакан, взглянул на Гигола и произнес:

— Давай, Гигола, выпьем за наш Тбилиси и за Вахтанга Горгасала!

— Молодец, Гиго. Горгасал заслужил это! — одобрил друга кассир.

Друзья осушили стаканы и вновь наполнили их. На мгновение воцарилось молчание. Гиго смотрел в окно на плывущий в тумане призрак. Гигола с аппетитом ел.

— Ах, если бы он встал! — высказал свою мечту вслух Гиго.

— Оставь его, пусть себе спит, — отсоветовал Гигола.

— Но почему?

— Потому что каждый хорош в свое время...

— Ты думаешь, он не был бы прежним Горгасалом?

— Ты разве не слышал, что царствуют времена, а не цари... Все хороши в свое время, все и всё! — объяснил Гигола портному.

— Это еще почему? — оскорбился портной, — если б я жил при Горгасале, ты думаешь, я не смог бы ему пошить царские одежды?!

— Нет, не смог бы.

— Ну ладно, положим я бы не пригодился, но ты, Гигола?

— А что я?

— Ты не смог бы служить кассиром при дворе царицы Тамар?!

— Нет, не смог бы.

— Вах, да ты что, деньги сосчитать бы не смог?

— Я считаю бумажные деньги... А там надо было бы считать золото...

— Золото? — удивился портной.

— Да, золотые монеты, кольца с драгоценными камнями, золотые чаши, пиалы, украшенные алмазами, изумрудами, жемчугами и рубинами, и бог его знает что еще! — заключил Гигола.

— Ну и что, ты не смог бы уберечь эти сокровища? — спросил заинтересованный Гиго.

— Ну если б даже смог, да кто подпустил бы меня близко?!

— Но ведь сегодня же тебе доверяют такие деньги?! — стал злиться Гиго.

— Тогда было другое время. Кассирами назначали отличившихся дворян.

— Если б я был царем, кассиром назначил бы тебя, — сказал Гиго, поднимая стакан, — и знаешь что, раз дела обстоят так, то выпьем за наше время!

— Давай, — согласился Гигола.

— Нет, вы только послушайте его, царица Тамар не взяла б его к себе кассиром, — не унимался Гиго, — знаешь, что я тебе скажу, ты себе цены не знаешь, вот что!

— А что особенного я из себя представляю? — удивился Гигола.

— Да, как тебе сказать, — задумался портной, по-

дыскивая слова, — ты... ты просто чист, как утренняя роса, вот и все! — сказал и опорожнил стакан.

— Утренняя роса... Я уже давно этого слова не слышал.

— А что, тебе не понравилось?

— Да нет, просто вспомнил детство... — успокоил друга Гигола. — Ты тоже особенный, Гиго, ты мастер своего дела, художник, если б ты знал, я всегда мечтал... — махнул рукой и не закончил Гигола.

— О чем ты мечтал? — заинтересовался Гиго.

— Я всегда мечтал одеть сшитый тобой костюм, показать себя людям... — пробормотал красный как помидор Гигола.

— Нет, серьезно? — удивился Гиго.

— Твое имя, Гиго, знает весь город, все хотят попасть к тебе. И я подумал, что было бы неплохо, если б... — бормотал, запинаясь, Гигола.

— И что же? — прохрипел растроганный портной.

— Ну, я решил сказать тебе и материал купил, но... — не досказав, Гигола замолчал.

Гиго отодвинул столик в сторону и привстал.

— Скажи, пожалуйста, что ты там бормочешь? Разве мы не прожили вместе все эти годы, не делили с тобой кусок хлеба и стакан вина, не поднимали тосты за живых и мертвых?! И я бы отказался сшить тебе костюм, отказался бы?!

— Знаешь, ведь столько мне лет, а у меня никогда не было приличной одежды, но разве ты виноват в этом? Не такая уж я важная птица, чтоб шить костюм у первого портного в городе, — попытался успокоить расхордившегося друга Гигола.

Но Гиго не унимался.

— Да разве ты друг, столько лет молчал, урод ты несчастный!

— Постой! Ну зачем ты меня ругаешь? Мне было неловко говорить тебе об этом.

Гиго стало стыдно, и он попытался сгладить свою грубость.

— Я буду не человек, если не исполню этой твоей мечты. Я одену тебя, как иранского падишаха, я из тебя красавчика сделаю такого, что все соседские девчонки с ума сойдут, на тебя гляючи, ты увидишь...

Запах шашлыка мешался с сизым табачным ды-

мом, что-то свое пел тари, гомонили посетители. Друзья молчали. И вновь молчание прервал Гиго.

— Слушай, Гигола, ты такой спокойный и добродушный человек, не след тебе бобылем ходить.

— А тебе?

— Ну, у меня жизнь не сложилась, сам знаешь, после смерти жены...

— А я вот с самых юных лет женоненавистник.

— Нет, не говори, человеку обязательно семью надо иметь, он тоскует по ласке и теплу.

— Ласка, Гиго, похожа на сухие дрова, сгорят и останется один пепел.

— Может, ты и прав, но надо продолжать свой род, исполнить свой долг перед нацией, народом...

— Я исполнил свой долг перед родиной, вырастив своих племянниц-сирот.

— А где они сейчас?

— Гиго, ты по-моему стал забывчив, каждый раз спрашиваешь меня об одном и том же, — удивился вопросу Гигола.

— Ничего удивительного, может быть... — печально проговорил Гиго.

— Улетели, Гиго, улетели из гнезда. А мать моя не вынесла вида осиротевшего дома и со мной в город не захотела уехать, умерла. Помнишь, мы ездили на похороны?

— Как же, конечно, помню. Чудесная была женщина твоя мать...

— Ну если помнишь — хорошо, а если нет, ничем помочь тебе не могу. Не рассказывать ведь каждый раз сначала.

— Брось ты эти свои шуточки. Ты, мой дорогой, хоть ласку своей матери помнишь, и племянниц своих любишь, и они тебя. А у меня нет никого на свете, кроме тебя... Ты понял? А вот этот стакан я поднимаю в память тетушки Нино, твоей мамы! — сказал Гиго, смахивая с глаз слезу.

Гигола окунул в вино кусочек хлеба, отпил из стакана и взглянул на торчащую перед ним жердь: — Да сядь ты наконец, успокойся, — сказал он другу.

Гиго сел, вздохнул и, свесив голову на руки, задумался. Долго он сидел так. Гигола с испугом глядел на погруженного в невеселые мысли друга. Чтоб нарушить

неловкую тишину, он с показным аппетитом захрумкал молодым редисом. Внезапно портной поднял голову и с укором взглянул на друга:

— Ну что ты чавкаешь, как корова, что с тобой?

От удивления Гигола чуть не подавился, но тем не менее отодвинул в сторону тарелку с редиской и попытался пошутить:

— Прошу простить меня, о, Соломон-премудрый, если я помешал течению ваших мудрых мыслей, виноват, действительно, виноват...

— Насмешка еще никого не убивала, глупец! — прохрипел Гиго, и кончик носа его мгновенно покраснел.

— Насмешка, безусловно, не убивала, но предательство может убить...

— А при чем тут предательство?..

— Это я так, к слову...

— А все-таки?

— Я узнал одну новость и огорчился.

— Какую?

— Я думаю, Гиго, что это сплетня, поэтому не стоит говорить...

— Но ты скажи мне, и я расправлюсь со сплетником, — кинув взгляд на забытый на столе кухонный нож, проговорил Гиго.

Гигола позвал официанта и отдал ему забытый нож, велел принести еще один кувшинчик вина, затем взглянул на своего друга и увидел в глазах того печаль. У Гиголы сжалось сердце.

— Скажу, конечно же скажу, если не я, то кто же скажет... Говорят, твоя Саломэ выходит замуж... Это правда?

— Да, — как можно равнодушнее выжал из себя портной.

— А как же ты? — спросил удивленный Гигола и участливо добавил: — Где же ты будешь жить?

— Что, думаешь перевелась на свете вдовы? Это все, мой Гигола, проходит, как сон. Сегодня Саломэ, завтра Агрипина. Мне теперь уже все равно. Для такого одинокого и неприкаянного, как я, все одинаковы, как плоды с одного дерева, — вдруг засмеялся он и тут же нахмурился.

— Нет, Гиго, Саломэ все же другая была!

— Была да сплыла...

— Она женщина серьезная, степенная... Ждала тебя, ждала, обхаживала, но надоело ей, нашла она себе пару... Она не виновата. Женский век короток, не может ждать она без конца...

— Да я и не обвиняю ее, не мне ее упрекать. Хорошая она женщина, немало счастливых минут я с ней провел...

— И что же!

— Не мог же я стать на ее пути. Что у меня есть, что я мог ей предложить...

— Не думал я, что ты так легко перечеркнешь все! У тебя просто нет сердца!

При этих словах стакан задрожал в руке у Гиго, он вспыхнул и в сердцах сказал:

— Что ты копаешься в моей душе, словно кумушка, что ты хочешь?

— Успокойся, Гиго, успокойся, поставь стакан на стол, не видишь, вино разливаешь.

— Ненавижу непрошенных советчиков!

— Это совет ближнего, глупец! — не выдержал Гигола.

— Не нужны мне ваши советы и соболезнования, и нечего мне соболезновать, не так обстоят мои дела, понятно?

— Ты, Гиго, наверное, из породы ежей, человека к себе не подпустишь!

— Я такой, какой есть, ясно?! — отрезал Гиго и крикнул официанту: — Принеси счет!

Жалобно стонал дудуки и медоле пел песню Иэти-ма Гурджи. Гигола украдкой поглядывал на прикрывшего глаза Гиго. Усатый официант подал на подносике счет и исчез. Гигола полез в карман за деньгами. Гиго зашевелился, потянул к себе подносик, достав кожаный бумажник, положил деньги на поднос и поднялся.

— Сегодня плачу я, мой черед, — сказал он.

— Ну что ж, твой так твой, — согласился Гигола, поднимаясь.

Друзья молча вышли на улицу. У перекрестка Гиго вдруг остановился, обнял столб и громко вздохнул. Гигола взглянул на него и тут же присел на ступеньку какого-то подъезда.

— Значит, говоришь, я похож на ежа, да?

— Ты что, начинаешь сначала?

— Почему сначала, у каждой сказки должен быть конец, не так ли?

— Ну так и заканчивай...

— Заканчивай... ты думаешь, так легко это сделать...

— пробурчал Гиго, садясь на ступеньку рядом.

Гигола почувствовал, как дрожит его друг.

— Что случилось, почему ты дрожишь?

— Не знаю, Гигола, мне что-то холодно...

— Вставай, не сиди на камне, чего доброго простудишься!

— Мне уже все равно...

Лениво молчала улица, молчали и друзья. Только изредка сквозь туман доносилось до них дыхание Куры. Наконец Гиго решился!

— Знай, я тебе говорил уже, кроме тебя у меня никого нет на свете...

— Гиго, тебя случайно давление не беспокоит?

— Ты что шутишь? — вспыхнул Гиго.

— Какие шутки, тебя, видать, грызет что-то, и ты не говоришь!

— Мне нужен твой совет...

— Говори...

— Как ты думаешь... Как ты считаешь, подойдет сорокалетней женщине, скажем, такое, ну... белое как снег платье?

— Это что же, свадебный подарок? — вскрикнул в изумлении Гигола.

— Да, такое... платье с бантами, белое как снег.

— Ты только что бросался как цепной пес, и что теперь изменилось?

— Ну что мне делать, Гигол, я хочу ей сделать на память подарок.

У Гиголы сжалось сердце. Он взял друга под руку и поднял его.

— Нет, Гиго, по-моему, белое платье ей не подойдет.

— Ты прав, и обычаи не позволяют, — согласился убитый Гиго.

Гигола задумался, не зная, как помочь другу. В голову ему лезли то букет роз, то уложенные в красивую коробку пирожные. Но он понимал, что это все Гиго отвергнет. Сейчас он готов был сорвать с неба звезду для Саломэ.

Вдруг Гигола встрепенулся, словно вспомнив что-то особенное. Он схватил друга за руку и воскликнул:
— Саломэ — брюнетка, и ей очень подойдут сережки!

- Ну и что? — нахмурился Гиго.
- Сережки червонного золота с жемчугом!
- И где же достать эти сказочные сережки?
- Старинные, глаз невозможно оторвать!
- Ну, а мне-то что? — рассвирепел Гиго.
- Гиго, ты успокойся, сережки за мной!
- Да что у тебя есть, а туда же!.. — махнул рукой

Гиго.

— Значит, есть. Эти сережки — приданое моей матери. Они у меня как память о ней. И теперь я преподнесу их Саломэ от твоего имени.

— Григола!..

— Все, пошли! Приговор обжалованию не подлежит.

Была туманная ночь, фонари на столбах, как далекие звезды, таяли в своем ореоле. Две тени, покачиваясь, медленно брели по мостовой.

ЦЕПЬ

В ПРЕДМЕСТЬЕ города строился большой завод, очень нужный и полезный для людей. Строителем его назначили человека умного, образованного, энергичного, честного и порядочного. Он охотно принялся за дело. Углубился в изучение чертежей, стал собирать опытных мастеров — сколотил артель плотников, набрал отличных каменщиков, экскаваторщиков, — одним словом отладил дело как часы.

Однажды наш строитель простудился и на неделю слег в постель. Поправившись, он явился на работу и... остолбенел. В немом молчании безжизненно стояли подъемные краны, не слышно было рокота машин, уютно примостившись в уголке, мирно беседовали каменщики.

Строитель очень рассердился и спросил, в чем дело. Простаиваем, ответили каменщики, нет кирпича. Еще сильнее рассердился строитель, достану, сказал, я вам кирпич, и отправился на кирпичный завод.

Долго ли он ходил коротко, но пришел на кирпич-

ный завод и прямо к начальнику. Так, мол и так, зачем меня губишь, давай кирпич.

Я очень сожалею, говорит ему начальник, но что делать, не завезли глину.

Так что же мне, повеситься, вспылит строитель. Зачем же вешаться, достань мне глину, и я тебе такой кирпич сделаю, крепче стали будет, успокоил его начальник кирпичного завода. А где эта чертова глина, спросил строитель. А в Чхантиани, там такую глину добывают — на всем свете не сыщешь. Что же было делать, направился строитель в Чхантиани. Долго ли коротко ли ходил, набрел он наконец на добытчиков глины. Кругом насыпаны горы желтой, как золото глины, которые, по всей вероятности, ждали клиентов. Какие-то люди табуном ходили за представительным товарищем. Поднимется этот товарищ на вершину насыпанной горы, и люди, галля, поднимаются за ним, спустится — и люди туда же. Прорвал строитель плотное кольцо галдящей толпы и встал перед представительным товарищем. Тот оглядел нашего строителя с ног до головы и спросил, а тебе, мол, чего надо. Ничего, смиренно сказал строитель, кроме того, чтоб ты был здоров, и еще — немного золота. Как видишь, я здоров, а золота у меня нет, нелюбезно ответил ему товарищ. Насыпанные у тебя тут горы для меня все равно, что золото, доверительно поделился своей бедой строитель, я строю завод для народа, и глина твоя мне нужна как живая вода. Смягчился представительный товарищ и шепотом поведал гостю, что весь этот галдящий люд пришел сюда именно за глиной. Все они гончары, мастера своего дела, кто посуду делает, кто квеври для вина. Но что же делать, горстями глину отсюда не унесешь, а машин, чтоб вывезти ее, нет. Если ты такой молодец, достань машины и бери глину. Обрадовался строитель и ушел, но напоследок сказал: смотри, не нарушай своего слова и никому глину не отдавай, а машины я достану. Ну а то, что я не смогу увезти, отдай, кому хочешь. На том они и порешили.

Вышел строитель на шоссе и пошел. Повстречался ему старик. Где тут гараж? — спросил строитель. Старик объяснил: пойдешь прямо, пройдешь мимо двух дубов и увидишь развилку, свернешь налево, будешь идти, идти и увидишь гараж. Поблагодарил строитель

старика и пошел по указанному пути. Шел, шел и наконец дошел до цели. Он очень обрадовался, увидев выстроившиеся в ряд под навесами новенькие машины и устремился к гаражному начальству. Начальство взглянуло на утомленного долгим путешествием странника и вежливо спросило: Вы, видать, сильно устали, что привело вас сюда? И тогда строитель рассказал ему все и попросил машины. Хозяин пожал плечами, опустил голову и сказал: машин нет, и помочь я ничем не могу. А для кого же тогда эти машины? — спросил пораженный гость. Для народа, — ответил завгар. Но в чем же дело, разве я не народ, — удивился гость. У меня нет покрышек, а без покрышек, как известно, машина просто ненужный ящик и все! Достань покрышки, а машины за мной. И чтоб успокоить отчаявшегося строителя, хозяин посоветовал: поезжай в город, найди там чиновника, который ведает распределением покрышек, и, может, он тебе поможет.

Понравился совет строителю, и он обнадеженный пустился в путь. В городе он с трудом, но нашел чиновника, ведающего покрышками. Сидел тот чиновник в углу большого зала за столом, заваленным канцелярскими книгами. Строитель вежливо поздоровался с ним и поведал ему о своих затруднениях. Чиновник поправил очки, внимательно всмотрелся в гостя, почесал карандашом голову и вернулся к своим книгам. Взял одну и, водя указательным пальцем по строчкам, прошел ее всю, затем взялся за другую, толще первой, и тоже прошелся по ней тем же пальцем, затем третью и так до бесконечности. Наконец он снял очки,дохнул на них, протер стекла, поглядел на гостя близорукими глазами и вынес бессердечный приговор: в моих книгах ничего не сказано о вашем заводе, и я ничем вам помочь не могу. Взбешенный строитель вскочил со своего места, схватил самую толстую книгу, лежащую на столе, и только хотел было стукнуть ею чиновника по голове, как раздался его испуганный голос: побойся бога, причем тут я, разве я в том виноват!

Устыдился строитель своей вспыльчивости, понял, что перегнул палку, положил книгу на стол и извинился: Прости, совсем с ума спятил, но я тоже не виноват, довели меня до ручки. Чиновник ответил: А чего зря с ума сходить, разве кто оценит твои старания. А куда

деваться, совесть-то у меня есть, не могу я изменить порученному делу. Чиновник удивленно посмотрел на него и сказал: ты, как я погляжу, не человек, а золото. Я дам тебе один совет. Тут же недалеко от нас есть мастерская по ремонту покрышек. А в этой мастерской есть мастер один, ремонтирует покрышки так, что они лучше новых бывают. Поди к заведующему этой мастерской от моего имени. Он даст тебе столько покрышек, сколько нужно.

Строитель поблагодарил чиновника и бросился в мастерскую. Там нашел он заведующего и попросил у него покрышки в большом количестве. При слове «покрышки» тот в лице изменился. Что с вами? — удивился строитель. И не спрашивай, один у меня мастер, известный на весь свет, ходит в передовиках, нет у меня с ним покоя. Приехал вчера вечером с совещания передовиков, а сегодня прислал записку, простудился, мол, и сильно устал, на работу не могу прийти. А мастерская уже три дня не работает, покрышек вон сколько набралось, — заведующий даже вспотел от этой речи и утер платком пот со лба. Нельзя, чтоб вся работа на одном мастере держалась, — попенял ему строитель. Ты не прав. Чтоб ты знал, мастера тоже талантливыми рождаются, как художники, композиторы и писатели, — не остался в долгу заведующий. Да, это, конечно, верно, хороший плотник лучше плохого скульптора, подольстил строитель заведующему. По некотором раздумье он спросил адрес знаменитого мастера и направился к нему домой. Знаменитый мастер, злой и нахмуренный, лежал на тахте, тут же бегали и вопили ребятишки, степенная женщина возилась у швейной машинки. Когда гость вошел, мастер и жена поднялись ему навстречу. Гость извинился перед хозяевами за свое вторжение, назвался и тут же рассказал хозяину, какая нужда привела его к ним в дом. Дела не могут делаться без настроения, без энтузиазма, ответил хозяин. Тогда гость поинтересовался, почему у мастера плохое настроение. Это долгая история, уклонился от ответа мастер. Удивился гость: — такой именитый человек, чего же еще на судьбу жаловаться. Слава, она как трудовая пчелка, если нет нектара, улетит и все тут, вздохнул хозяин. Ну что ты сказки рассказываешь, вмешалась жена, видите ли, сударь мой, повернулась она к гостю,

совсем я его избаловала. Я обещала сшить ему новую спецовку, когда он уезжал на совещание, а старую выбросила. Я купила ткань, раскроила ее, наметала села за машинку и тут возьми и сломайся игла. Я прямо обомлела, кинулась к соседям, в магазин, все лавки обошла, но иглы для швейной машины не нашла. И вот пожаловал мой хозяин, увидел, что я не выполнила обещание, надулся, как индюк, лег на тахту. И так вот и лежит, не разговаривает.

Строитель удивленно сказал: ну разве может из-за швейной иглы у человека настроение испортиться. Не то, что из-за швейной иглы, даже от реснички, попавшей в глаз, может, пробормотал мастер. Я принесу иглы, не беспокойтесь, вскочил на ноги строитель. Пораженные супруги, ничего не понимая, уставились на гостя. Гость объяснил: в Легвтубани есть государственные склады, чего только там не найдешь — и парчу, и атлас, и ножи, и секачи, и разную хозяйственную утварь, даже птичье молоко. А заведующий этими складами по прозвищу «Цамцама» мой старый знакомый, уж он-то мне не откажет в просьбе.

И отправился наш строитель к своему старому знакомому. Уставший и заморенный от жары он подошел к длинному ряду складов и остановился, уныло размышляя, где ему на этой огромной территории отыскать «Цамцаму». И тут он заметил дремавшего в тени человека с ружьем. Если он сторож, то почему он дремлет, а если дремлет, то зачем ему ружье, удивился строитель. Он решил побеспокоить отдыхающего товарища и спросил, где найти заведующего. В двадцатом по счету складе отсюда, сказал сторож, устраиваясь поудобнее и кладя под голову ружье. Строитель отсчитал склады и вошел в двадцатый. Тут было сумеречно и прохладно. Привыкнув к темноте, гость с трудом разглядел между сложенных мешков какую-то тушу. Приглядевшись, строитель узнал своего знакомого — подставив лоснящееся жиром, опухшее от пьянства лицо под струю холодного воздуха из вентилятора, в мягком кожаном кресле дремал заведующий складом. Почувствовав присутствие постороннего, он лениво приоткрыл глаз и сонным голосом спросил, чего, мол, надо и кто пустил. Услышав ответ, он приоткрыл и второй глаз. Ты что, не узнал меня, удивился строитель. Здесь

столькие шлятся, поди знай всех в лицо, сонно бор-
мотнул пузатый и снова впал в забытье. Долго смот-
рей на этот труп взбешенный строитель, затем взяв себя
в руки, нагнулся к спящему и вкрадчиво сказал: ува-
жаемый Цамцама, я в безвыходном положении, только
ты один мне в силах помочь, ну а уж я за благодарно-
стью не постою.

И тут произошло чудо. Труп шевельнулся, заколы-
халось пузо, Цамцама открыл оба глаза и даже улыб-
нулся гостю: чем я могу помочь, спросил и странно морг-
нул. Я по очень простому делу. Да не тяни ты, говори,
свои люди мы, чего там. Мне нужны иглы для швейной
машинки. А сколько нужно?

— Один, — стыдливо сказал строитель.

Кресло с пузом подалось вперед.

— Что «один», один вагон, грузской самолет, один
пароход или верблюжий караван?

— Один пакетик, — прошептал строитель.

— Нету, — отрезал пузатый, повернулся на кресле
и снова закрыл глаза.

— Цамцама! — дрожа как в лихорадке, закричал
потерявший терпение строитель.

— Иди к черту, чего ты орешь, пугать вздумал что
ли?

— Ты должен достать мне иглы!

— Я сказал нет, и basta!

— А я говорю — есть!

— Ну так вот, слушай: есть и не даю, ясно!

— Я не для себя, я — для дела!

— Нигде нет покоя от этих попрошаек! — запри-
читал Цамцама, — и тут меня нашли. Этому — ману-
фактуру, тому — французский форфор, одному — вен-
герскую кровать, другому — чуму и язву... Черт бы вас
всех побрал! А этот еще со своими иглками. Не знаю,
куда бежать, куда скрыться! Ох, — совсем выбился из
сил пузатый, едва повернув голову в заплывших жир-
ных складках, он крикнул куда-то в глубину: — Баграт,
пива.— Жадно выпив пиво и обтирая пену с усов, громко
отрыгнул и продолжил: — Но я не хочу ссориться, да-
вай полюбовно решим наше дело, что скажешь, а?

— Согласен, — коротко ответил строитель.

— Ну так вот, слушай, иглы для швейной машины

я тебе дам в каком угодно количестве, даже бесплатно, целый ящик, или хочешь машину нагужу.

— Но если у тебя так много этих иголок, зачем ты людей мучаешь, почему ты не отдаешь их в торговую сеть?

— Да в том-то и дело, я и сам это переживаю, сам мучаюсь! Но видишь ли эти иголки лежали в одном из уголков девятого склада, и я о них позабыл, а склад этот все заполнялся мешками, ящиками, и в общем сейчас он наполнен доверху, к иглам и не подобраться!

— Я понял, короче говоря, нужно расчистить склад, чтоб пробраться к ним. Прекрасно, я приведу своих ребят, они враз это сделают.

— Да ты что?! Слыханное ль дело, в чужой монастырь со своим уставом ходить!

— Ну, а ты что предлагаешь?

— Я думаю, это обойдется тебе всего лишь в тысячу рублей. Ведь надо же сдвинуть с места эти огромные ящики и мешки, — притворно вздохнув, простодушно моргнул глазами заведующий.

— Между нами говоря, это совсем недорого, но где я тебе возьму эту тысячу рублей?

При этих словах пузатый прикрыл глаза и хитренько улыбнулся.

— Ты думаешь, я поверю тебе, что ты не греешь руки на этом строительстве?

От этих слов строитель чуть язык не проглотил.

— Ну, Цамцама, это тебе даром не пройдет! Сам оброс жиром на народном добре и думаешь все так же! — круто повернувшись, взбешенный строитель вылетел за дверь.

— Иди, иди жалуйся, посмотрим, чья возьмет! — прошипел ему вслед пузатый, а затем коротко приказал: — Баграт, пива!

Нет, это дело так оставить нельзя, — думал строитель, сидя в тени под деревом и постепенно приходя в себя, — за это дело должен взяться Эжван, главный судья. Нельзя же, чтоб такой прохвост распоряжался народным добром.

Судья радушно принял строителя, расспросил о причине визита. Посетитель откровенно рассказал, умолчав только о том, что заведующий складом вымогал у него взятку. Пожалел его, зачем, мол, губить человека.

Судья связался по телефону с кем-то невидимым и велел позвать к нему заведующего складом. А строителя он проводил в небольшую комнату рядом, предложив ему немного отдохнуть.

Строитель, оставив дверь приоткрытой, сел в мягкое кресло и, утомленный бесконечным хождением, задремал. Проснулся он от громкого разговора в соседней комнате.

— Так ты говоришь, у тебя на складе все в порядке? — узнал он спокойный голос судьи.

Строитель не утерпел, подошел к приоткрытой двери и заглянул в щелку. Перед судьей стоял Цамцама. Но как же он преобразился?! Отлично сидевший на нем костюм скрывал огромное пузо, полосатый в тон костюму галстук выделялся на белоснежной сорочке. Единственное, что выдавало в нем Цамцаму — он по-прежнему моргал.

— Стараемся, уважаемый, очень стараемся, — самодовольно проговорил Цамцама, поправляя узел галстука, который сдавливал ему шею.

— Слушай, ты мне скажи, есть ли в торговой сети иглы для швейной машины? — спокойно продолжал судья.

Цамцаму бросило в жар. Он тотчас догадался, чьих рук это было дело.

— И не говорите, эти иглы меня чуть до гроба не довели.

— Каким это образом? — заинтересовался судья.

— Извольте ли видеть, очень испортился сейчас народ. Даже собственным детям нельзя доверять...

— А если точнее?

— Между нами, начальник, один наш старый знакомый предложил мне взятку за эти иглы. Я чуть с ума не сошел, представляете! Нашел взяточника! — не на шутку взволновался Цамцама.

Стоявший за дверью строитель, дрожа от бешенства, едва сдерживал себя.

— А кто он, откуда, ты можешь сказать? — вновь послышался спокойный голос судьи.

— Не спрашивайте меня, начальник, я не такой человек... и потом у меня нет свидетелей, мы были вдвоем.

— Ну хорошо, коли не хочешь, не говори, воля

твоя. Что же касается швейных иголок, сегодня же распредели их по магазинам.

— Да, да, конечно, но...

— Никаких но! — судья взглянул на часы. — Сейчас ровно двенадцать, к концу рабочего дня иглы должны лежать на прилавках магазинов, ясно? Да, чуть не забыл, что же касается «Баграта и пива», об этом мы поговорим в следующий раз, можешь идти...

Пузатый заведующий как ужаленный выскочил за дверь. А судья обернулся к появившемуся из-за двери строителю:

— Ты слышал наш разговор? Он жулик и вор твой Цамцама.

— Но почему же он мой?

— Потому что ты покрываешь вора и взяточника. Почему ты его пожалел? Разве ты не убил бы прокравшегося в овечью отару волка, только потому, что он тоже тварь божья?

— Я не думал, что вас рассердит моя исповедь.

— А почему ты не сказал, сколько пообещал ему за иглы?

— Но у меня ничего нет, что я мог обещать ему?!

— Вот видишь, волк никогда не избавится от волчьих повадок. Он хотел опорочить тебя, оклеветал, сказав, что ты давал ему взятку. Я думаю, что было наоборот, он вымогал взятку у тебя, не так ли?

— Так оно и было, — отвечал, краснея, строитель.

— Так запомни: твое богатство — это добросовестный труд и старайся не разменивать его. Ты стоишь на правильном пути, и я верю, что ты преодолешь все трудности и построишь завод для народа.

Перевод Наны ДВОРАКОВСКОЙ.

Я никуда не уйду...

Кажется, юность пронзила меня,
Хоть шестьдесят мои — на горизонте...
Я наконец ощущаю в себе
Силу и крепость: попробуйте троньте!

Не понимаете? Я поясню:
Сила и крепость, по мне, это разум...
Кто-то, возможно, меня осмеет,
Не убежденный подобным рассказом.

Стал я упрямым на старости лет:
Не устаю, не играю, не трушу...
Мне ль отдыхать, пока не найду
Ясного слова, чтоб выразить душу?

Знаете, замысел есть у меня
(Целью живущей становится выше!).
Слышите: я никуда не уйду,
Замысел этот недовоплотивши.

Не озаренная целью большой,
Сохнет на месте душа человечья...
Собственно, вот что хотел я сказать.
Собственно, вот к чему вел свою речь я.

Перевод Татьяны БЕК

* * *

Родимый край влечет меня поныне.
Я пленник этой красоты.

Бывало

Здесь пел на дереве, взобравшись на вершину,
Чтобы соседская девчонка услышала.
На необъезженного жеребца вскочив,
Я улетал за край села без страха.
Здесь я гнездо однажды разорил.
Потом всю ночь рыдал над первым прахом.

Здесь радовала каждая обнова.
Здесь удивляли горные стремнины.
Здесь много лет прошло под отчим кровом.
И я не думал, что его покину.
Здесь были сны!
И счастья неизменность!
Здесь был рассвет.
И день дышал покоем.
У этого ручья,
У этих мельниц
Я повстречался с первой строкою.
Здесь голосил уверенно и дерзко.
И по траве бежал за облаками.
Здесь я мечтал,
не расставаясь с детством,
Увидеть край
за дальними горами.
Здесь по лесным тропинкам я бродил.
Взбирался по нехоженным отрогам.
Здесь я почуял первый зов судьбы.
И разминулся с детством на пороге.
Умолкло прошлое, как пир умолк.
От этих лет отринут я навечно.
Но и сейчас из глубины времен
Сияет мне улыбка дней беспечных.

Перевод Елены ЮДКОВСКОЙ

Привык я к бренности

Сосчитай, перечисли
Эти ночи без сна,
Безотрадные мысли —
Все припомни, сполна.
Сколько раз сам с собою
Я боролся, душа,
Чтобы перед судьбою
Не клониться, дрожа.
Нервы били тревогу.
Встав лицом к бытию,
Понял я понемногу
Обреченность свою.

Если прошлое снова
Мне испить суждено,
Пусть без яда бывшего
Возродится оно.
Не хочу, нету мочи,
Чтоб воскресли они —
Эти белые ночи,
Эти черные дни.
Хороша без сомненья
Даль мальчишеских лет —
Игры, и вдохновенье,
И любовь — спору нет.
Только в зрелые лета
Обошченья не в счет.
Гости этого света,
Мы уйдем в свой черед.
Значит, как нам ни милы
Юность, воля, любовь,
Нет у зрелости силы
Пережить это вновь.
Сколько раз сам с собою
Я боролся, душа,
Чтобы перед судьбою
Не клониться, дрожа.
Смерть стучится с размаха
В человечье жилье.
Смерть — союзница страха,
Будь сильнее ее.
Пусть придет за тобою,
Посетит твой ночлег
Не хозяйкой — рабою,
Ибо ты человек.
Но не вынесу снова,
Как душа ни тверда,
Испытаний бывшего —
Путь уйдет навсегда.

Вечерние мысли

Я знаю, что не лгу,
ручаюсь головой.
(Суть в том, чтоб каждый миг
прожить, как миг закланья.)

И пение мое, и вдох, и выдох мой
мне кажутся частицей мироздания!
Со страхом каждый миг предчувствую беду
(Приставлен к сердцу мир, как острие кинжала!)
Мне б спеть, как я хочу, хоть раз — и я уйду
без сожаления,
не мешкая нимало!
Небесный свод всегда был много выше гор.
Казались дэвами порой мне эти горы.
В их взоре сумрачном я чувствую укор —
и только небо
смотрит без укора!
Нет, света мне уже не спутать с темнотою:
Я, слава Богу, жил, а не сидел в колодце.
Пусть горы и гнетут надменной высотой —
За нами будущее остается!
Я буду выше гор, поднявшись в небосвод.
Я стану братом тем, кто жертвовал собою.
Ручаюсь головой, что голос мой не лжет,
Входя, как звук, в звучанье мировое!
Я все не верю почему-то
(Быть может, я неправ, как знать),
Не верю, чтобы мертвый ожил,
Чтоб мог живой не умирать.
А впрочем (или вновь не прав я?),
Но мне не верится порой,
Чтоб мертвые не оживали
И чтобы умирал живой.

„Параболы“ Кафки приносят облегчение от удушья

Душно. Накурено.

Кто-то попросит

Окна открыть,

одурев от куренья.

Чтение

мне облегченье приносит —

Кафка на пользу идет,

как леченье.

...Мозг оживет

под капелью печали,
Как электричеством,
 полон мой разум
Мыслью,
 готовой прямыми лучами
С тьмой и удушьем
 расправиться разом.
Душно. Накурено.
 Кафку читаю.
Чувствую
 боль, облегченье, тревогу.
Мысли в потемках
 сбиваются в стаю.
Окна откройте,
 хотя бы немного.
Кажется,
 дождь прошумел над душою,
Светлый, отчетливый.
 Капал и капал.
Кафку читаю
 с печалью большою.
Дышится легче
 от чтенья «Парабол».

Я и смерть

Сколько от нее
зла, беды, тоски.
Каждого берет
заживо в тиски.
Ночью в тишине
и средь бела дня
помнит обо мне,
смотрит на меня.
Средства нет верней
смерти отомстить,
как забыть о ней,
взять да и забыть.

Перевод Сергея ГАНДЛЕВСКОГО

Сад Сулхан-Саба

Холодно. Утро.

Заброшенный сад

полон тоской одиночества.

Пройдет мимо ветер, вернется,

присядет на пустую скамейку,

словно вздох, вопрос уронит:

«О чем задумался, Саба-Сулхан?..»

Предметы в снегу

Посвящается

Отиа Пачкориа

В Тбилиси холодно.

Прохожие спешат

по узким улочкам к невидимому дому.

И он один для всех.

А солнце в окна бьет наотмашь,

бездомный ветер силится столкнуть

большую церковь с колокольной,

и усеченный купол

уж наклонился от его усилий.

Смеркается с трудом.

Но вот с Мтацминда спускается трамвай,

словно кусочек неба.

И наступает вечер.

И город, словно чаша,

наполнился огнями до краев.

На самом дне — мерцает ресторан.

Он все еще открыт.

Его называли ящиком Пандоры...

И мы в него войдем.

В который раз

нам всем, без исключения,

без жалости и даже сожаленья,

наполнят все карманы и кульки

бесценными сокровищами клада.

Не надо горевать, завидовать не надо, —

здесь: каждому — свое.
И у любой реки своя луна
качается на волнах...
Я добровольно сюда пришел,
я вижу женщин,
уже поблекших, как бумажные цветы
или вино,
забытое в стаканах.
Не странно ли, —
стеклянный идол,
недавно полный жизни
что была суровой, словно совесть.
И что же?..
Вчера разбился вдребезги...
Ну разве удивишь деревья — ветром,
иль эти стены — виршами поэта?..
Сквозь дым табачный
печаль порочных девушек
все ж проникает в душу,
но слабым, тусклым светом...
Всю жизнь учусь шататься я без цели.
И даже видел, как сбегал
мальчишка по крутому склону...
Потом упал...
Но все мне надоело.
Уж лучше я останусь у костра
и посмотрю в бушующее пламя,
а после в темноту,
на те предметы, что скрыты снегом,
и увижу,
как оплывают свечи...
Мне это интересней.

Настроение (2)

Идет дождь.
Мокрыми лапами
переступает по дорожкам красного сада,
чье уставшее древесное тело
отдыхает,
вздыхает, бормочет сонно.
Удивленно раскрыли глаза лужи,
словно сад очнулся,

качнулся ветер — слеза скатилась,
но отразилась в глазах свинцовых
лишь пустота неба.

Идет дождь.

И я иду за ним следом.

Подчиняюсь его воле,
в последний переход спускаюсь,
как в могилу чужую,
пустую...

Там

маленькая собака сидит у ног нищего,
ждет знака,
но глаза их наполнены
одинаковой пустотой.

А наверху,
на мокрых деревьях, —
Сто тысяч клювов зарылись в перья,
сто тысяч глупых комочков
воробьиного пуха...

Непостижимо и глухо идет дождь.

А я удивляюсь,
почему моя тень на меня не похожа?..
Так не похожа...

Владимиру Мачаидзе

Двери с зетель снимаю,
из тесных комнат выпускаю одиночество...

Осторожно идет слепой зверь
по лабиринту коридора,
в котором — ковер красный,
кувшин, в уголке стоящий...

Ночь пылает в глазах женщины
огнем черным...

Упорно ничего не вижу.

Бессонная ночь склонилась к рассвету,
устала моя душа.

Но нету покоя в этой лавине молчанья, —
только ужас холодный,
как заклинанье,
обволакивает пеленой влажной...

Душа моя,
самолетик бумажный,
плывет в тумане.

Перевод Марины КАТЫС

РОКОВОЙ КРУГ

РАССКАЗ

ГОВОРЯТ, если человек заблудится и перестанет ориентироваться — будь это в пустыне или в лесу — он начинает ходить по кругу. Дело даже не в этом. Странно другое: если он вышел на круг и сумел завершить его хотя бы один раз, спастись ему после этого почти невозможно.

Все возвращается на круги своя... Может быть и верно, что вся наша жизнь — это хождение по кругу. Одни ходят по маленьким кругам, и это сразу становится заметно окружающим, у других круг средний, а у некоторых — такой большой, что ни сам человек и никто из окружающих не может даже догадаться, что он уже пошел по кругу. Но если он пошел, то когда-нибудь непременно вернется.

Бывает так, что через много лет возвращаешься в какое-то давно забытое место, и вдруг тебе становится ясно, что ты никогда о нем не забывал, хранил все в памяти втайне от самого себя — хотя тебе ничто об этом не напоминало, но ты все равно пришел сюда, как и много-много лет назад, и щемящая горечь утраты, обжигающая надежда на возвращение прошлого, что ушло безвозвратно, глохнет тебя и может даже убить.

И, как часто бывает, возвращаясь в какой-нибудь город, ты непрестанно удивляешься и говоришь: «Боже мой, сколько прошло времени, а я снова здесь, и как будто все осталось по-прежнему».

...Так думал и Ника, вдруг, неожиданно для самого себя очутившись на Разъезжей улице у знаменитых «пяти углов». Он не собирался сюда, но вдруг, по пути

с Московского вокзала, свернул направо — все, что ему было нужно, это найти улицу Боровую, где в доме номер четырнадцать жила сестра его приятеля, и передать ей сверток, который он и держал сейчас в руке. И вдруг это случилось: он поднял глаза, чтобы прочесть на доме название улицы, — Боровая? Ему нужна была именно Боровая, — и он даже не понял вначале, почему его будто ударило током. Он остановился и прочел: «Разъезжая улица». Потом оглянулся...

И вдруг он сразу, резко, без всякого перехода узнал это место — узнал настолько отчетливо, словно только вчера вышел из этого подъезда, пересек площадь и сел в трамвай. Здесь ничего не изменилось, несмотря на то, что прошло уже пятнадцать лет с тех пор, как он был здесь в последний раз.

Сверток оттягивал ему руку, надо было продолжать поиски, но Ника не мог двинуться с места. Потом он несколько раз прошел мимо того угла, где начиналась Разъезжая улица. «Дом номер три, — сказал он себе. — Это где-то здесь, потом можно вернуться, надо только отнести пакет».

Но ноги уже не слушались его, и он, еще не сознавая, зачем это делает, прошел еще метров двадцать по направлению к табличке с цифрой три и свернул в подъезд большого двухэтажного дома, каких много в старом Ленинграде. Пребывая все в том же странном состоянии, он двинулся вверх по лестнице — как-то очень знакомо и привычно скрипнули под рукой массивные деревянные перила. Навстречу ему шла пожилая женщина с собачкой на поводке.

— Вам кого? — спросила она вдруг.

Ника смутился.

— Мне...

— Вы скажите фамилию, а то тут, знаете, все номера перепутаны, — словно извиняясь, проговорила женщина.

— Хрусталева, — сказал Ника.

— Да это здесь же, — обрадовалась она. — Поднимитесь сюда, потом налево вторая дверь.

Женщина ушла. Ника не собирался называть ей фамилию, но она вырвалась у него как-то произвольно — он уже опомнился, хотел было вернуться, спуститься вниз, но снова та же неведомая сила повела его

дальше. «Раз я уже здесь, надо зайти...» — сказал он себе, а его рука уже тянулась к кнопке звонка возле той самой двери.

Дверь открыл мальчик лет двенадцати.

— Здравствуйте, — сказал ему Ника.

— Здравсьте, — ответил мальчик. — Вы к кому?

— Простите, Лена Хрусталева здесь живет? — спросил Ника.

— Да, пожалуйста, входите. Это моя мама.

Ника переступил порог. Из комнаты в коридор вышел плотный лысеющий мужчина лет тридцати пяти-сорока.

— Вы к кому? — спросил он, подозрительно разглядывая Нику.

— Это к маме, — ответил за него мальчик и скрылся в конце коридора.

Там была кухня. Ника хорошо помнил эту квартиру. Чуть подалее была еще одна комната, и в этой комнате...

— Вы с работы? — спросил мужчина.

— Нет. Я старый знакомый.

— Да... тогда понятно. Проходите, — сказал тот и повел его в ту самую комнату.

Сели за стол. Мужчина не предложил ему снять куртку, и Ника просто расстегнул молнию.

— А вы собственно по какому делу? — снова спросил мужчина.

— Ну как вам сказать, — ответил Ника. — А вы кто будете?

— Я ее муж. И вообще, если у вас какое-то дело к моей жене, давайте лучше я вам помогу, не стоит ее беспокоить. Вы, наверное, приезжий, да?

— Да.

— Надеюсь, вы уже устроились, а то я помогу с гостиницей?

И Ника вдруг почувствовал, что начинает предательски краснеть — вначале у него налились краской уши, потом жар переместился и на шею, медленно, но верно подбираясь к лицу. Надо было что-то сказать.

— Знаете что, — сказал Ника. — Мы с женой решили переехать в Ленинград и хотели посоветоваться с Леной. Она наша подруга.

— Ну, так это другое дело, все понятно. Я сам юрист

и смогу вам помочь. Я вам дам свой рабочий телефон, и вы мне туда позвоните, а Лену не стоит беспокоить. Вы меня понимаете? Женщина остается женщиной, лучше нам иметь дело друг с другом. Пожалуй, я даже не скажу ей, что вы приходили, я и так все сделаю, договорились?

— Договорились, — машинально ответил Ника.

— Ну тогда все, пожалуйста, вот номер моего телефона.

Мужчина записал его на клочке бумаги и вручил Нике — визит можно было считать оконченным. Ника встал.

— Спасибо вам.

— Спасибо? За что? — переспросил мужчина. — Я для вас с удовольствием сделаю все, что в моих силах, только позвоните на работу, домой звонить не надо.

— Хорошо, — опять ответил Ника и пошел к выходу.

В коридоре было немного темнее, чем в комнате. В углу, как и прежде, висел на стене велосипед. В коридоре царил тот же запах, что и пятнадцать лет назад. «А вот здесь должны быть лыжи», — Ника обернулся и увидел на антресолях возле большого окна несколько пар лыж.

Когда за ним закрылась дверь, он замедлил шаг, оглянулся в последний раз — снова скрипнули у него под рукой лестничные перила. Он не успел пройти и до середины лестницы, как ему вновь встретилась женщина с собачкой:

— Ну что, нашли? Уже повидались?

— Да, спасибо, — ответил Ника, прибавил шагу и почти бегом вышел из подъезда.

...Оказавшись снова на улице, Ника успокоился как-то сразу и незаметно, и тот же самый сверток снова каким-то чудом оказался у него в руках — он так и держал его, значит, все это время, пока разговаривал с этим мужчиной, пока сидел, пока прощался. «Ну и слава богу», — сказал он себе.

Здесь же, почти рядом оказалась и улица Боровая, которую он до этого никак не мог найти. «Может быть, это и к лучшему, что не мог, — говорил себе Ника, направляясь к нужному ему дому. — Вот только зачем, зачем я туда пошел? Ведь я знал, что у нее уже все

будет по-другому. Сын, наверное, ходит в четвертый или пятый класс. Муж...».

Еще сидя в комнате, Ника почувствовал, что этот человек смотрит на него как-то подозрительно — в его словах и даже в голосе ощущалась плохо скрываемая ревность. «Ну вот, она придет с работы, а он устроит ей сцену. Зачем я это сделал?». Ника сам уже был не рад, что зашел в этот дом. «Нельзя, нельзя тревожить память», — сказал ему как-то один старик.

«Нельзя тревожить память», — смысл этих слов медленно доходил до него сейчас.

Сестра его приятеля оказалась дома. Она долго упрашивала его зайти хотя бы на минутку и выпить чаю — но Ника не стал у нее задерживаться, поблагодарил и снова вышел на улицу. Ноги сами собой предательски возвращали его к Разъезжей, к дому номер три. «Это какое-то наваждение, — сказал он себе, — я больше туда не пойду».

Ника резко повернулся и вышел к трамвайной остановке. Подошел трамвай. Даже не посмотрев на номер, он вошел в полупустой вагон и примостился на сидение возле окна.

Такое чувство возвращения в прошлое он испытывал уже не впервые. В последнее время это бывало с ним все чаще — каждый раз его вдруг притягивало куда-то словно магнитом, не давая возможности пройти мимо и оставляя ему в конце концов только жуткую боль и обиду на самого себя за то, что посмел расшевелить память, что вернулся туда, куда не должен был возвращаться. И даже там, где его встречали хорошо и были ему очень рады, ему становилось не по себе. Может быть, не так уж и сильно менялись знакомые когда-то лица, они казались прежними, но время все-таки прошло, и прожитая жизнь неумолимо отпечаталась на их лицах. Особенно менялись глаза — выросли, старели, гасли — и в этих повзрослевших глазах Ника видел и чувствовал какой-то немой укор, укор ему, Нике Мачабели, за все несовершенное и невыполненное, за бесцеремянное напоминание о тех временах, когда все еще было возможно и никто из них еще не сделал ни одной ошибки. И ему каждый раз было невыносимо больно

это видеть и чувствовать, и эта боль оставалась с ним надолго.

Трамвай мерно покачивался, мимо окна, возле которого сидел Ника, медленно проплывал серый угрюмый день. Было что-то около пяти часов дня, на улицах чувствовалось оживление, в трамвай набивалось все больше и больше народу. «Рабочий день кончается, — сказал себе Ника, — Лена уже скоро вернется...» Ему не хотелось о ней думать. Он смотрел на улицы, на каналы, мимо которых проезжал трамвай, на старые и новые дома, на лица людей — ему хотелось отвлечься, заглушить и свою боль, и свою память хоть чем-нибудь, но тщетно.

...Ему было восемнадцать, когда он с ней познакомился. Это случилось в Гагра. В первый раз Ника отдыхал тогда один, без родителей, вместе со своим товарищем Серго Мирвелашвили. Они только что окончили первый курс и решили отдохнуть на море. Серго не умел плавать, а Ника часами мог находиться в воде. Он пытался было научить плавать своего друга, но тщетно — тот заходил в воду только до пояса, и после этого его никакими посулами нельзя было заманить дальше. А после того, как Ника пару раз попытался затащить его туда силой, он даже близко не подходил к воде, если Ника находился рядом, выжидая, пока тот не заплывет подальше, и только после этого заходил в море поплескаться. Они жили почти на самом берегу, в Новой Гагра, на улице Руставели, где снимали одну комнату на двоих и при этом платили сразу за три койки, которые хозяйка каким-то чудом смогла здесь разместить. Она же готовила им пищу, и все это вместе ребятам обходилось по три рубля в день на человека. По тем временам это было, наверное, очень дорого, но деньги им дали родители плюс их стипендия за все лето сразу — и они согласились на эти условия, не особенно долго раздумывая.

Кончался уже третий день их пребывания на море, но Ника и Серго ходили пока только вдвоем. Конечно, и на пляже, и в городе было множество симпатичных девушек, но сразу заводить знакомство они как-то не решались и к тому же немного стеснялись друг друга.

И вот на третий день Серго перегрелся на море и после обеда остался дома, а Ника, воспользовавшись

случае, отправился на танцы, которые, как он узнал, устраивались каждый вечер на ближайшей турбазе — пошел, как он сам себя убеждал, просто посмотреть. Однако на территорию турбазы Нику не пустили — в дверях стояли дежурные с красными повязками и у всех проверяли курортные книжки. Раздосадованный, он пошел обратно. Было уже довольно темно, прохожие на улице попадались все реже.

Ника неторопливо шел от турбазы по набережной и уже почти дошел до своего дома, когда его внимание привлекла странная машина, которая медленно, выпивая зигзаги, двигалась по дороге ему навстречу. Он остановился и с интересом стал разглядывать ее, как вдруг машина резко затормозила, открылась дверца и из нее даже не выскочила, а вывалилась какая-то девушка — потом она быстро вскочила на ноги и побежала, но, увидев Нику, остановилась и крикнула ему:

— Помогите, ну что же вы! Там моя подруга, нас убивают!

Она кричала что-то еще, но Ника уже не слышал — он подбежал к машине и распахнул заднюю дверцу. Оттуда выскочила вторая девушка и тоже побежала, а следом за ней оттуда же вылезал какой-то парень. Не успел Ника опомниться, как тот, ни слова не говоря, резко ударил его в голову.

— Ты что, ты что, — машинально проговорил Ника, пошатнувшись, но тот все так же молча замахнулся и ударил его снова.

С другой стороны машины выскочил водитель и тоже направился к нему. Парень размахнулся в третий раз, но Ника увернулся от очередного удара, с силой выбросил вперед кулак и попал парню в подбородок. Парень отвалился к машине. Ника, почти не глядя, ударил ногой заходившего к нему со спины водителя и побежал следом за девушками.

— Скорей, скорей! — кричали они. — Сюда!

Сзади них уже слышался громкий топот — те двое догоняли их. Одна из девушек толкнула какую-то калитку, та поддалась, и они вбежали внутрь маленького двора, закрыв дверцу за собой. Через минуту в нее уже барабанили снаружи. Плохо понимая, что именно он делает и зачем, Ника с помощью двух девушек подпирал спиной дрожащую от ударов калитку.

— Выходи, убью! — кричали снаружи.

— Выйду, как же! — отвечал он. — Могли бы, сразу убили бы, а теперь...

От шума и криков проснулись хозяева дома, на втором этаже зажегся свет. Те двое, наверное, испугались — Ника услышал звук удаляющихся шагов, открыл дверцу и выглянул — они шли к машине, грозя кулаками.

— Все равно найдем тебя завтра на пляже! — услышал он уже издалека.

Машина взревела, осветила дом дальним светом и скрылась за поворотом.

Девушки поднялись на второй этаж, где стояла какая-то женщина в длинном халате. Ника тоже поднялся за ними следом и с удивлением обнаружил, что это на самом деле девушка, закутанная, как видно, в мамин халат и глядящая на троих пришельцев большими испуганными глазами.

— Вы кто? — спросила она.

— А ты-то сама кто будешь?

— Я? — переспросила девушка. — Я — Лена Хрусталева.

Так они познакомились...

Минут через двадцать пришли родители Лены, которые, оказывается, ходили к соседям играть в лото. Они поужинали все вместе, а потом отец Лены и Ника пошли провожать девушек домой.

На другой день Ника должен был, как они договорились по дороге, с ними встретиться, но девушки не пришли, зато на пляже его разыскал отец Лены Хрусталева и пригласил к себе. Ника пришел вместе с Серго, захватив купленные по пути фрукты. Хрусталевы отдыхали недалеко, шагах в шестидесяти от излюбленного места Ники и Серго — они дошли туда очень быстро, и их появление было встречено с восторгом: оказывается, Хрусталевы всем соседям рассказали о «героическом подвиге» Ники Мачабели. Поначалу Нике такое внимание было приятно, но потом ему вдруг стало настолько неудобно и стыдно, что он, бросив и фрукты и бедного Серго, ушел, сославшись на то, что у него разболелась голова.

Его догнал отец Лены.

— Не надо смущаться, молодой человек, — ска-

зал он. — Мы не будем ничего говорить, только пожалуйста, побудьте с нами.

Ника остался, а через какое-то время к нему подошла и мать Лены:

— Ника, знаете что, у меня к вам несколько необычная просьба. Дело в том, что наша дочь уже давно хочет сходить вечером в Колоннаду на танцы, а мы ее одну не отпускаем, боимся... ну, вы понимаете, сами видели, что вчера было. Так, может быть, вы с ней сходите как-нибудь вечером, а? — спросила она с надеждой. — Вы знаете, мы на вас надеемся, потому что вы... ну, видно, что вы очень порядочный молодой человек.

— Ну конечно, я... — проговорил Ника, чувствуя одновременно смущение и удовольствие. — Конечно, я это сделаю...

И при этом как-то очень чопорно поклонился.

Народу в трамвае постепенно становилось все меньше и меньше. Уже не было видно ни зданий старой постройки, ни каналов — трамвай ехал по какому-то широкому проспекту мимо похожих друг на друга прямоугольников. «Здесь я никогда не был», — сказал себе Ника. «Вот и хорошо, — добавил он про себя, — нечего было туда возвращаться...» Вдруг он улыбнулся, вспомнив их первую совместную прогулку, когда, едва отойдя от дома, Лена взяла его под руку и как-то очень по-деловому сказала:

— Только чур, синяков на шее не оставлять!

— Это как? — опешил Ника.

— Когда будешь меня целовать. Нельзя этого делать, мои сразу все поймут.

— Да я не буду, — сказал ей Ника, — я не буду тебя целовать.

— Как это не будешь? — спросила она. — А зачем тогда мы с тобой пошли?

Они уставились друг на друга и рассмеялись... Потом дошли до Колоннады, танцевали. А когда возвращались, Ника положил руку ей на плечо.

— Ну вот, началось, — сказала она. — Только уговор помнишь?

Он отнял руку.

— Ладно, пускай лежит, — сказала Лена, взяла его за пальцы и снова положила его руку себе на плечо. —

Ты знаешь, мне с тобой на самом деле хорошо, хочешь, завтра тоже погуляем?

— Хочу.

— Ну вот и договорились. А теперь я пошла домой, ладно? А то мои старики уже заждались и могут черт знает что подумать.

Она чмокнула его в щеку и убежала домой.

...Они встретились и на второй день. Потом на третий. А потом Хрусталева уезжала, и Ника пошел их провожать. Родители Лены уже вошли в вагон, а сама она стояла на перроне рядом с Никой и слушала, как он с воодушевлением рассказывал ей — он уже не помнил, что именно, кажется, что-то из начертательной геометрии. Он ведь сдал не так давно свою первую сессию и ужасно этим гордился.

Ника все говорил и говорил — и вдруг остановился на полуслове, заметив, что Лена стоит рядом с ним вся потерянная, несчастная, с полными глазами слез, и только молча кусает и кусает нижнюю губу.

— Знаешь, ты такая же хорошая, как в тот день, когда я тебя первый раз увидел, — сказал ей Ника. — В красном халате, помнишь?

— Да. Это мамин халат.

— Я так и подумал, что мамин... Так себе и сказал: она, наверное, закуталась в мамин халат.

— Да, ты прав...

— Вот...

Поезд должен был вот-вот отправиться.

— Ну пока, — сказал Ника, — залезай в вагон, сейчас поедет.

— А ты приедешь ко мне?

— Конечно, приеду, у меня же есть твой адрес: Разъезжая, дом три, квартира два. Я наизусть помню.

— А телефон повтори, — сказала она.

Ника повторил.

— Хорошо. Я буду тебя ждать.

И она вдруг обняла его. Ника не ожидал этого, он даже как-то растерялся. Из вагона уже махали руками родители Лены, раздался гудок.

— Ну... ну давай, ну... не надо, твои родители смотрят... — говорил ей Ника на ухо.

— Ну и что, пусть, — отвечала она и прижималась к нему все сильнее.

Поезд тронулся. Ника с силой оторвал ее от себя и посадил, как ребенка, на ступеньку тамбура — уже стоящий там отец Лены успел пожать ему руку и сказать:

— Спасибо.

— Спасибо! — крикнула ему Лена.

Ника бежал по перрону и махал им рукой.

— До свидания! Я приеду, я обязательно приеду!

— Приезжай! Обязательно!..

— Обязательно!..

Так она уехала.

А ровно через месяц Ника впервые приехал в Ленинград и прямо с Московского вокзала, как она ему и рассказывала, вышел к ее дому...

«Так же я шел и сегодня, — сказал себе Ника, — тем же самым путем, который пятнадцать лет назад описала мне Лена. Я ведь уже все забыл, а ноги запомнили каждый поворот. Значит... значит, я должен был туда зайти?..»

Трамвай шел все дальше и дальше — останавливался, выпускал пассажиров, набирал новых, снова набирал скорость.

«Да... Дом номер три. В этом доме я и увидел её впервые... как это было давно...»

...В тот день, когда приехал Ника, Лена пропустила занятия в институте, потом поселила его в свою комнату, а сама перебралась к маме. Ее родители тоже встретили его очень радушно. Он впервые тогда был так далеко от родного дома, и это ощущение тепла и доброты сохранилось у него на всю жизнь.

Наверное, они знали и то, что по вечерам Лена тихонько пробиралась к нему в комнату — знали и молчали. Хотя в то время Нике казалось, что они не могут об этом даже догадываться. А Лена смеялась иногда так громко, что Ника закрывал ей рот и говорил:

— Тс-с-с, твои услышат.

— Да ты что, с ума сошел, — смеялась она еще громче, — ты знаешь, какой это старый дом, тут стены метровые. Хоть из пушки стреляй, ничего не слышно...

Ника приехал в Ленинград случайно. Проводились соревнования по плаванию — первенство «Буревестника», — и Ника был заявлен на первой дорожке от свое-

го Политехнического. А потом, когда соревнования закончились, он вдруг «заболел». Он просто не мог быть в Ленинграде и не зайти к Лене, и врач команды, к которому он обратился со своей просьбой, пошел ему навстречу.

— Неделю могу дать, — сказал он Нике. — Но смотри, через неделю возвращайся.

Так Ника остался в Ленинграде, на Разъезжей улице. А потом, на третий день...

«Как странно, — грустно подумал он, покачиваясь в полупустом уже трамвае, — все время у меня что-то случается на третий день...».

На третий день к Лене в гости пришли ее однокурсницы. Вернее, ходили они каждый день — заниматься французским языком, который Лена знала хорошо, и математикой. Ника тоже с удовольствием им помогал по начертательной геометрии и черчению. Дело в том, что Лена и ее подруги учились в Кораблестроительном институте, а Ника — на факультете автоматики. Что-то, а чертить Ника любил и с удовольствием решал любые задачи по физике и математике. У себя на курсе он многим приятелям делал чертежи, а начерталка вообще была для него необъяснимой страстью.

Приходящие к Лене девочки всегда с интересом разглядывали Нику — он уже познакомился почти со всеми подругами Лены, но особого внимания им не уделял. Тем более, что и сама Лена не очень-то позволяла им долго разговаривать.

— Но-но, — будто бы в шутку говорила она, если какая-нибудь из девочек увлекалась беседой с Никой. — Это мой гость и только мой. Отойди, пожалуйста, а то я буду ревновать.

И подружка, смеясь, оставляла Нику с Леной.

...И вот на третий день в гости к ней пришла высокая голубоглазая девушка с маленькими косичками, длинной-длинной шеей и тонкими, очень красивыми руками. Ника вначале поздоровался с ней довольно равнодушно — а потом весь вечер не мог отвести от нее глаза. Ему нравилось в ней все: как она сидит, как держит голову, как разговаривает... Видно, она почувствовала его пристальное внимание и, зная о ревнивом ха-

рактуре хозяйки, за весь вечер лишь пару раз подняла на него глаза — но какие они были удивительные. Каждый раз, как Ника встречался с ней взглядом, у него перехватывало дыхание и замирало сердце. Он даже не осознал еще, а просто почувствовал, что это все, конец, что ему больше ничего и никого не надо — только смотреть на нее. Все остальное мгновенно потеряло для него всякий смысл.

Конечно, все это заметили и остальные девочки и, разумеется, Лена — она вдруг закапризничала и начала говорить, что у нее болит голова, что у нее каждый день столько гостей, а ей, в конце концов, хочется отдохнуть. Девочки стали расходиться по домам.

— Я провожу их, — сказал Ника.

— Нет, я не разрешаю, — ответила ему Лена.

— Тогда пойдем вместе.

— Нечего, сами дойдут. Слишком много чести... И вообще, выйди со мной, нам надо поговорить, — сказала она и вывела его в другую комнату. — Ради бога, — продолжила она, когда они остались вдвоем, — не позорь меня, ты весь вечер не сводишь глаз с этой дуры. Далась она тебе! Что ты в ней нашел?

— А... а можно я их провожу?

— Нет, я же сказала — нельзя. Ты мой гость, понимаешь? Мой. Вот когда будешь у них жить, тогда и проводишь. Тем более, что и провожать-то их нет надобности, они в общежитии живут.

— Ну и что? — удивился Ника.

— А что, разве ты не понимаешь?

— Нет.

— Ну ладно, посиди, я сейчас приду, — сказала она и закрыла за собой дверь.

Ника сидел какое-то время, ничего не соображая, и вдруг догадался — его заперли. Он начал стучать в дверь и, когда Лена, наконец, открыла, выбежал в другую комнату, но там уже никого не было, квартира опустела.

— Никогда не думала, что ты такой противный, — говорила Лена. — Если не хочешь быть со мной, можешь собирать свои вещи и убираться.

Ника молча стал собирать вещи, но в это время пришла мама Лены, и Лена увела его в свою комнату и долго упрасивала не делать этого — извинялась, гово-

рила, что просто сдуру приревновала его, что больше так никогда не поступит — и Ника согласился остаться еще на два дня.

В глубине души он надеялся еще хотя бы один раз увидеть ту, голубоглазую...

На другой день утром он отправился в Кораблестроительный институт. В здание его, конечно, не впустили — и он стоял у входа и ждал, но она так и не появилась. Потом вышла Лена и, увидев Нику, очень обрадовалась:

— Ну вот, видишь, как хорошо, что ты меня встретил. Так бы и делал каждый раз.

Она обняла его при всех и, взяв под руку, повела домой...

На следующее утро Ника вышел из дома вслед за Леной — и снова ждал. Студенты проходили в институт через три двери, он стоял посередине и смотрел, — но ее не было и на этот раз.

На третье утро он уехал. Сердечно простился с Хрусталевыми, оставил Лене прощальную записку и отправился прямо в аэропорт.

Трамвай вздрагивал, останавливался, снова ехал дальше, подпрыгивая на ухабах и рытвинах. В вагоне оставалось всего несколько человек, потом вышли и они.

— Вы что, молодой человек, — выглянул водитель, — собираетесь обратно ехать?

Ника вопросительно на него посмотрел:

— Что, мы уже приехали?

— Да, конечная остановка.

— А когда обратно поедете?

— Минут через пять.

— Ну ладно, я посижу.

— Сидите, если хотите, — ответил водитель и пробурчал себе под нос, выходя из вагона: — Бывают же чудачки...

Через несколько минут трамвай снова вздрогнул, и они поехали обратно.

...После того случая с Леной прошло пять лет. За это время Ника несколько раз бывал в Ленинграде, но уже ни разу не заходил к ней и не звонил.

Было лето. Он как раз собирался поехать куда-ни-

будь на отдых. В этот день, одиннадцатого августа, было нестерпимо жарко. Ника сходил на рынок, купил арбуз, принес его домой, потом снова вышел на улицу. Ему нужно было встретиться с Серго Мирвелашвили и обсудить планы на лето. Они назначили встречу на девять часов у метро, в самом центре Тбилиси.

Обычно Ника всегда опаздывал на свидания хотя бы на одну-две минуты и безуспешно пытался приучить себя выходить минут на десять-пятнадцать раньше. Но в этот раз ему почему-то не сиделось дома, и он вышел за целый час до назначенного срока. Прогуливаясь по проспекту Руставели и дойдя до метро, он зашел в телефонную будку позвонить. Аппарат был испорчен, второй, рядом с ним — тоже. Только у одного телефона стояла очередь — двое мужчин и одна девушка. Мужчины быстро позвонили и ушли, стала звонить девушка, но ей, похоже, никто не ответил — она вышла из будки и сказала, что позвонит еще.

Ника набрал номер, ему не ответили. Они с девушкой снова поменялись местами. Потом еще раз.

Когда она вышла из кабины в третий раз, Ника предложил ей познакомиться, но она отказалась и быстрым шагом пошла к метро. Было видно, что девушка чем-то очень расстроена.

— Может, я могу вам чем-нибудь помочь? — предложил Ника.

При этих словах она вдруг, на удивление Ники, расплакалась прямо на эскалаторе.

— Что вы, что вы? — говорил Ника. — Тут же все меня знают, подумают, что я вас чем-нибудь обидел.

В ответ она зарыдала еще сильнее.

— Может, поможет?

Ника достал из кармана платок.

Девушка посмотрела в его сторону.

— Ну давайте, попробую.

С эскалатора они сошли вместе. Ника сказал ей, что ждал у метро своего друга, а она, оказывается, приехала из Ленинграда, но подруга, которая обещала встретить и взять ее к себе, не пришла. Она звонила ей целый день, но трубку никто не снимал, и вот уже стемнело, а она здесь одна, без друзей и знакомых.

«Боже мой, откуда, — говорил себе Ника, — откуда я могу ее знать?..»

У девушки была короткая стрижка, высокая шея, чуть припухшие веки, тонкие брови и вздернутый носик. В тот день они трижды заходили к ее подруге в последний раз уже в час ночи — но дома никого не было. После этого всю ночь бродили по Тбилиси, встретили утро в Старом городе, оттуда вышли на набережную, где Ника пригласил ее на «хаши» — а через несколько дней сделал ей предложение.

...Спустя два года Надя призналась ему, что помнила его всегда. Только тут до Ники дошло, что его жена та самая девушка, из-за которой он поссорился с Леной Хрустальной...

Трамвай мчался вперед. В нем снова становилось все теснее и теснее. Кончились районы новостроек. «Скоро я буду на Боровой, а оттуда до Разъезжей рукой подать», — говорил себе Ника.

Уже несколько месяцев, как он и Надя жили врозь. Всего несколько месяцев — но это было, наверное, невыносимо долго. Ему вдруг до боли захотелось снова увидеть ее здесь, в Ленинграде — ее, или хоть кого-нибудь, кто ее знал. Захотелось увидеть Лену Хрустальеву и сказать ей, что вот он, Ника Мачабели, все равно нашел Надю, нашел, и она стала его женой. Ведь она, наверное, обрадуется, ведь она должна ему обрадоваться...

И вот теперь его все больше и больше распирала радость от предвкушения встречи с Леной. Ведь она, может быть, и не знает, что они с Надей поженились — за это время они дважды приезжали в Ленинград, но так и не смогли застать Лену дома: один раз она болела и была у себя на даче, второй раз отдыхала на юге. «Вот интересно, — радовался Ника, — она, наверное, сейчас думает, кто бы это мог быть... Конечно, все это так глупо, что мы с Надей разошлись, это просто идиотизм, я сам во всем виноват, я сам сделал так, что она ушла — и я должен к ней вернуться. Я во всем виноват, — твердил себе Ника, — это ужасно, что я такой, но слава богу, что я это сознаю, слава богу, что я хотя бы знаю, как мне теперь следует поступить. Я вернусь, я обязательно к ней вернусь, вот только увижусь с Леной, и сразу...».

Он уже представлял себе, как сейчас позвонит Ле-

не, она пригласит его к себе, он придет, они будут сидеть вечером вместе: он, Лена, ее муж, их сын. Наверное, подойдут и родители, будут вспоминать прошлое, будут радоваться встрече, смотреть фотографии тех лет, когда они отдыхали в Гагра, потом фотографии, где Лена снималась со своими подругами по институту — а потом они возьмут и позвонят все вместе ей... Наде...

— Следующая остановка Боровая, — объявил водитель.

Ника заметил вывеску «Гастроном» и выскочил из трамвая. Честно отстоял громадную очередь в винно-водочный отдел, взял пару бутылок шампанского и вышел довольный.

«Хорошо, что я не взял водку, — подумал он. — Сейчас нужно именно шампанское».

Правда, ему даже и не особенно хотелось сейчас что-нибудь пить — он как-то по-ребячьи искренне радовался всему, что его окружало. Он принял решение, и оно вдохновляло его.

Поискав в кармане двухкопеечную и не найдя ее, Ника попросил прохожую разменять пятнадцать копеек.

— Вам звонить? — спросила та.

— Да.

— Ну тогда берите, — и протянула ему гривенник. Звоните-звоните, менять не надо, а то вам не повезет.

Она улыбнулась ему и ушла. Ника снова вошел в телефонную будку.

«Все возвращается на круги своя, — говорил он себе, — вот и я возвращаюсь. Как это хорошо — возвращаться...»

Ему вспомнился вдруг фильм «Одиссей» и то чувство, с каким он смотрел, как вернувшийся Одиссей начал крушить заплонивших его дом врагов. «Я бы тоже так сделал, наверное... наверное... — твердил он себе. — Вот сейчас позвоню Лене — позвоню, посижу у нее, а потом прямоком поеду к ней, к своей Наде... Все же каким глупым бывает человек. Это просто идиотизм: так любить, так любить друг друга и все равно разойтись...».

Он сунул гривенник в щель автомата, повесил на крючок шампанское в полиэтиленовом пакете и стал набирать номер.

Трубку взял мальчик.

— Алло? — спросил Ника. — Алло, это квартира Хрусталевых?

— Да, — ответил тот.

— А мама пришла?

— Да-да, пожалуйста, — сказал мальчик.

В трубке послышалось женское: «Алло...»

— Это Лена Хрусталева? — спросил Ника.

— Да...

— С вами говорит Ника Мачабели.

— Кто? — переспросили его.

— Ника Мачабели, ваш давнишний знакомый из Гагра.

— Какой Ника Мачабели?

— Ну как, помните в Гагра... мы отдыхали вместе, вы были с родителями, а я был с другом — Серго, а у вас еще в Ленинграде была подруга, Надя, помните?

— Нет, я ничего такого не помню.

— Вы Лена Хрусталева?

— Да-да, я Лена Хрусталева, — сказала она холодно и равнодушно, — и прошу вас, не звоните сюда больше, я никакого Нику Мачабели не помню, не знаю и знать не хочу. Прощайте.

Послышались короткие гудки.

У него вдруг перехватило дыхание. «Боже мой... что же случилось? Не могу ничего понять, — говорил он себе. — Она сказала — прощайте?..»

— Ладно, прощайте, — проговорил он вслух и твердо шагнул из телефонной будки.

— Молодой человек, вы пакетик забыли, — крикнула ему вслед какая-то женщина.

Ника даже не посмотрел на нее, махнул рукой и побрел в сторону «пяти углов». Он шел так минут двадцать — машинально, не разбирая дороги, почти ни о чем не думая — потом вдруг остановился, поднял глаза и прочел на доме надпись: «Разъезжая улица».

«Нет, мне сюда нельзя, — сказал он себе. — Значит, не все круги замыкаются. Не все...»

Повернувшись, он пошел обратно.

Перевод Сергея НАДЕЖКИНА

Тенгиз БУАЧИДЗЕ

Мартовская трагедия 1956 года в Тбилиси

1

СЕГОДНЯ некоторые молодые да и достаточно зрелые художники выражают желание в какой-либо художественной форме (в спектакле, либо кинофильме) отразить трагические события марта 1956 года в Тбилиси.

Одни считают это своим моральным долгом по отношению к тем, кто оказался жертвой упомянутых событий, другие видят свою прямую обязанность в том, чтобы показать незаконные действия, некомпетентность, а также преступную индифферентность тех, в чьих руках находились тогда полномочия и власть.

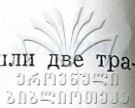
Разумеется, у каждого из нас есть свое мнение и свой взгляд на тогдашние события, свои эмоции, симпатии и антипатии. У меня тоже, как у одного из рядовых участников тех событий, есть свои личные впечатления, свои эмоции.

Но, я думаю, нельзя судить о мартовских событиях 1956 года, исходя только из личных впечатлений, возникших тогда и сохранившихся по сей день, и навязывать молодежи, которой не довелось участвовать в тех событиях, свои взгляды.

Дело касается вопросов более глубоких, более масштабных, нежели личные впечатления и эмоции, и эта моя статья направлена на то, чтобы высказать читателям, деятелям литературы и искусства свою точку зрения на происшедшее тогда и на то, что происходит сейчас.

Разумеется, я не претендую на безошибочность моего анализа и потому прошу читателя принять мое концептуальное суждение как одно из возможных мнений, которое, вероятно, и спорно, и требует множества уточнений, но, полагаю, содержит определенный интерес.

* Перепечатано из газ. «Литერатурули Сакартвело», 1988 г., 8/IV (на груз. яз.).

В мартовские дни 1956 года в Грузии произошли две трагедии.

Во-первых, грузинская молодежь (в основном молодежь) после XX съезда партии выступила в защиту личности И. Сталина, восприняв его критику как оскорбление национальных чувств (об этом немного ниже).

Во-вторых, для подавления этих выступлений власти после некоторого замешательства применили оружие, в результате чего погибло и было покалечено множество людей (точной цифры я не знаю).

Если первую трагедию можно как-то объяснить, исходя из различных реальных обстоятельств и соображений, то вторая трагедия необъяснима и не имеет оправдания.

Обобщив сказанное, мы обнаружим следующую парадоксальную реальность:

Тогдашние власти применили оружие против тех, кто, защищая И. Сталина, который для подавляющего большинства населения (не только Грузии!) был олицетворением советской власти, защищали в ту пору именно эту власть.

Это — факт.

Ко всему этому прибавилась и третья трагедия, вернее — трагикомедия: при обсуждении мартовских событий в тогдашней высшей партийной инстанции эти выступления были оценены как националистические выпады, и грузинский народ был обвинен в национализме (особенно активничали в этом Н. Хрущев, М. Суслов, В. Молотов, А. Микоян...), а В. Мжаванадзе было поручено усилить интернациональное воспитание в республике!

Прежде всего — о том, что касается национального характера деятельности Иосифа Сталина.

И. Сталин никогда не был узконациональным деятелем в масштабе Грузии или Закавказья. Это был революционный деятель международного ранга, а в частности — РКП(б), соратник Ленина, позднее — один из лидеров Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) и наконец — единственный вождь Коммунистической партии Советского Союза.

После того, как в жестокой идейной борьбе, переродившейся в сведение личных счетов, Сталин стал единовластным правителем страны, он приобрел абсолютную неограниченную личную власть.

После блестящей победы советского народа в неслыханно тяжелой и кровопролитной войне Сталин фактически становится преемником русских самодержцев (что с радостью заявляли русские эмигранты, представители самых различных направлений, и в Париже, и в других местах). Он превратил отсталую Россию в одну из сильнейших мировых держав, широко раздвинув ее западные и восточные границы и вооружив современной и сильнейшей военной техникой.

Сколько бесчисленных, порожденных его безграничным произволом невинных человеческих жертв (что тогда объяснялось государственной необходимостью) повлекло за собой такое превращение — это уже вторая сторона вопроса, хотя и связанная непосредственно и причинно с первой.

Такова объективная действительность, которую некоторые русские писатели, публицисты или журналисты почему-то стесняются признать, и представляют картину эпохи в основном односторонне — забывают или пытаются забыть вторую, так сказать, оборотную сторону и общий итог его деятельности.

И. Сталин был настолько грандиозной фигурой своей эпохи, что нашего столетия вряд ли хватит для того, чтобы исторически объективно проанализировать и оценить его деяния.

4.

В биографии И. Сталина был недолгий период, когда он мог бы стать на путь грузинского национального деятеля. Это — его юношеские годы, период «Сосело» (его псевдоним), когда Сосо Джугашвили писал патриотические стихи, некоторые из которых Илья Чавчавадзе напечатал в своей «Иверии». (Эти стихи — яркий образец поэтической школы Акакия Церетели. Что и как было бы, пойдя он этим путем, разумеется, никто не знает).

Но это увлечение грузинской поэзией, эта поэтическая потенция в его последующей жизни и деятельности исчезла бесследно (впрочем, прошу прощения! — она еще вспыхнула однажды, когда Сталин предложил Шалве Нуцубидзе свой перевод нескольких строф поэмы Руставели «Витязь в тигровой шкуре»).

Всю свою энергию, свой ум и организаторский талант Сталин посвятил международному и русскому пролетарскому движению. Согласно его неоднократным личным признаниям, он был русским большевиком и русский язык считал родным. Да и вообще, вопрос национальности никогда не возникал сре-

ди деятелей того поколения (кроме известного случая, когда В. И. Ленин отрицательно характеризовал отношение обрусевших «нацменов» к национальному вопросу и национальным деятелям).

В России ходят легенды о том, что Грузия при Сталине процветала и жила припеваючи, что здесь даже не существовало колхозов, население не облагалось государственным налогом, что вождь был милостив к своей нации... Все это явная ложь, ничего общего не имеющая с реальной действительностью. А реальная действительность была такова: Грузия больше и горше всех испытала на себе репрессии 30-х годов (да и не только тридцатых!), почти полностью были уничтожены не только старая гвардия большевиков Грузии и Закавказья, но и тысячи рядовых членов партии, и беспартийные, и просто неграмотные люди, не имевшие даже представления о троцкизме; были репрессированы и беспомощные жены и дети «врагов народа»; обычными стали доносы друг на друга, и зачастую — с целью завладеть чьей-то красивой приглянувшейся женой и хорошей квартирой.

Вот что утвердилось тогда в Грузии под «теоретическим» и практическим руководством подлого развратника и коварного палача Лаврентия Берия!

Категорически исключено, что Сталин об этом «ничего не знал», и доказывать это — смешно.

Так неужели же эту действительность отстаивала (пусть и невольно) грузинская молодежь, вышедшая в те мартовские дни на улицы и площади Тбилиси?!

Разумеется, нет. Быть того не могло, чтобы люди выступали сторонниками сталинских репрессий, сторонниками истребления тысяч невинных жертв!

Здесь переплелись совершенно различные, несовместимые на первый взгляд факторы и обстоятельства.

Тысячи оставшихся в живых репрессированных, ни в чем не повинных, высланных на Дальний Восток, в Сибирь, в Среднюю Азию людей верили, что Сталин просто «не знал», что происходило «в низах», что его ввели в заблуждение враги и что Сталин вершил великие исторические дела, с честью выполнял заветы Ильича и создавал новое общество. Тогда доверие к нему было огромно. Люди верили, что невиновность репрессированных вскоре выяснится и правда восторжествует.

Если многие репрессированные и их уцелевшие семьи думали так, как же должна была думать молодежь (и не только молодежь) начала 50-х годов?

Однако возможно ли полностью исключить национальные чувства в мартовских событиях? Разумеется, нет.

Наш народ тогда и вправду гордился Сталиным, его ролью в судьбах мира, его личностью, его делами, его победами — и тем, что Сталин по происхождению был все-таки грузин, хотя он не принес нашей нации никакого добра и не выделил ее ничем, кроме цепи жесточайших репрессий 1921 года, 1924, 1929-32 годов, 1936-37-38 годов, 1948 года, 1951-52 — и не знаю, каких еще!..

Вот в чем, по-моему, трагедия. Но ничего антипартийного, антисоветского и националистического в тех мартовских выступлениях не было.

6.

Вспомните хотя бы переполненную народом площадь Ленина, когда с трибуны прозвучал призыв: члены партии, дадим клятву верности Сталину! — как заалела вся площадь взметнувшимися над головами партбилетами.

Разве это был национализм?

Вспомните пафос речей, произнесенных с той трибуны и на набережной, где стоял тогда монумент Сталину.

Вспомните, как шествовали по улицам и площадям Тбилиси артисты, переодетые и загримированные под Ленина и Сталина и дружно держащиеся за руки.

Вспомните полное единодушие тбилисцев — представителей различных национальностей в те бурные дни.

Вспомните, как посылались телеграммы Молотову с просьбами защитить имя Сталина и советский строй, связанный с этим именем, и встать во главе государства.

Разве это был национализм?

Разумеется, нет.

Это был результат того, что именно те люди, по приказу которых в Тбилиси была открыта стрельба и пролилась кровь ни в чем не повинных юношей и девушек, вдальблывали нам в голову на протяжении десятилетий, что Сталин был «вдохновителем и организатором всех наших побед», «гением всех времен и народов», «отцом и учителем народов», что без Сталина погибнет мир.

Так кто же создал «культ личности»: мы, простые люди, или они, тогдашние руководители, которые поистине маккиавеллиевскими методами навязали нам и внушили самому Сталину, ползая перед ним на коленях и бляя о бессмертности его величия (в надежде спасти себя и свое кресло!), что без него советская власть погибнет и исчезнет?!

Мы или они?

Или, может, и мы, но — по их указанию, под их предводительством, по их внушению, по их приказу и под их давлением.

Такова правда.

7.

Такова поистине трагическая реальность, о которой и по сей день нигде и никем ничего не было сказано вслух, публично, — трагическая реальность, а не упрямый грузинский национализм.

И это вот обвинение в национализме с завидной легкостью выдвигается против малочисленной нации и произносится именно тогда, когда грузины поступают так, как диктуют им морально-этические нормы, выработанные ими в течение десятков столетий исторической жизни, как велит им их природа, традиция (могилы мертвых нельзя тревожить!), характер, психология, генетика, наконец!

Так что же, потерять свое лицо и лишь уподобиться другим?

Мы ничем не лучше других и ничем не хуже. Мы такие, какие есть. Мы не только никогда не сеяли никаких раздоров среди проживающих на территории Грузии представителей многих и многих других национальностей, но всегда относились к ним с уважением и не ущемляли их права, и было так в течение последних двадцати веков хотя бы.

Так что же, отвергнем этот подлинный интернационализм, пойдём на принудительное нивелирование и добровольно кастрируем самих себя?

Подобного не случалось в истории ни одного народа, неужели же мы националисты только потому, что не идентичны другим? Может ли быть большая трагедия?

Вот в чем ирония истории.

Но что происходит сегодня?

8.

Нынешний поистине уникальный период перестройки, демократизации и гласности, период обновления жизни некоторые негрузинские писатели, публицисты или журналисты бесовестно используют во зло, критикуя и обличая отрицательные стороны Сталина и сталинизма, указывают на нас, грузин, пытаюсь прямо или косвенно связать эти явления с Грузией и грузинским народом. Дескать, Сталин был грузинским явлением и виноваты во всем грузины.

Кем и каким был Сталин для Грузии, все мы знаем, об этом кое-что говорилось и выше, но, по недомыслию некоторых, все равно во всем виноваты грузины, и, исходя из этой логики, народ, больше всех тогда пострадавший, должен ныне нести на себе всю тяжесть покаяния.

Какая, однако, любопытная логика, не правда ли?

Оказывается, мы создали «культ личности» и жили припеваючи во времена «культа». А теперь нам и расплачиваться за все.

9.

Но вернемся к некоторым деятелям нашего искусства, желающим отобразить трагические мартовские события 1956 года в театре, кино или какими-либо другими средствами художественного выражения. Как мы убедились, события были не так уж и просты, чтобы мы теперь, воссоздавая их, пытались разобраться в них и дать им оценку, могли опираться только на личные эмоции и впечатления. Все сказанное или же недосказанное мною в этой статье требует несколько большего углубления в историческую обстановку, чем это может показаться на первый взгляд. Учитывают ли наши деятели искусства и литературы, перед какой сложной проблемой стоят они в связи с сегодняшней обстановкой?

Правда, истинная литература и истинное искусство никогда не избегают сложных проблем. Нынче же, в атмосфере гласности, многие трудности устранены. Но использовать личные впечатления и эмоции в искусстве необходимо и целесообразно тогда, когда вы заранее обдумаете и сформулируете общий концептуальный подход к явлению, которое желаете художественно отобразить.

В сегодняшней специфической обстановке это нелегко.

«Хорошо, коль к месту скажешь,
но беда, коль невпопад». (Руставели).

Полуправда же лживее самой лжи...

Статью мою я хочу заключить следующими словами:

Вечная память тем, чья невинная кровь пролилась в мартовские дни 1956 года.

Та мартовская трагедия никогда не должна повториться. Хватит с нас стольких жертв за такой короткий период. Надо искать пути, исключая подобные трагедии и роковые ошибки. Это тем более необходимо, что мы, грузины, здоровы и духом и телом, и у нас большие цели впереди.

Гурам ПАНДЖИКИДЗЕ

Без права на ошибку

ЧЕРЕЗ тринадцать лет человечество отметит конец двадцатого века.

Завершение века — факт сам по себе значительный, а тут еще и век необычный, юбилейный, двадцатый.

Что могут значить для истории неполных тринадцать лет? Об этом можно судить по тому, каким был прожитый век.

Согласитесь, трудно рассчитать, каким будет отрезок в тринадцать лет в двадцать первом веке, хотя контуры и тенденции развития, определенные и емкие представления уже имеются.

Об оставшихся же до вступления в двадцать первый век тринадцати годах мы можем судить с достаточной отчетливостью, с возможностью прогнозировать грядущие новшества.

Легко анализировать прошлое, как говорится, арба уже перевернулась, и дорога хорошо видна.

Ясно, чем ближе мы к двадцатому веку, более того — к сегодняшнему дню, тем определенные отрезки времени (в данном случае — условные — в тринадцать лет) резче разнятся между собой — последующие от предшествовавших — по насыщенности явлений, событий, открытий — в науке, технике, сельском хозяйстве и еще в тысяче различных сфер.

Швейцарский инженер и философ Эйхельберг дал весьма выразительную картину динамики развития человечества.

Предполагают, говорит он, что возраст человечества составляет приблизительно 600 000 лет. Можно представить се-

бе развитие человечества в виде марафонского бега на 60 километров, который устремлен к финишу, представляющему собой центр одного из современных городов.

Большая часть этого шестидесятикилометрового расстояния приходится на очень сложную дорогу — сквозь непроходимые заросли, леса. Мы, замечает Эйхельберг, в полном неведении — что нас ждет в пути. Только в конце, на 58-59-ми километрах этого бега мы находим в пещерах рядом с первобытными орудиями рисунки — первые приметы культуры, и только на последнем километре появляется все больше признаков земледелия.

За двести метров до финиша вымощенная каменными плитами дорога проведет нас мимо римских крепостей и замков. На последних ста метрах трассы нашим бегунам уже видны средневековые городские сооружения.

До финиша остается всего пятьдесят метров. За бегущими следят умные, пронзительные глаза Леонардо да Винчи. Осталось только десять метров! Бег на этой дистанции происходит при свете факелов.

На последних же пяти метрах наблюдается невероятное: свет озаряет ночную дорогу, без тягловой силы мчатся фургоны, в воздухе разносится гул машин, и растерянного бегуна слепит яркий свет вспышек и прожекторов фото- и телекорреспондентов... Согласно этой остроумной схеме эволюции мира только на последних пяти метрах 60-километрового пути существования человечества произошли почти все революционные новшества в науке, самые поразительные явления человеческого прогресса. Можно представить, каким впечатляюще насыщенным будет каждый год следующего века!

Хорошо помню, как в 1952 году, будучи студентом второго курса, я специально отправился в Москву посмотреть телевизор, который воспринимал как чудо, не представляя, как на расстоянии передается изображение. В Москве я с большим трудом разыскал семью, владевшую телевизором. С изумлением смотрел я на огромный ящик из дорогого дерева, в центре которого, размером с папиросную коробку, мерцал экран. С той поры прошло всего лишь тридцать шесть лет. Можно ли сравнить психологию моего поколения с психологией нынешней молодежи? Им ведь даже трудно вообразить жизнь без видеотехники. Еще недавно (а тут уж совсем не до смеха) тебя объявляли врагом науки, врагом общества при одном лишь упоминании о генах, о кибернетике. Сегодня генетики ведут активную борьбу против вредных генетических мутаций. Излишне

говорить о кибернетике — она сама о себе постоянно напоминает в нашей повседневной жизни.

Словом, оставшиеся тринадцать лет должны стать самыми плодотворными, насыщенными и значительными в сравнении с любым другим соответствующим отрезком времени за прошедшие двадцать веков.

Ведь веков десять назад степень воздействия человека на окружающую среду соответствовала его силам. В дальнейшем он постепенно овладел различными техническими средствами, применение которых соответственно увеличило и силу его воздействия на окружающий мир. Сегодня сила воздействия человека на среду обитания только за счет электроэнергии возросла в сорок раз. Это общепланетный показатель. В отдельных высокоразвитых странах он необычайно велик и масштабен.

К концу этого века, то есть, через тринадцать лет — я прошу серьезно вникнуть в весьма реальный прогноз — этот показатель достигнет ста тридцати: если сегодня человечество вырабатывает триллион киловатт-часов, то через тринадцать лет годовое количество выработанной электроэнергии составит пятьдесят триллионов киловатт-часов.

Вот как в этот поразительно короткий отрезок времени будет решено много неразрешимых с сегодняшней точки зрения проблем, будет снят покров с множества тайн, человек еще глубже и основательнее вторгнется в космос, в изумительную природу микромира, в генетику...

Страшна и прискорбна лишь мысль о том, что человечество способно совершить непоправимое — глобальных масштабов — безумие.

Великий голландский ученый Лоренцо говорил: «Слава богу, я сын такой маленькой страны, которая не может совершить большие глупости».

Если же какой-нибудь большой народ совершит «большую глупость»... не останется ни больших, ни малых народов...

Так что не будет преувеличением, если каждый, оставшийся до двадцать первого века год мы приравняем десятилетиям по масштабам своих достижений. Меняется ведь не только уровень науки и техники — меняется психология человека, его природа, отношение к определенным явлениям, его позиции.

Несколько лет назад один писатель подарил мне свой роман и сказал, что наконец-то завершил труд, которому было отдано сорок лет. Я искренне удивился, — как можно в наше

время, во второй половине двадцатого века в течение сорока лет писать одно произведение.

Незачем утомлять читателя перечислением подобных примеров — и не становясь на скучный путь экстраполяции, хочу лишь отметить, что первый год и XIX-го, и тем более XVIII-го веков мало отличался от сорокового с точки зрения психологии людей, их отношения к определенным общественным явлениям, оценки нравственных категорий, жизненных критериев...

Сегодня же между поколениями первых и сороковых годов непреодолимая бездна в различии и жизненных позиций и критериев, в восприятии явлений, психологии. Претерпевают изменения психика человека, ритм и инерция эпохи и, что естественно, — меняются способы литературного отображения. Максимум в десятилетний цикл рождаются и устаревают определенные направления в литературе, музыке, архитектуре...

Отцам и детям сегодня еще сложнее понять друг друга — больше разнятся их вкусы, отношение к жизненным явлениям... Поколение, которому предстоит жить в двадцать первом веке, будет резко отличаться от тех, кому доведется перешагнуть финишную черту двадцатого века неизбежно отягощенными грузом предрассудков своей эпохи.

Давайте же попробуем совершить путешествие в недалекое будущее. В будущее, которое начинается сегодня...

* * *

Сколько нас будет?

По данным Организации Объединенных Наций ежегодно на планете рождается 150 миллионов человек, а умирает 80 миллионов. После крайне простой математической операции мы получим весьма впечатляющую цифру: человечество ежегодно увеличивается на 70 миллионов, или, как было сказано однажды, на одну Мексику. Исходя из этого, в соответствии с нынешними условиями прибавления, до конца века население планеты вырастет почти на тринадцать Мексик. Такой прирост населения не может не поставить перед человечеством целый ряд сложных и трудноразрешимых проблем.

Попробуем проследить, как идет прирост населения в отдельных странах у разных народов. Естественно, не одинаково — в силу географических, климатических, социальных, религиозных и многих других причин. В результате анализа данных возникает весьма настораживающая картина. На сего-

дншний день население планеты составляет 5 миллиардов человек.

По прогнозу ООН к концу XX-го века нашу землю будут населять 6 миллиардов 120 миллионов человек, а по расчетам американских специалистов — 6 миллиардов 80 миллионов людей.

Цифры и впрямь впечатляющие. Если учесть, что к концу XIX-го века планету населяли всего 1 миллиард 617 миллионов человек, а триста лет назад — всего полмиллиарда... Как ни удивительно, в последнем, XX столетии родилось больше людей, чем за всю историю человечества.

Каково же соотношение в приросте населения между государствами или континентами?

Быстрее всех размножаются представители так называемого третьего мира, хотя и между этими странами имеются достаточно значительные различия по рождаемости.

Первенство по рождаемости по-прежнему принадлежит Африке: здесь 45 единиц рождаемости приходится на тысячу душ населения.

За ней следует Латинская Америка — 27,1;

На третьем месте Южная Азия — 26,9.

С этими данными резко расходится Северная Америка — 14,4, и на последнем месте — Европа — 13,1.

Да и в самой Европе картина очень пестрая и грустная: например, прирост населения в Северной Европе равен нулю, а в таких странах как ФРГ и ГДР прирост населения идет на убыль. Специалисты ФРГ в 1975 году подсчитали, что к концу века население страны уменьшится с 58 до 52 миллионов, то есть уменьшится на 6 миллионов человек.

В разных странах предстоит решать проблемы и задачи совершенно противоположного характера. Например, в Китае создан специальный Государственный комитет, в задачу которого входит регулирование рождаемости в стране. Среди населения ведут большую пропаганду государственного призыва «Одной семье — одного ребенка». В школах ввели специальный предмет, и детей со всей серьезностью обучают демографической политике и основам теории размножения населения.

Трудно сейчас Европе. Она как магнит притягивает африканцев, турков, иранцев, представителей арабских стран. В ФРГ даже существуют турецкие гетто. Это стало темой кинофильма, а нашумевшая книга Гюнтера Варлафа «На настоящем дне» вышла в ФРГ неслыханным тиражом — в три миллиона экземпляров, взбудоражив германское правительство и

правящие круги. В книге с необычайной документальной точностью описана жестокая эксплуатация, которой подвергаются люди из других стран, приехавшие в ФРГ в поисках хлеба.

С одной стороны, в Европе высказывается резкий протест против такого наплыва иностранных рабочих рук. С другой стороны, с ростом производственно-технических отраслей компании вынуждены прибегать к иностранной рабочей силе, не будучи в состоянии обеспечить эти производства за счет национального резерва.

Японцы, которым свойствен точный и дальновидный прогноз, пошли другим путем: они строят свои фабрики и заводы за границей, в Индонезии, Малайзии, Гонконге... Этим они убивают сразу двух зайцев: успешно решают экономические проблемы (в отсталых странах рабочая сила в три-четыре раза дешевле, чем в Японии) и создают базы. Заботясь о будущем, японцы превратили все близлежащие страны в собственные цехи.

К концу столетия в Советском Союзе будет 310 миллионов жителей. Можно только приветствовать столь быстрый рост населения в нашей стране, хотя бросается в глаза неравномерность этого процесса: население увеличивается в основном за счет Средней Азии. По предположению специалистов, в области средней полосы России каждые 100 человек заменят только 85, вышедших из рабочего возраста, в Узбекистане наоборот — 302, а в Таджикистане еще больше — 400 человек. Это явление уже сейчас надо серьезно проанализировать и сделать выводы: будущая география нашей индустрии должна быть тесно связана с проблемой избыточной рабочей силы.

Зарубежные демографы предполагают, что к началу двадцать первого столетия население Европы значительно «постареет».

Количество переступивших шестидесятилетний рубеж достигнет 20 процентов. В Советском Союзе население будет сравнительно «молодым», но число людей старше 60 лет составит 18 процентов.

XXI век будет веком горожан. Если в 1900 году в городах жило только 14 процентов населения мира, то в 2000 году этот показатель возрастет до 50 процентов. Следует учесть, что это средний показатель, так как в ряде государств и сегодня городского населения больше, чем сельского.

С развитием научно-технического прогресса растет и чи-

сло специалистов, занятых на производстве только «интеллектуальным трудом». Предполагают, что численность их достигнет 70 миллионов человек.

Высокая смертность детей от голода и эпидемий в развивающихся странах тоже весьма ощутимо влияет на статистику рождаемости. По данным ЮНЕСИФ (Детский фонд Организации Объединенных наций) в развивающихся странах ежедневно умирают от голода 40 тысяч детей. Количество умерших за год составляет 15 миллионов детей.

В тех же развивающихся странах ежегодно до трех с половиной миллионов детей погибают от болезней, которые легко было бы предотвратить, осуществив элементарную иммунизацию.

К концу столетия, естественно, еще с большей остротой встанет вопрос питания населения. И если Южная Америка, многие страны Африки не решат продовольственную проблему, то по расчетам специалистов количество голодающих в мире возрастет еще больше, а в 2025 году умрут от голода 500 миллионов человек.

Оказывается, от голода можно было бы избавиться, если одновременно выделить 70 миллиардов долларов на строительство ирригационных сооружений, освоение целинных земель, внедрение новой технологии...

70 миллиардов долларов — это всего лишь десятая часть той суммы, которая ежегодно затрачивается в мире на вооружение и создание новых видов оружия.

Проблемы, которые высокая рождаемость выдвигает перед государствами, крайне разнообразны и многочисленны. Одна из них — проблема леса.

Население в развитых странах расходует на топливо в 10—20 раз меньше леса, чем в развивающихся странах. В настоящее время из вырубаемого лесоматериала на отопление используется 54 процента. С ростом населения растет и процент уничтожения лесов. Во-первых, за счет вырубки лесов стремятся расширить пахотные площади. С другой стороны, из-за отсутствия технических видов энергии возрастает и процент использования леса на топливо. В результате сведения лесов окрестности многих городов превратились в пустыни. Во многих странах все реже и реже едят горячую пищу. А приготовление основных традиционных блюд, скажем, риса невозможно без огня. Во многих странах вода не пригодна для питья, а кипятить ее нет возможности из-за нехватки топлива. Это особенно отражается на высокой смертности детей.

О том, как высокие темпы увеличения рождаемости снижают валовой национальный продукт на душу населения, наглядно свидетельствует один пример из доклада директора Фонда по изучению вопросов размножения народов Организации объединенных наций Рафаэля Саласа («За рубежом», № 39, 1987 г.). В 1960 году доля валового национального продукта Бразилии на душу населения составляла 900 американских долларов, в Японии же — 1.400 долларов. В 1985 году в Бразилии этот показатель составляет 2.000 долларов, а в Японии за тот же период он достиг 16.000 долларов.

Как заключает Р. Салас, это в основном результат катастрофически быстрого роста населения Бразилии.

Приведу еще один пример. Население Кении составляет сейчас 20 миллионов человек. Матери, как правило, там имеют по восемь детей. Этот показатель сам по себе «дает гарантию», что к концу столетия население здесь удвоится и достигнет 40 миллионов.

Специалисты международного банка подсчитали: если кенийцы сохранят сегодняшний уровень рождаемости и здравоохранения, то все равно ежегодные затраты в этом направлении должны возрасти на 7 процентов, поскольку 50 процентов сегодняшнего населения Кении составляют дети. Каждый год школу здесь кончают 300 тысяч детей, а рабочими местами можно удовлетворить лишь 28.000. Остальные обречены на безработицу и голод. Некоторые ищут спасения на шахтах и заводах европейских стран и Северной Америки, где имеется наибольшее количество бесплодных пар.

Количество таких бездетных пар в Европе составляет 10—15 (!) процентов. Что и говорить, статистика тревожная.

И если в Северной Америке в этом отношении показатель чуть лучше, то это «заслуга» в основном негров и населения, нахлынувшего сюда из стран третьего мира.

Так называемая «сексуальная революция» «свободного мира», наркомания, потребление девушками алкогольных напитков и курение привели страны Европы и Северной Америки к логическим последствиям.

Ко всем этим бедам добавляются сексфильмы, порнолитература, порномагазины и тысячи подобных мерзостей, которые из-за «свободы слова» и определенных статей «демократической конституции» якобы не подлежат запрету.

Еще во времена Де Голля, когда прирост населения во Франции стал резко сокращаться, в государстве объявили чрезвычайное положение и призвали нацию к размножению, а

французами записали всех цветных или чернокожих, которые изъявили желание стать «французами».

Какая картина создается к концу столетия?

Каково будет соотношение между нациями или хотя бы расами, между религиями?

Сегодня мы можем с достаточной определенностью все это рассчитать и нарисовать довольно ясную картину. Но разве дело в расчетах? Главная беда в том, что невозможно (или почти невозможно) управлять этими процессами!

* * *

Какими мы будем?

Сегодня мир отличается необычайной пестротой. Я говорю не о национальной и расовой пестроте, а имею в виду интеллектуальное развитие. Ожидаются ли к концу века какие-либо изменения в этом плане?

Невероятно, но факт — сегодня, когда человек ступил ногой на Луну и готовится к тому, чтобы к 1990 году доставить образцы грунта с Марса, миллионы людей в мире еще даже не видели электрической лампы. Более того, год назад, 9 марта 1987 года газета «Известия» рядом с опубликованными на ее страницах информацией о «звездных войнах» поместила сенсационное сообщение: в Индии, в Нилгирских джунглях, а также в штате Северный Керал одновременно обнаружены два племени, которые по своему развитию находятся на уровне каменного века. Кроме того, как это явствует из газет, в Бразилии идет судебный процесс, на котором судят экс-императора Бокасу, употребившего в пищу 10 человек. А Бокаса, со своей стороны, предъявил обвинение в каннибализме бывшему президенту страны Давиду Дако. Как сообщает газета, еще не установлено, сколько же человек съел бывший президент.

Сегодня, когда в Соединенных Штатах Америки и в капиталистической Европе в таком оголенном виде предстает секс, в исламских странах большая часть женщин вновь ходит в чадре.

Немецкая певица Моника Людвиг на оперной сцене города Ливорно в Италии, исполняя партию мадам Баттерфляй в опере Дж. Пуччини «Чио-Чио-сан», в третьем акте предстала перед зрителями в чем мать родила. Немецкий журнал «Квик» отмечает, что наглость певицы крайне шокировала внучку великого композитора Симонетту Пуччини. Прошу читателя хорошо вдуматься в информацию немецкого журнала: шокирована

была только внучка Пуччини, но не дирекция театра, не коллеги, не зрители.

В то же время аятолла Хомейни в Иране именем аллаха запрещает музыкальные передачи, объявляет вне закона литературу. Для обезвреживания заминированных в войне с Ираком полей здесь используют подростков от 10 до 15 лет. Считается, что подорвавшиеся на минах дети представляют меньший ущерб для государства, чем гибель специально подготовленных и обученных солдат. По последним данным подорвались на минах и погибли уже 140 тысяч детей. Аятолла Хомейни же шлет письма родителям погибших и искренне поздравляет несчастных с тем, что их дети пали жертвой за святое дело.

Сейчас, когда в развитых капиталистических странах сбившиеся с пути и потерявшие цель жизни люди создают сексуальные коммуны, а во многих странах стало обычным превращение в результате сложнейшей операции мужчины в женщину, и распространившийся гомосексуализм также приобрел легальные права, не замедлили сказаться последствия. Возникла угроза сегодня не поддающегося лечению заболевания — СПИДА (синдром приобретенного иммунодефицита), образно названного журналистами «черной оспой двадцать первого века».

Выступая в Филадельфийском медицинском институте, президент Рейган сказал: «Смертельный и пока еще неизлечимый недуг СПИД, который имеет в Соединенных Штатах Америки масштаб эпидемии, объявлен врагом номер один здоровья нации». Только в этом году для борьбы с этой болезнью выделено 766 миллионов долларов, в будущем же году предусмотрен миллиард долларов (газета «Комунисти», 4 апреля 1987 года).

Паника и страх охватили Америку. Уже раздаются требования изоляции и социального изгнания больных СПИДОМ. Эти призывы исходят в основном от служителей церкви, провозгласивших СПИД жесточайшей карой Всевышнего за грехи — гомосексуализм и разврат.

Большинство врачей и сегодня не убеждены, что хотя бы к началу XXI столетия будет найдена вакцина для лечения этой болезни.

В то время, как часть нашей планеты втянута в омут зла, принесенного цивилизацией, в другой ее части еще чрезвычайно высок процент неграмотного населения. Сегодня в мире не умеют читать и писать 825 миллионов человек!

При таком переплетении противоречивых факторов особое

значение приобретает пропаганда среди населения, ведущаяся в мировом масштабе. Чье влияние на население развивающихся и даже очень развитых капиталистических стран окажется наиболее сильным? Насколько разумно и целенаправленно ведем мы пропаганду идей социализма? Правящие круги капиталистического мира, особенно приспешники американского империализма, не жалеют ни средств, ни усилий, чтобы навязать другим государствам и народам свои идеи, американский образ жизни, убедить в преимуществах «самой свободной», «самой демократичной» Америки, направить национальную культуру, мышление других народов в русло американской культуры и общественных взглядов.

Справедливо говорит известный французский режиссер Клод Отан-Лара о сегодняшнем засилье кино США и американской «массовой культуры» во Франции: «Подспудно «американизировался» и наш национальный кинематограф — его методы, язык, образы, стиль, идеи. На мой взгляд, колонизация страны чужой культурой страшнее даже военной оккупации: оккупантов в конце концов прогоняют, с колонизаторами, забыв свои национальные традиции и память, свыкаются» («Литературная газета», 2 апреля 1986 года).

В период телевизионной и информационной «революции» в трудном положении оказался весь капиталистический мир, особенно страны Азии, Африки и Северной Америки. Посредством телевизора американцы внедрили почти в каждую семью этих стран своего агента — пропагандиста американского образа жизни, забрались в сознание каждого телезрителя. С полумиллиарда экранов телевизоров американцы предлагают американскую модель «истинной демократии», образа жизни, духовной «свободы».

В развивающихся (и не только в развивающихся) странах телевидение превратилось в величайшее оружие политической и идеологической экспансии. Потому и пишет африканский журналист Ата Коф: «В руках добрых людей телевидение в Африке станет незаменимым фактором прогресса, но в руках злого человека оно превратится в троянского коня, который поможет новым культурным колонизаторам занять место старых колонизаторов».

Американцы придумывают и совершенствуют все новые и новые формы идеологической диверсии. Миллионы безграмотных, верующих или людей с низким уровнем просвещения в государствах Азии, Африки, Южной Америки приобщаются американским шоу-бизнесом к американской морали и нрав-

ственности, американской «свободе». Рушатся традиции, рушатся вера и убеждения, на глазах уничтожается национальная культура, тут же в зародыше искореняются национальная кинематография, телевизионные передачи, основанные на национальных традициях и народной культуре, вообще все отрасли искусства, взошедшие на национальной почве.

Особое влияние оказывают американские телепередачи на молодежь этих стран. С помощью телевидения совершается тотальная идеологическая диверсия.

Интересные цифры и факты приводит в журнале «Иностранная литература» М. Салганик. По словам автора, в отдельные годы в американских телевизионных передачах ковбойские детективные фильмы и мюзиклы в целом занимали 200.000 часов. Это приблизительно составляет одну треть от передач европейских стран и половину телепередач стран Азии и Африки. Часовую программу, которая в действительности стоит 400—500 тысяч долларов, в Египте продают за 250 долларов, часто даже еще дешевле.

Как безмерно добры владельцы компаний телепередач! Они отдают почти даром, а то и просто дарят отсталым странам не только отдельные передачи, но даже ценнейшую телеаппаратуру. Думаю, читатель согласится со мной, что истинная цель этих «бескорыстных» подарков наводит на размышления.

Как сообщает М. Салганик, проведенный в Канаде социологический опрос показал — что в результате «облучения» американским телевидением, канадцы намного лучше знают историю США и американскую культуру, нежели свою собственную. А многие канадские дети даже думают, что живут в США.

«Интернэшнл геральд трибюн» писала, что хотя в Голливуде снимают всего 10 процентов выпускаемых в мире художественных фильмов, экспорт американского кино составляет одну треть мирового экспорта, и на его долю приходится 50 процентов мировых киноприбылей. Подавляющую часть этих фильмов представляет низкопробная продукция, насыщенная нескончаемыми ужасами, оргиями и насилием.

Поразительно, но факт, что такие развитые и высококультурные страны, как Франция, Италия, Англия, ФРГ и многие другие постепенно попадают в сферу влияния американских моделей жизни, морали, культуры.

Дело не только в кино и литературе — американская музыка заставила забыть собственные мелодии даже те страны,

которые известны своей музыкальной культурой. Вот что пишет известный французский певец Жан Ферра:

«Я борюсь с американизацией нашей песни и всей культуры уже многие годы — это очень важная государственная проблема. Если процесс духовной колонизации продолжится и станет необратимым, мы потеряем нашу культурную самобытность. Положение чрезвычайно тревожное, дело дошло до того, что многие наши молодые певцы исполняют песни по-французски, но с акцентом! Они, видимо, считают, что именно так смогут добиться успеха».

В каком положении американский народ? Как заботятся правящие круги об его образовании, духовном развитии? Заинтересованы ли они в том, чтобы американское общество было просвещенным, высококультурным, высокоинтеллектуальным? Думается, не заинтересованы.

Когда монополии и сами государства ведут ожесточенные финансовые войны, в условиях смертельной конкуренции никто не помнит ни о человеке, ни о его гармоничном духовно-культурном росте. Человек становится лишь машиной, которая должна хорошо мыслить и мастерски владеть своей узкой профессией.

В том и заключается парадокс: страна, где трудятся блестящие специалисты, ученые, высококвалифицированные рабочие, где царит высокий научно-индустриальный дух и с особенной силой ощущается биение пульса эпохи, населена невообразимо невежественными людьми.

Чтобы моя информация не показалась голословной, я предлагаю вам два высказывания из американской прессы. В одном говорится, что по данным обследования, проведенного государственной комиссией по оценке прогресса в сфере просвещения, 6 процентов американцев в возрасте 20 лет и немного старше читают хуже, чем ученики четвертого класса начальной школы. 5 процентов этой возрастной группы не в состоянии выполнить такие простые задания, как прочесть в газете короткую информацию о спорте или написать заявление о приеме на работу.

Этот и приводимый ниже материал опубликован в 1975 году во время проведения совместного мероприятия деловых кругов Америки и двух телевизионных компаний США. Мероприятие посвящалось кампании по ликвидации безграмотности взрослого населения. Оказалось, что в Америке число неграмотных составляет 23 миллиона или 13—15 процентов взрослого населения («Вашингтон пост»).

Сошлюсь на другое высказывание. Казалось бы, любому американцу не должно составить труда ответить на вопрос о численности населения США. Но эту уверенность поколебали студенты колледжей в штате Каролина. Из 2000 студентов только 181 ответили правильно — 226 миллионов согласно переписи 1980 года. Остальные приводили фантастические цифры — от 100 тысяч до 236 миллиардов. Большинство даже приблизительно не знало численности населения родного штата — вместо 6 миллионов называли и 250 миллионов, и 25 тысяч. Многие переместили советский город Владивосток в Западную Германию, столицу Перу Лиму — в Италию, реку Ганг — в Бразилию, Амазонку — в Египет.

Чтобы меня не обвинили в преднамеренной пропаганде против капиталистического мира, попытаюсь обрисовать соответствующее положение в нашей стране. Хочу обратиться к раздумьям по этому поводу известного советского писателя Даниила Гранина, высказанным в статье «Ответственность подлинная и мнимая», опубликованной в «Литературной газете» (12.02.1986):

«В течение многих лет мы не занимались всерьез социологией чтения. Отчасти можно понять, почему не занимались. Существовал книжный голод, казалось, что тут не до исследований: какую книгу ни выпусти — ее все равно тут же схватят. И вдруг в последнее время стало обнаруживаться, что книги берут с разбором, и какие-то уже долго лежат в магазинах, а иные и вовсе не раскупаются... Начинает выясняться и другое обстоятельство: книги, которые покупают, — а цифрами проданных томов мы гордились, книжный бум нам казался показателем культуры, — их не всегда читают, даже те из них, что были предметом дефицита, спекуляции. То есть нет прямой связи между спросом, продажей, числом купленных книг и чтением. Точно так же, как нет прямой связи между лишней парой обуви и ходьбой — не обязательно, что приобретая новые туфли, мы станем больше ходить. Недавнее социологическое исследование, проведенное Ленинградским педагогическим институтом имени А. И. Герцена среди десятиклассников Ленинграда, Петрозаводска, Шадринска, Саранска, в котором участвовало около четырех с половиной тысяч учащихся, показало довольно грустную картину. В ответах на вопрос анкеты «Какие книги, прочитанные вами не по программе, а по собственному желанию, произвели на вас особенно сильное впечатление?» — не было названо ни одного произведения русской клас-

сической литературы, не упомянуты первоклассные вещи советских писателей.

Отлучению школьников от художественного слова способствовало продолжающееся, несмотря на все разговоры, сокращение и ухудшение преподавания литературы в школе, и нынешняя реформа этот процесс, увы, пока не остановила.

Но, кроме того, существуют и другие не менее серьезные причины, отчего читать стали меньше. Раньше по вечерам, если не шли в кино или театр, брали в руки книгу. Интересная книга собирала за столом всю семью. Теперь семья — и стар и мал — глядит часами на телеэкран. К магнитофонам добавились еще и видеомэганитофоны. А жизнь-то человеческая немалого удлиняется, количество свободных часов не прибывает, и к этому надо относиться трезво, понимать, что у современного человека меньше остается часов на чтение, чем у человека, допустим, 30-х годов. Книг меж тем выпускается все больше, и что происходит с их чтением, мы очень плохо знаем, — в этом смысле мы живем и работаем вслепую. Хотя не вооруженным социологическим глазом видно, что круг чтения сужается, люди читают меньше, читают поверхностнее, наспех, предпочитают чтиво, все чаще удовлетворяются сублитературой. Развлекательное кино, легкая музыка во всякого рода упаковках — готовые музыкальные консервы и легкое, без серьезной духовной работы чтение. Растет потребление субискусства — субмузыки, субживописи, и эта субкультура довольно пышно начинает расцветать среди социологического безмолвия. Нам не обойтись без социологического анализа, без четких критериев, точных ориентиров, открытого, гласного обсуждения, что мы читаем, а что мы не читаем, каковы вкусы, каковы интересы разных слоев населения. Это необходимо для нашей критики, для движения литературы».

Казалось бы у нас, в Советском Союзе, где ведется большая работа по воспитанию гармоничной личности, где расходуется денег больше, чем в любой стране мира на возрождение культуры, просвещение, многочисленные олимпиады и т. п., мы хотели бы наблюдать более благополучную картину.

Что же происходит? Что мешает человеку стать истинно просвещенным, образованным, гармонично мыслящей личностью, приобщиться к лучшим образцам литературы и искусства? Мне думается, наряду с социальными причинами, виноват напряженный ритм XX столетия.

Поверхностность образования, точнее — необразованность в сочетании с жадной изнуренных урбанистическим неврозом

людей к покою, потребность снять напряжение скоростного ритма жизни привели во всем мире к распространению сект, оживлению их деятельности.

Из водоворота нерешенных проблем, тысяч разных жизненных вопросов, поставленных эпохой, возникает благодатная почва для поисков спасения в ирреальном, божественном мире...

История, которую я хочу сейчас рассказать, может показаться надуманной и недостоверной, поскольку произошла она в такой высокоразвитой стране, как Соединенные Штаты Америки.

Основателем и главой американского филиала «Миссии божественного света» предстал восьмилетний индийский мальчонка Махарадж Джи. Его отцом был гуру — глава религиозной общины, весьма уважаемый в Индии человек, который еще в 1920 году основал «Миссию божественного света».

В день похорон отца всех изумили слова восьмилетнего Махарадж Джи: «Почему вы причитаете? Неужели вы не знаете, что наставник навечно с вами? Я тот учитель, которого вы сейчас оплакиваете».

«Святое» семейство объявило восьмилетнего Махарадж Джи духовным наследником отца. Уже в одиннадцатилетнем возрасте Махарадж Джи восторженно приветствует многомиллионный митинг в Нью-Дели. А в 1971 году его проповеди произвели такое неотразимое впечатление на одного из американских бизнесменов, что тот решил пригласить молодого гуру в Америку. Так в Америке был создан центр «Миссии божественного света».

Обращусь к статье Л. Тимошина «Вундеркинд из «Миссии божественного света», опубликованной в журнале «Наука и религия»: «Так в США появился еще один, по-своему уникальный неоориенталистский «культ». Во всяком случае гуру-юнца, глаголящего божественную истину, мы еще не встречали.

«Культ» этот любопытен и по другой причине. Как уже не раз отмечалось, США ныне буквально наводнены «учителями» восточной мудрости, как правило, учредившими собственные организации. Они крайне разнообразны. Одни (например, «Движение Харе Кришна») ревностно сохраняют заморскую экзотику (одежды, ритуалы, распорядок и т. п.). Другие, напротив, стремятся выступить в предельно «американизированном» виде. К ним, прежде всего, относится «Миссия божественного света». Поэтому знакомство с ней позволяет глубже уви-

деть как причудливые судьбы неоориентализма, так и облик новомодных мистических доктрин.

10—12 ноября 1973 года город Хьюстон (штат Техас) стал свидетелем манифестации, удивившей даже искушенных жителей этого известного центра космических исследований, нефтяной промышленности и медицинских комплексов. Уже накануне сюда устремились потоки автомобилей, оклеенных портретами Махарадж Джи. Почти одновременно на аэродроме приземлились 35 специально зафрахтованных лайнеров из Европы, Латинской Америки, Австралии. По мнению старожилов, такой самолетной суеты не было со времен второй мировой войны.

Главное действие разворачивалось на аэродроме — престижной туристской достопримечательности города. Здесь была сооружена гигантская арена, на которой разместились почитатели молодого «спасителя». Гремел оркестр из 60 музыкантов, а на высоте 300 футов реяло светящееся пластиковое кресло. На нем торжественно восседал «повелитель Вселенной», каждый жест которого воспроизводился на огромных телеэкранах.

Многokrатно усиленный динамиками, звучал ломающийся юношеский голос: «Я не могу говорить индийцу о поисках истины, если он голоден. Сначала я должен накормить его. Я не могу говорить о пище с сытым американцем, поэтому я говорю с ним о Знании. Моем Знании! Если оно у вас имеется, то вы будете чувствовать себя прекрасно... прекрасно всегда. Оно дает вам блаженство. Оно дает больше, чем вы можете себе представить...».

Отметим только, что авторитету юного гуру во многом способствовала поддержка ряда влиятельных американских политических деятелей. Так, мэр Лос-Анджелеса объявил в честь Махарадж Джи «международный день медитации», мэры Нью-Йорка, Нового Орлеана, Окленда торжественно вручили ему ключи от своих городов. Экзотический «толстячок» был нарахват у газетчиков, теле- и радиорепортеров, а меценаты не скупилась на щедрые пожертвования.

Такой взрыв поклонения не был, конечно, спонтанным. За спиной вундеркинда и от его имени трудилась квалифицированная «взрослая» команда, включавшая, например, специальные комитеты по рекламе, финансовой и издательской деятельности. Функционировала четкая система вербовки новых последователей: около двух тысяч махатм («апостолов») по всей стране обучали Знанию и организовывали сложные ритуалы приема новых членов «миссии» (о них мы еще будем говорить).

Преимущественно молодежный состав «миссии», а также особый статус «повелителя Вселенной», приписываемый Махарадж Жи, определил и общую атмосферу неистового идолопоклонства. Показательно заявление известного активиста «Новых левых» Ренни Дэвиса, сделанное весной 1973 года на специальной пресс-конференции: «Ныне имеется возможность практически воплотить в жизнь мечты движения 60—70-х годов, а именно покончить с бедностью, расизмом, сексизмом, империализмом». Он разъяснил, что стал последователем «революционного учения» гуру Махарадж Жи и добавил фразу, которая привела аудиторию в явное замешательство: «Я на коленях готов пересечь всю планету, чтобы коснуться его ботинок».

А о рядовых последователях «культы» и говорить не приходится. Экзальтированные юные поклонники и поклонницы считали высшим счастьем припасть к стопам гуру. Их повседневный молитвенный ритуал включал питье воды, к которой якобы прикоснулся гуру; его всюду сопровождали крики радости, поклонение людей, распростершихся в неизъяснимом экстазе.

Одним словом, реклама была организована с подлинным размахом и профессиональной сноровкой, что незамедлительно сказалось: «миссия» стала разрастаться, словно лесной пожар... Так, в 1973 году, по заверениям ее руководителей, лишь в США она насчитывала около 50 тысяч приверженцев. В целом же организация располагала 480 центрами в 33 странах и только в одной Индии имела свыше 6 миллионов последователей.

Покровительство деловых кругов во многом определило и характер деятельности «миссии»: она интенсивно развивала собственный бизнес, вкладывала деньги в прибыльные предприятия. По свидетельству ее финансового директора Майкла Бергмана, лишь за период с января по июнь 1973 года операции новой «церкви» выросли в 8 раз. Вскоре она превратилась в обладающую многомиллионным состоянием компанию, владеющую магазинами, ресторанами, самолетами, оркестром, звукозаписывающей студией, изданиями, в том числе и журналом «И это божественно», который выходил тиражом в 1,5 миллиона экземпляров.

А вот информация из журнала «Шпигель» (ФРГ): «Никакой мистики: речь о тайных сектах, которые проповедуют культ сатаны, веру в демонов, черную магию и множество другой чертовщины. Увлечение потусторонним миром подобно эпидемии распространяется среди подростков в ФРГ».

...В психиатрическую больницу поместили мальчугана,

который помешался на идее «служения сатане», пятнадцатилетняя девочка-ученица стала последовательницей оккультизма (учителя узнали об этом лишь тогда, когда на ее руках увидели ритуальные шрамы от разрезов ножом), ее тринадцатилетняя сверстница вообразила себя колдуньей, которая предсказала гибель мужчин, другую пятнадцатилетнюю ученицу нашли в лесу мертвой с перерезанными горлом и венами — убийцами оказались ее товарищи, члены «секты сатаны».

Взрослые, — пишет журнал, — обеспокоены. Растущая волна мракобесия среди молодых стала темой конференции евангелистско-лютеранской церкви ФРГ. Церковь призвала родителей «быть начеку» и защищать своих детей от вредных влияний. По данным святых отцов, на тайных молодежных собраниях, между прочим, совершаются и «ритуальные убийства». Откуда все это? Кто-то в распространении неооккультизма видит одну из форм убить время, другие обвиняют фильмы ужасов, рок-музыку. Опрос тысячи учеников в городе Франкентель показал, что лучше всего дети запомнили фильмы ужасов, на первом месте среди них по силе впечатления оказался кинофильм «Дьявольский хоровод».

Среди размножившихся в большом количестве рок-групп появились истинные фанатики. «Если вы жаждете крови, посетите адский концерт нашей бойни, — приглашает рок-группа «Хеви металл». — На сцене мы распиливаем кресты и окровавленные головы, дырявим монахов и Иисуса Христа...». Самыми рьяными почитателями «Хеви металл» являются подростки от тринадцати и чуть старше. Существуют ансамбли под названием «Рыцари сатаны», «Убийцы». Комментарии к песням не требуются: «Мучитель», «Черная магия», «Избавься от раскаяния» и другие, им подобные.

Да, это поистине свобода, абсолютная свобода во всех сферах, где можно выкачивать деньги. Но как объяснить оборотную сторону проблемы: почему фильмы, в которых столько убийств, насилия и до грязи обнаженный секс так привлекают молодежь, да и не только молодежь?

Может, это явление носит социальный характер? — осторожно задаюсь я вопросом. Или же оно происходит из самой человеческой сути?

А, возможно, социальное бытие создает плодородную почву для процветания этих человеческих пороков?

К счастью, немало людей, которые вообще не ходят на фильмы ужасов, многие тотчас же покидают зал. Но ведь огромная аудитория, получающая от подобных фильмов удо-

вольствие, смотрит эти фильмы неоднократно! Есть зритель и у фильмов ужасов и порнофильмов. Главы коммерческих фирм не будут финансировать то, что не оправдается большой прибылью.

Перед порнографической волной не устояла и наша страна. Видеотехника еще глубже способствовала идеологической диверсии. Индустрия туризма упростила завоз разнообразнейшей литературы. Многие мощные радиостанции удвоенными программами ведут антисоветскую пропаганду.

Существуют тысячи способов ведения идеологической войны. Об одном из них, наидревнейшем, но, к сожалению, ныне глобально завоевывающем международную арену, мне хочется сказать особо. Речь идет о религиозной борьбе. Американцы считают, что религиозная борьба, протекающая внутри государства (имея в виду Советский Союз) — более эффективна.

В нашей стране попытки разжигания религиозных раздоров явление отнюдь не новое.

Анализируя быстрые темпы роста мусульманского населения в советских республиках и рассчитав, что к концу века в Советском Союзе количество христиан и мусульман почти сравняется, наши идейные противники обещают, что конфликты и раскол между ними будут логически неизбежны.

«Молодежь в Алма-Ате, участвовавшей в известных декабрьских событиях, — пишет И. Беляев в «Литературной газете», — манипулировали и мусульманские фанатики — суфисты, внедрившиеся в студенческую среду. Я имею в виду студентов-старшекурсников и даже профессуру. Что тревожит в связи с этим? Тревожит то, что очень уж легко многие молодые люди, даже не знавшие ничего о состоявшемся 16 декабря Пленуме ЦК Компартии Казахстана, дали подчинить себя неким силам, которые не рискнули сказать о себе вслух. И они появились на месте события, имея при себе дубинки...

Что это, «мусульманская оппозиция»? Ответ еще предстоит дать. Однако кое-кому на Западе очень хочется, чтобы все обстояло именно так. Передо мной интервью, данное в конце января парижскому еженедельнику «Пуэн» Александром Бенингсеном, авторитетным экспертом по исламу. По мнению француза, ислам ныне более разрушителен для коммунизма, чем для западной демократии, он враг Востока и уж потом Запада. Среди тех, кто подстрекал к демонстрации в Алма-Ате, Бенингсен выделяет опять-таки суфистов. Хотя, по его словам, они действуют преимущественно на Северном Кавказе,

особенно в Дагестане, а также в Средней Азии и Азербайджане... Допускаю, что Бенингсен явно преувеличивает. С какой целью? Дабы создать превратную картину. Цель все та же — доказать, что исламская инфраструктура не только существует, но и действует»...

«...Суфизм все активнее пропагандируется среди советских мусульман. Действует свой «исламиздат»: довольно широко печатаются на машинках, ксерокопируются издания на религиозные темы, распространяются кассеты с записями священных мусульманских текстов, исламских авторитетов. Я не удивлюсь, если услышу, что часть кассет поступает в Таджикистан и Узбекистан из-за границы, а оттуда, возможно, в другие районы Советского Союза».

За рубежом об исламе написано множество книг. Особое место занимают проблемы ислама в Советском Союзе. Разумеется, авторы чересчур преувеличивают явления, предлагают даже экстремальные выводы. Их соображения выражают скорее их желания, нежели реальную суть дела, но всю эту пропаганду, прогнозы и взгляды непременно следует изучить и принять во внимание. Вот хотя бы это соображение, которое высказывает западногерманский журналист Вильгельм Дитль: «Едва ислам, сейчас скрывающийся за кулисами, вырвется на широкую дорогу и взбунтуются агрессивные фундаменталисты, Кремль получит новую Польшу, на этот раз в собственных границах».

И хотя, повторяю, подобные высказывания больше отражают желания авторов и определенных реакционных кругов, нам, однако, не следует сидеть сложа руки.

Парадокс века: техника развивается, человек направляет взор к глубинам тайн природы, основательно овладевает средой обитания, ставит на службу людям новые источники энергии, фантастически совершенствует транспортные средства, торжествует свое успешное вторжение в космос и проникновение в глубины микромира... а политическая, интеллектуальная, религиозная, социальная, экономическая разношерстность планеты в столь технически развитый атомный век уподобила ее пороховому погребу — достаточно одной искры, чтобы все превратилось в ничто.

* * *

«Тот, кто контролирует представление о будущем, контролирует само будущее!» — эта фраза принадлежит одному из генералов Пентагона, который принял участие в состоявшемся в 1982 году конгрессе писателей-фантастов.

К сожалению, американский генерал больше подразумевал под этим контролем новые виды боевого оружия и методы управления им, чем, скажем, приобретение преимуществ в ^{мире} различных отраслях науки и техники.

В мире, на первый взгляд, резко противостоят друг другу капиталистические и социалистические страны. Именно на первый взгляд, поскольку основным противником капиталистическому миру в сфере как идеологии, так и экономики представляется только Советский Союз.

Жизнь же идет вперед, и на международной арене поменьку вырисовываются развивающиеся страны. Сегодня пока еще трудно сказать, какое будет соотношение сил или какое противостояние между определенными группами государств в конце двадцатого века. Не надо забывать и о том, что и между высокоразвитыми капиталистическими странами существуют различного рода резкие противоречия.

Естественно, США отчаянно борются за военное и экономическое преимущество и среди дружественных грандов. Старается сохранять роль лидера и связанные с этим преимущества, чтобы навязывать союзникам свою волю.

Яростные экономические битвы возникают не только между государствами, но и между отдельными фирмами в одном государстве.

Столь напряженная и ожесточенная борьба в условиях необычайного развития техники может обернуться в конце двадцатого столетия либо огромными успехами человечества, либо огромной бедой.

Своевременное же определение основных направлений развития человечества, подготовка соответствующей технической базы и кадров, т. е. прогнозирование будущего в существующих условиях — дело особой важности.

Двадцать первое столетие с начала же будет веком научных открытий большого масштаба. Нам давно следовало начать большую работу по подготовке молодых поколений к вступлению в новый век. Электровычислительные машины и компьютеры должны стать для них тем, чем для нас была таблица умножения.

Неслучайно генеральный комиссар японского правительства Кацуихи Икава в связи с выставкой «Экспо-85», организованной в каких-нибудь 50 километрах от Токио, у горы Цукуба, сказал: «Пятнадцать лет до начала века, который, по всему видно, будет веком великих научных достижений. Интерес к науке, творческий интерес, надо прививать в детском и

юношеском возрасте. Вот почему ЭКСПО-85, как и любая другая всемирная выставка, не рассчитана на специалистов... Что касается молодежи, то ее же надо увлечь. Вот почему наша выставка — это немного и представление».

На территории выставки возвышалось самое высокое в мире, 85-метровое колесо. С последней, крайней точки этого колеса открывался горизонт XXI века.

Здесь были самый большой в мире планетарий, самые большие лазерные часы, самая быстрая железная дорога на магнитной подушке (807 км/час), самый большой телеэкран (40×25 м), самое большое, — к тому же, единственное в мире — помидорное дерево, с ветвей которого в дни работы выставки собрали 10 тысяч штук помидоров.

100 гектаров, которые занимала выставка, были названы гектарами XXI века. Приведу отрывок из впечатлений А. Удальцова, опубликованных в «Литературной газете» после посещения выставки. Там ему довелось посмотреть первый в мире фильм, выполненный методом «компьютерной графики» «Мы рождены от звезд».

«Он демонстрируется на гигантском (120 метров в диаметре) полусферическом экране — «Космическом куполе».

...Погас свет, кресла тихо и плавно пришли почти в горизонтальное положение, и началось потрясающее зрелище. Экран как бы перестал существовать. Справа и слева, сбоку, и впереди, и прямо надо мной поплыли космические корабли, планеты, звезды. Такие реальные и осязаемые, что люди протягивали руки, пытаясь дотронуться до них. Мы совершили смелый дрейф через метеоритную бурю, совершили посадку на Солнце и несколько мгновений находились в гуще бушующих солнечных протуберанцев, затем как-то незаметно из макроперешли в микромир—мир атомов и молекул, заглянув при этом в сказочное царство внутреннего строения кристаллов льда. В этом путешествии нас сопровождали смешные, невиданные доселе и тоже осязаемые зверята, которые давали объяснения происходящему. Когда зажегся свет, зрители еще какое-то мгновение сидели ошеломленные...».

А вот строки из проспекта, поясняющего этот процесс: «Компьютерная графика» позволяет нам испытать то, что обычно лежит за пределами нашего восприятия... На основе новейших научных данных были созданы точные электронные модели самых различных явлений — от взрыва сверхновой звезды до тайн ДНК и зарождения жизни...».

Итак, через тринадцать лет перед человечеством предста-

нет совершенно иная действительность. Чтобы завоевать лидерство в XXI столетии, то есть добиться успехов в великих идеологических и экономических сражениях, нужно сделать много решительных шагов, но без учета данных прогнозирования даже самые смелые и экономически впечатляющие реформы не принесут желаемого эффекта. Настало время, когда нельзя терять ни минуты, нельзя забывать, что в условиях сегодняшних темпов развития науки и техники отставание на год равно отставанию на десять лет в прежние годы.

Это состязание между государствами, если здесь вообще уместно слово состязание, не походит на спортивные, где может победить то один, то другой. Здесь борьба не на жизнь, а на смерть.

Япония, пока единственная в мире страна, испытавшая ужасающую силу атомной бомбы, достигла невиданных успехов в сфере науки, техники, экономики. Это даже вызвало тревогу в деловых кругах дружественных ей стран и в первую очередь Америки. В мире возник лозунг: «Двадцать первый век принадлежит Японии!».

«Двадцать первый век должен быть веком Японии!» — говорят сами японцы, и это не пустое хвастовство — они все делают для того, чтобы грядущее столетие было поистине «японским».

«Остановите Японию!» — выстрелили лозунг в Соединенных Штатах Америки, и тут же были предприняты энергичные практические шаги: взвинчиванием таможенных и множества других пошлин здесь попытались хотя бы частично вытеснить с американских рынков японские товары.

Многие ученые и деловые люди пытаются постичь тайны фантастических успехов японцев.

Какими же причинами обусловлен японский феномен? Выделю лишь некоторые из них, и в первую очередь, прогнозирование.

Япония сумела предвидеть энергетический кризис: пока Америка и Европа собирались с силами, модернизировали свои заводы, в Японии были созданы самые экономичные легковые автомашины. Пока американцы убеждались в непрактичности и неэкономичности для сегодняшнего дня своих шести- и восьмицилиндровых машин пятиметровой длины, японцы своими машинами уже наводнили весь мир.

Японские специалисты изучили причины успехов тех стран, которые на определенных отрезках истории добились мировых достижений. Прежде всего они заинтересовались успе-

хами Великобритании в прошлом столетии. Японцы пришли к выводу, что мировой гегемонии Англии в основном способствовал сильный флот.

И вот, когда в супергосударствах мира в эпоху автомобилей, самолетов и ракет морской флот постепенно утрачивал позиции, деловые круги Японии пришли к заключению, что в укреплении государственного могущества мощный морской флот может вновь сыграть первейшую роль. Япония поистине совершила чудо: огромный целенаправленный научно оснащенный труд поставил флот Японии на третье место в мире.

Прогноз оправдался. В 50—60 годы начался чудодейственный расцвет экономики Японии, что непосредственно проистекало из бурного развития тяжелой и химической промышленности. Страна, не имеющая собственных горнорудных месторождений, нефти, газа и каменного угля, импортирующая всевозможное сырье из-за границы и экспортирующая готовую продукцию, пропала бы без мощного, маневренного и хорошо организованного флота. Только в 1973 году Япония ввезла из других стран 224 миллиона тонн нефти, 316 миллионов тонн каменного угля.

Сейчас Япония ввозит 40 миллиардов кубометров только жидкого газа, а также железную руду и очень много другого. Из этого ясно, каков объем работы морского флота Японии и какую роль для нее сыграл правильный прогноз.

Научно-технический прогресс и темпы роста японской экономики достойны тщательного изучения. По подсчетам японских экономистов, в 1960 году доля валовой национальной продукции Японии составляла в мировой промышленности только 3 процента, а к 1980 году она возросла до 10 процентов, к 2000 году должна дойти до 12 процентов. Соответственно доля Соединенных Штатов Америки в 1960 году составляла 33 процента, к 1980 году сократилась до 22 процентов и, как предполагают японцы, к началу XXI века упадет до 20 процентов, а, возможно, еще более.

Японцы не привыкли довольствоваться достигнутым. Они прекрасно знают специфику, свойственную каждому периоду, учитывают быструю смену ситуаций. Тяжелая промышленность, интенсивное развитие которой принесло Японии столь значительные успехи, оказалась и тяжелым прессом для экономики страны. Япония своевременно ощутила трудности создавшегося положения и наметила совершенно новую программу.

Японцы не тратят времени на новые изобретения, а скорее специализируются на усовершенствовании уже где-то изо-

бретенного. Еще в пятидесятых годах японская фирма «Сони» купила в Америке (всего за 25 тысяч долларов) патент на примитивную транзисторную технику. Вы прекрасно знаете, как завладели мировым рынком радио-, теле- и видеотехника «Сони» и других японских фирм.

«Неужели такой успех обусловлен только лишь поразительным трудолюбием японского народа?» — спрашивает в журнале «Штерн» немецкий журналист Эрих Фольг.

Следует присовокупить и то, что в последние годы в Японии большое внимание уделяется собственным научным исследованиям, в основном, разработке в высшей степени оригинальных технических систем, у которых нет прототипов в мире, — например, электронновычислительные машины пятого поколения.

Попробуем вместе с вышеупомянутым немецким журналистом тоже задаться вопросом: действительно ли фантастические успехи японцев являются результатом лишь огромного трудолюбия?

Разумеется, одно лишь трудолюбие не смогло бы обусловить достижения японцев. Тут мне снова хочется вернуться к вопросу о правильном прогнозировании. Вблизи от Токио был создан «город техники» — Цукуба. Здесь собрали лучших ученых страны и создали им все условия для научной работы.

Достижения японских специалистов, результаты их напряженного труда, как и в любой капиталистической стране, находятся в руках крупных корпораций. Они не жалеют ни денег, ни энергии в конкурентной борьбе с американскими монополистами. Американцы же, в свою очередь, стараясь удерживать передовые позиции, не отказываются от использования новейших японских исследований и аппаратуры в милитаристических целях.

В «городе техники» — Цукубе живут с семьями и работают лучшие ученые и изобретатели Японии. Кстати, как отмечает немецкий журналист, японцы использовали идею созданного в Советском Союзе Новосибирского академгородка.

Начиная с 1963 года, на строительство «города техники» японцы затратили сумму, превышающую 14 миллиардов западногерманских марок. В последние годы число ученых, работающих на «фабрике идей», достигло 11 тысяч. Так возник японский «Технополис», самый большой в мире научный город, который продолжает расти, и в короткое время его «ученое» население должно достигнуть 50 тысяч. Принято решение

построить еще 14 «городов техники». Они войдут в строй к 1990 году.

Каждый «Технополис» должен отвечать трем жестким условиям: он должен быть укомплектован, как минимум, двумя-тремя крупными предприятиями передовых отраслей промышленности. Во-вторых, формируется он из мощной группы государственных либо частных университетов, научно-исследовательских институтов и лабораторий.

Третий компонент «Технополиса» — жилая зона с современными домами, развитой сетью дорог, школами, спортивными, торговыми и культурными центрами. «Технополисы» строятся по соседству с большими городами с населением не менее 200 тысяч человек, с крупным аэропортом и железнодорожным узлом, откуда ученые могут в течение дня съездить в Токио, Осаку и вернуться обратно.

Какие проблемы разрабатывают сейчас в Японии? Сперва большое внимание уделялось развитию в стране тяжелой промышленности. Превращенная второй мировой войной в руины, Япония очень скоро заняла на планете третье место по выплавке стали.

Сейчас перед ними встали совсем другие задачи. «Пришло время, — говорят они, — от шумных, загрязняющих окружающую среду и, главное, все менее прибыльных отраслей избавиться и «уступить» их развивающимся странам.

На смену должны прийти те отрасли промышленности, продукция которых соответствует новому девизу: быть легким, тонким, коротким, миниатюрным. Таких отраслей выбрано 14: производство авиационной и космической техники, оптических волокон, интегральных схем, промышленных роботов, медицинской электроники, компьютеров, информационных систем, промышленной керамики, лекарств, новых материалов, программно-запоминающих устройств, а также биотехнология и точное машиностроение.

Второе направление в развитии страны — это планомерное, упорядоченное распределение предприятий на территории страны и более гибкое управление ими.

В годы бурного развития Японии сложились три гигантских промышленных района: Токио—Иокогама, Осака—Кобе и Нагоя. К 1980 году там производилось более двух пятых всей промышленной продукции, сконцентрировалась треть населения Японии, две трети студентов, половина банковских вкладов. Эти огромные «мегаполисы» заставили страну создать «технополисы» и строить также промышленные центры в менее раз-

витых районах. Особенно много таких городов возникло на острове Кюсю, на побережье Внутреннего Японского моря, в районах, которые относят к числу отстающих.

Префектуры, получившие право на строительство «технополисов», собираются предоставить весьма ощутимые льготы тем промышленным компаниям и научно-исследовательским заведениям, которые захотят обосноваться на их территории.

Роботы и автоматика порождают тысячи безработных. Японцы строят все больше заводов за пределами своей страны в слаборазвитых странах — там рабочая сила дешевле, заработная плата вчетверо меньше, чем в собственной стране. Строительство заводов и фабрик в других странах к 2000 году создаст в Японии дополнительно миллионную армию безработных.

В Японии уже задумываются о развитии таких отраслей промышленности, в которых будут заняты не только безработные, но и пенсионеры и даже инвалиды. И делается это отнюдь не из заботы о человеке. С начала двадцать первого века, предполагают они, усилится конкуренция между странами, борьба за рынки. Поэтому даже крупица человеческой энергии не должна оставаться неиспользованной.

Особое внимание уделяется в Японии подготовке руководящих кадров. «Менеджер — это воин! Он не имеет права на страх и ошибку, должен подчинять свои личные интересы интересам фирмы, ненавидеть ее врагов и быть готовым к трудной борьбе во имя процветания его родного дома — фирмы!» — Это главная заповедь учащихся специальных учебных заведений, где проходят подготовку будущие руководящие работники ведущих японских корпораций.

Америка ревниво наблюдает за развитием Японии. Здесь опасаются, что Страна Восходящего Солнца, которая войдет в двадцать первый век на 18—20 часов раньше Америки, будет и мощнее, чем Соединенные Штаты.

Встревожены не только американцы. Если прежде для стран Восточной Азии, превращенных в цеха Японии, деятельность японских концернов была выгодной, то теперь они постепенно сами попадают в клещи этих концернов и борются за введение ограничений в торговле с японцами.

Движение вперед дается Японии отнюдь нелегко. Не отвергая никаких средств, она прежде всего опирается и на всесторонне продуманные действия, и на огромное трудолюбие.

Перевод Роберта ЗЛАТКИНА

(Окончание следует)

Вадим БАЕВСКИЙ

„...Честность приветствовать прежде всего“

...Начало тридцатых годов. Время, полное противоречий и трагизма. Литература шла навстречу Первому съезду советских писателей.

6 апреля 1932 года в Москве состоялся вечер Пастернака. Поэт читал стихи из новой книги «Второе рождение», после чего состоялось пристрастное обсуждение его творчества. Столкновение мнений было настолько острым, что через несколько дней дискуссия возобновилась. В числе выступавших был и Паоло Яшвили. К этому времени Пастернак переживает «второе рождение». По мнению ряда авторитетных критиков, он — один из первых среди современных поэтов. Именно этим, очевидно, объясняется накал страстей на его вечере, о котором мы рассказываем по неуправленной стенограмме, хранящейся в отделе рукописей Института мировой литературы им. А. М. Горького.

Первым говорил Вс. Вишневский. Многие ждали, что он обрушится на Пастернака, казалось бы, бесконечно далекого от бывшего пулеметчика Первой Конной, автора «Оптимистической трагедии». Но к удивлению многих, Вишневский страстно поддержал поэта. Он сделал оговорки, но сказал: «Пастернак чист, Пастернак прям [...]».

Резко выступил Матэ Залка. Он отметил достоинства Пастернака, не прошел мимо них: «Я считаю, что в мастерстве Пастернака заложена громадная эрудиция, он большой,

подлинный художник». Но вывод был категоричен: «Пастернак не поэт революции, хотя в его произведениях и звучит слово пятилетка, план».

О. Колычев отметил: «Вся современная поэзия за последние 10 лет находится под несомненным влиянием Пастернака. Поэты большие и малые проходят школу Пастернака. Я настаиваю на том, что и ударники, призванные в литературу (об этом неоднократно указывалось и в «Литературной газете»), находятся под влиянием Пастернака».

Далее Колычев произносит фразу, нелепую с современной точки зрения, не выдерживающую критики с точки зрения любой серьезной эстетической системы, но характерную для вульгарных представлений, оставшихся от Пролеткульта и РАППа, для споров вокруг Пастернака: «У Пастернака можно учиться форме, не учась содержанию». Тут же он высказывает более тонкое понимание, но тоже выражает его на языке своего времени: «Мне кажется, что у Пастернака нужно учиться новым средствам изображения. Совершенно исключительный синтаксис, не мертвая схема синтаксиса Полонского и Фета. Пастернак взял синтаксис и растолкал, расшевелил его. [...] Мне кажется, что надо учиться у Пастернака новому рисунку синтаксиса. Мне кажется, что если мы говорим о построении новой пролетарской поэзии, то нельзя обойтись без знания, без учета его опыта. Поэтическая кровь должна впитать в себя все доброкачественные элементы пастернаковского стиха».

Последовательно выступал против поэзии Пастернака А. Сурков — и на этом вечере, и спустя два года на Первом съезде советских писателей, и позже. Здесь он, в частности, сказал: «Для нас, людей, которые видели жизнь вплотную, такой, какой она есть, которые видели огромные масштабы общественных событий, на таких людей поэзия Пастернака тоже не производит особенного впечатления — это красиво, это чисто, но это не волнует и не зажигает».

В противоположность Суркову, безоговорочно восхищался поэзией Пастернака П. Маркиш. «В лице т. Пастернака мы имеем живого классика», — сказал он.

Резко осуждавший Пастернака за отрыв от советской действительности М. Голодный, тем не менее, назвал его гением.

Мысль Колычева повторил Г. Санников: «У Пастернака многие пролетарские поэты учатся и будут учиться».

Как видим, спектр мнений весьма широк.

Какую же занял позицию Яшвили? Он взял слово после Колычева и бескомпромиссно спорил не только с Залкой, но

и с теми утверждениями Вишневого, которые он считал несправедливыми по отношению к Пастернаку. Он дал высокую оценку поэзии Пастернака, особо при этом подчеркнув ее большое гражданское звучание. Он произнес слова, которые стали пророческими. Речь Яшвили — не просто акт дружбы, но пророчество прозорливого участника литературной и общественной жизни, борца за подлинные художественные и социальные ценности.

Конечно, и в его речи есть выражения, продиктованные временем, в которое он жил. Его выступление приводится по стенограмме полностью с несколькими незначительными грамматическими поправками. Оно было одним из самых больших и вызвало, судя по стенограмме, живой сочувственный отклик аудитории.

«Товарищи! Я сегодня говорить не думал, но на это меня вызвал т. Залка, когда он вышел со слишком военной выправкой и когда он предложил т. Вишневскому хорошо просмотреть и выправить стенограмму. Мне показалось, что это не товарищеский подход, не товарищеское обсуждение, а какое-то запугивание, и я не знаю, чем вы пугаете т. Вишневого, — и у него и у вас ордена Красного Знамени, и я думаю, что вам друг друга пугать нечего. Но не запугивайте, пожалуйста, нас, — третьих лиц (бурные аплодисменты).

Тов. Залка, я в поэзии человек очень боевой. Когда я встал и заявил, что поборюсь с вами, то я, конечно, подразумевал, что поборюсь за литературу и, если бы выдавали ордена за литературу и за поэзию, то у меня было бы давно пять орденов (смех в зале, аплодисменты).

Я совершенно серьезно заявляю, что несмотря на человеческие симпатии, которые вызвал в аудитории т. Вишневский своим словом, мне показались странными некоторые слова и тон смелого моряка и очень крепкого пролетарского писателя.

Я должен заявить, что многое мне показалось очень странным, но положение современной литературы такое, что мы не имеем права не считаться с теми человеческими документами, которые выложил т. Вишневский. Ясно, что т. Вишневский очень во многом ошибался. Такие ошибки именно и делают настоящую литературу, а не ту литературу, в списке которой 100 человек.

Товарищи! Ясно, что путь Пастернака не есть путь, целиком оправданный современной литературой. Мы отлично знаем, что наши ошибки очень серьезны, мы знаем о нашем художественном неумении по сравнению с тем, что от нас тре-

бует эпоха, и это неумение чем дальше, тем больше сказывается».

Необходимо прервать цитирование, чтобы прокомментировать последние фразы. В них отразились споры о доступности и элитарности литературы вообще, поэзии Пастернака в частности, о месте художника в революционном искусстве. Здесь ни в коем случае нельзя видеть умаление Пастернака. Яшвилли высказал мысли, которые сам Пастернак не раз выражал и до, и после дискуссии. «О, если б я прямой возник!» — написал он во «Втором рождении». А в цикле «Из летних записок», посвященном «Друзьям в Тифлисе», он сказал:

Счастлив, кто целиком,
Без тени чужеродья,
Всем детством с бедняком,
Всей кровию в народе.

Я в ряд их не попал,
Но и не ради форса
С шеренгой прихлебал
В родню чужую втерся.

Продолжим цитирование:

«Тов. Залка, если вы военный, то вы знаете, годится ли тот солдат, который не умеет владеть техникой, оружием. Не может быть хорошим солдат... если он будет только размахивать оружием и кричать: «Да здравствует советская власть!» Это никуда не годится (аплодисменты).

...Каждый из нас знает, что в самый критический момент, в моменты не только литературной борьбы, но и политической, может быть, слово Пастернака пригодится больше, чем слова разных лакировщиков и халтурщиков, которые наводнили современную литературу (аплодисменты).

Я поражаюсь, что т. Залка, представитель литературного фронта, который борется против всякого механизма, вдруг заявляет Пастернаку, что раз вы писали о Грузии, то почему вы не написали о тех, которые творили современную Грузию? (голос: Это не так!).

Я знаю методы работы т. Пастернака и заявляю, что все, что написано им в поэме «Волны», написано на моих глазах, и должен заверить, что ни в одной строчке нет фальши, нет ни одного придуманного, не проверенного чувства. Нельзя предлагать человеку писать то, что он не так хорошо видел, знает, еще и в поэме такой формы (имеется в виду лирическая

основа «Волн» — В. Б.). Лично я считаю, что это с вашей стороны некоторое подсказывание механизма.

Товарищи! Собственно говоря, нечего нам спорить между собой. Нужно говорить о тех вещах, которые прочел т. Пастернак. Я думаю, что на таких вечерах много не скажешь. Тот, кто заинтересован судьбами современной поэзии, кто следит за ней, кто не только следит, но и борется и страдает за эту литературу, не может не сказать, что путь Пастернака есть путь, может быть, маленькой, но честной перестройки.

Товарищи! Действительно немного смешно, когда на четырнадцатом году революции вдруг в стихах Пастернака появляются слова «пятилетка» и «социализм». Может быть, это действительно есть позднее перерождение, но мы не имеем права его упрекать в этом, ибо Пастернак является одним из честнейших писателей, ибо путь его очень труден и абсолютно честен, и эту честность нужно приветствовать прежде всего».

Слово «пятилетка» появилось в стихах Пастернака, написанных незадолго до дискуссии:

И разве я не мерюсь пятилеткой,

Не падаю, не поднимаюсь с ней.

(«Другу»)

Когда ж от смерти не спасет таблетка,

То тем свободней время поспешит

В ту даль, куда вторая пятилетка

Протягивает тезисы души.

(«Когда я устаю от пустозвонства»)

Слово «социализм» возникло в тех самых «Волнах», которые создавались на глазах у Яшвили и которыми открывается книга «Второе рождение»: «Ты рядом, даль социализма».

Яшвили протестует против навязывания Пастернаку требований механически прославлять социализм, отмечает ограниченность эволюции поэта. Во избежание двусмысленности следует заметить, что слово «перерождение» употреблено здесь как синоним слова «перестройка»; возможно, это сделано под влиянием названия новой книги Пастернака «Второе рождение». Поистине пророческой оказалась мысль Яшвили о том, что в самый критический момент слово Пастернака пригодится больше, чем слова многих лакировщиков и халтурщиков. Среди чутких поэтов и критиков такое мнение существовало. В 1927 году в «Разговоре с комсомольцем Н. Дементьевым» Багрицкий

так описывал выступление в поход своего героя, участника будней войны:

Справа — курган,
Да слева курган;
Справа — нога,
Да слева нога;
Справа наган,
Да слева шашка,
Цейс посередке,
Сверху — фуражка...
А в походной сумке —
Спички и табак.
Тихонов,
Сельвинский,
Пастернак...

Пророчества Багрицкого и Яшвили сбылись. Тяжело сознавать, что оба они так и не узнали, как были правы в своем предвидении.

ХРОНИКА

В июле закончился второй Республиканский фестиваль городских и районных театров, проходивший в Тбилиси. Приз за лучший спектакль получили Сухумский грузинский театр — постановка «Под одним небом» (по Н. Думбадзе) и Телавский театр — за спектакль «Алале» по Р. Инанишвили.

Приз за лучшую режиссуру присужден Э. Эгадзе (Кутаисский театр), У. Миндиашвили

(Цхинвали), В. Чигогидзе (Махарадзе). Призы за лучшую актерскую работу присуждены Ц. Гигаури и Дж. Гочашвили («Провинциальная история», г. Цхинвали), Ф. Кверезовой («Странная миссис Сэвидж», г. Цхинвали), Р. Сабуа («Жизнь есть сон», г. Сухуми), Г. Какауридзе («Вaal, спаси!», г. Батуми), Г. Мдинарадзе («Здравствуйте, люди!»).

Нодар МАЛАЗОНИЯ

Забавный случай

Дорогой читатель, единственное, во что я хочу внести ясность — не спешите видеть во мне юмориста.

Нодар Думбадзе.

(Из предисловия к книге «Лауреаты Ленинского комсомола»).

Февраль 1967 года в Москве выдался очень морозный. «Свита» Нодара состояла из 10-12 человек, включая его близких и родных. Всех нас поместили в гостинице «Советская», каждого в отдельном номере.

Вечером, закончив свои дела в городе, я вернулся в гостиницу. Выйдя из лифта, взял ключи у дежурной по этажу и направился к своему номеру.

— Нодар Владимирович! Минуточку! Простите, я забыла сказать вам... — крикнула мне вдогонку дежурная.

И тут я услышал, как меня снова позвали, на этот раз из глубины холла, где стояли глубокие тяжелые кресла.

— Нодар Владимирович! Слава богу! — навстречу мне спешила круглолицая русская девушка. Я остановился и, оглянувшись на дежурную, сделал ей знак рукой — сейчас, мол, подойду. — Нодар Владимирович, — взволнованным голосом зывала ко мне незнакомка, — сжальтесь, я с утра вас ищу!

Я сразу понял, в чем дело, и невольно улыбнулся.

— Вам смешно, да? — спросила она, суматошно подбегая ко мне, — а я себе места не нахожу! Здравствуйте,

Нодар Владимирович! — радостно улыбаясь, она протянула мне руку. — Меня зовут Светлана Максимовна, я — корреспондент московской молодежной газеты.

Я пожал руку корреспонденту.

— Через два часа и... — она взглянула на стенные часы, — вернее ровно в семь и ни минутой позже я должна сдать в набор материал о вас, иначе мне... — тут она поднесла обе руки к горлу, — вы меня понимаете?

— Конечно, понимаю, — ответил я, не в силах сдерживать смех, — но дело в том, что вы ошиблись...

— Может быть, но я все же нашла вас, так что шанс на спасение у меня есть!

— Не думаю, — я хохотнул.

— Нодар Владимирович, — жалобно протянула Светлана Максимовна, — неужели вы откажете мне? Мы так мало знаем о вас...

Если память мне не изменяет, тогда еще не были изданы в русском переводе произведения Нодара Думбадзе «Я, бабушка, Илико и Илларион» и «Я вижу солнце», за которые он удостоился премии Ленинского комсомола.

— Вы меня уже убедили в этом, — давась от смеха, отвечал я.

— Ну, положим, не совсем так обстоит дело, кое-что мы все же знаем и наверное этого достаточно, раз мы вас так любим, — она помолчала и, оглянувшись на кресла, упавшим голосом спросила, — вы не предложите мне сесть? — открыла сумку и вынула из нее ручку и блокнот.

В это время открылся лифт, и из него вышел Нодар Думбадзе.

— Кто эта девица, Нодар? — громко обратился он ко мне по-грузински.

Я несказанно обрадовался. Могло ведь случиться так, что он не появился бы в гостинице до самой полуночи.

— Вот и он, Светлана Максимовна! — восторженно воскликнул я. — Настоящий Нодар Владимирович Думбадзе! — и протянул руку в сторону приближающегося к нам Нодара.

— Здравствуйте, милая, — приветливо улыбаясь, Нодар протянул руку гостье, которая растерянно переводила взгляд с одного Нодара Владимировича на дру-

гого. — Здравствуйте, — повторил Нодар, как бы обращая ее внимание на протянутую руку.

Светлана робко пожалала ее.

— Светлана Максимовна, корреспондент московской молодежной газеты, — почтительно представилась она.

— Очень приятно, но если вы приняли этого типа за меня, — смеясь проговорил Нодар, не выпуская руки девушки, — то я как редактор¹ могу только пожалеть о вашей дальнейшей журналистской карьере.

Все рассмеялись.

— Пойдем к тебе, — сказал Нодар, — у меня в номере беспорядок.

— Нодар Владимирович?! Нет, это чудо! — Светлана начисто забыла обо мне, — вот вы, оказывается, какой!

Я подошел к дежурной (которая немедленно сделала мне внушение — нельзя оставлять открытым окно, когда выходишь из номера), затем проводил гостей к себе, и все это время девушка, не останавливаясь, весело трещала: «Ох, как все удачно сложилось! Расскажите мне что-нибудь забавное! Нодар Владимирович, знаете, о чем я вас попрошу, все самое-самое интересное расскажите мне одной, не то завтра, когда вам вручат премию и журналисты налетят на вас и вы расскажете им что-то более интересное, мне будет очень обидно, значит, вы не посчитали меня достойной этого. Кое-что я о вас знаю, но этого недостаточно, нужны какие-нибудь смешные подробности, правда?».

Нодар усадил девушку за стол, сам опустился в кресло и закурил. Но это был уже другой Нодар. Он как-то поскучнел, казалось, то, что происходило, не имело к нему никакого отношения, вообще, он тут был ни при чем.

Перемена в его настроении не укрылась и от Светланы.

Воцарилась гнетущая тишина.

— Я спущусь в ресторан, — неестественно громко сказал я, чтобы как-то нарушить затянувшееся молчание, — что-нибудь принесу.

¹ В то время Н. Думбадзе был главным редактором сатирического журнала «Нианги».

Нодар, казалось, не расслышал моих слов.

Приблизительно полчаса спустя я осторожно открыл дверь своего номера. В одной руке я держал тылку шампанского, а в другой — бумажный мешок с фруктами и шоколадом. Положив все это на пол, я незлышно прикрыл дверь. Из комнаты не доносилось ни звука. Мне вдруг показалось, что там никого нет. Я прислушался — молчание. Подошел к двери и снова напряг слух. Кто-то всхлипнул, или мне показалось? Кто-то плачет? Не может быть! Я стоял, не рискуя открыть дверь.

— Входи, брат, входи, — услышал я спокойный голос Нодара.

Приоткрыв дверь, я осторожно просунул голову в щель. Нодар тяжело махнул мне рукой.

Я вошел. Светлана Максимовна, закрыв лицо платком, плакала навзрыд. Нодар сидел в кресле с сигаретой в руке и безучастно смотрел в окно.

На какой-то миг я лишился дара речи. Потом неуклюже пошутил:

— Ты ее побил?

Нодар помедлил с ответом.

— Нет, — наконец медленно проговорил он, — я рассказал ей о своем детстве.

Я вышел из комнаты, а девушка продолжала плакать.

На другой день я тщетно искал в молодежной газете беседу Светланы с Нодаром Думбадзе.

Какая жалость!

Однажды, помнится, это было летом 1958 года, Нодар предложил мне:

— Сходим в баню. — Сходим, — ответил я ему.

— Сколько времени ты не мылся? — На той недели купался.

— А я две недели не был в бане.

Я бросил на него подозрительный взгляд.

— Да-да, две недели, — подтвердил он.

Я знал, в таких деликатных вопросах Нодару доверять не следует.

— Ну, тогда я не был в бане три недели, — сказал я.

Он как-то странно усмехнулся. Как видно, в свою очередь, не поверил мне.

— А ты не врешь? — и заставил поклясться.

— Нет, — ответил я ему и поклялся (дотронувшись до железного наконечника).

Он поверил и, простодушно ухмыляясь, выдал:

— Если говорить начистоту, я уже два месяца в глаза баню не видел.

Я задумался. Завираться дальше было опасно. Уличить он меня во лжи, его потом не остановишь. Заберется на крышу здания нашей редакции и будет орать оттуда: «Людииии! Малазониа вши заелииии!» Но я все же рискнул отодвинуть последнее купание еще на месяц назад. Он сделал то же самое. Под конец мы договорились, заключив своего рода соглашение: оба мы шесть месяцев в глаза не видели ни бани, ни терщика. И точка!

Как только кончился рабочий день, мы пешком направились к верийской бане. Всю дорогу меня не оставляла шальная мысль — нельзя упускать такой редкий шанс разыграть Нодара. О том, чтобы предать огласке нашу «нечистоплотность», не могло быть и речи: соглашением предусматривалось суровое наказание того, кто нарушил бы вето. Но можно было изыскать другие возможности для розыгрыша — такая экстремальная ситуация, как наш с Нодаром совместный поход в баню, открывала широкие возможности для этого.

В то время мы во всем подражали друг другу и во многом походили друг на друга. И он был Нодар, и я, и он — Владимирович, и я. Имена наших матерей начинались с буквы «м» — Марго и Мариам. Наши жены — обеих звали Нанули — родились в один день и один год. И у него была дочь Манана, и у меня. Были и другие совпадения и сходства, а если и не были, мы попросту выдумывали их, поскольку это доставляло нам удовольствие.

— Обожаю компот, — говорил один из нас.

— Я тоже, — тут же отзывался второй.

— Аух, какие вкусные были повидло и хлеб во время войны! — говорил я.

— Умоляю, не напоминай! — кричал Нодар...

— Нодар, — начал я, наконец, свою очередную башню, — в бане я обычно становлюсь под душ, а потом тру себя без мыла.

— И я! — обрадовался Нодар.

— Потом на пять минут ложусь в ванну...

— И я, черт возьми, — Нодар хлопнул ладонью о ладонь, — я люблю немного подремать в ней!

— Ах, и я! — поддержал я Нодара, хотя ничего подобного со мною не бывало.

— Потом пускаю горячий душ и уж после этого намыливаюсь!

— Я тоже! Я тоже! — закричал я в восторге. — Знаешь... — пора перейти к самому главному, но не так-то просто это сделать: боюсь выдать себя неосторожным словом. Только подумаю о том, что собираюсь сказать, как на меня нападает смех.

— Что с тобой? — удивляется Нодар, — скажи, я тоже посмеюсь.

— Когда я моюсь, — наконец с трудом выдавливаю из себя, — нет, не могу...

— Говори! — как сумасшедший кричит Нодар.

— Когда я моюсь... — и я снова давлюсь от смеха.

— Скажи, наконец! — Нодар трясет меня за плечо.

— Не могу, смех душит...

— Почему? Скажи, почему душит?! — он снова трясет меня за плечо. — Когда я моюсь, я лопаюсь со смеху!

— Ты тоже? — с трудом выговариваю я.

— Тоже, тоже, — подыгрывает мне Нодар, — смеюсь как сумасшедший, хотел бы знать, что это, а? — и он покатывается со смеху.

Что делать? Как приступить к самому главному? Времени, прямо скажем, в обрез. Мы уже купили билеты и входим в номер. Я стараюсь раздеваться неспеша. Так нужно для дела. Нодар, напевая, разоблачается и, как мне кажется, тянет время. А ведь он первым должен войти в ванную. Почему? Чтобы я успел переложить его туфли 42-го размера в свой шкафчик, а мои — 44-го размера — в его. И потом как ни в чем не бывало сказать ему: после мытья у меня ступни делаются меньше. Но стоит мне только подумать об этом, как я начинаю ржать. Каково, а? У человека после горячей ванны размер ноги уменьшается!

Напевая, Нодар прошлепал, наконец, в ванную. Я тут же схватил его туфли и сунул в свой шкаф, а свои — в его. (Надо сказать, что туфли у нас были почти одинаковые).

— Нодар, знаешь, что я вспомнил? — сказал я, подставляя голову под струю воды. — После мытья у меня обычно уменьшается ступня.

— Аух! — вырвалось у Нодара, — что ты говоришь! А у меня, брат, наоборот, увеличивается!

Я чуть не упал. Врагу бы моему так мыться, как я мылся в тот день.

— Тут мы действительно непохожи, но как это у тебя получается, а? — удивляется он и продолжает, — нет, брат, у меня определенно увеличивается, а у тебя нет? С ума можно сойти!

Сейчас главное, чтобы он оделся раньше меня. Я тяну время. Сердце стучит, как молот. Еще минута, Нодар всунет ногу в мою 44-го размера туфлю и... всунул-таки!

— Вайме, Нодар! — заорал он. — Мы и в этом с тобой похожи, слышишь! Смотри, и моя нога уменьшилась! — высоко подняв ногу, он хлопает моей туфлей. Уже не помню, но, кажется, я упал с лавки. У меня зашелся дух, я чуть не задохнулся.

Минуту спустя Нодар без слов брезгливо сбросил мою туфлю и запустил ею в меня.

На улицу мы вышли в полном молчании. Нодар шел впереди, и стоило мне с ним поровняться, как он ускорял шаг.

— Злишься? — спросил я.

— Кретин я! — немедленно откликнулся он. — Кре-тин, — повторил, выделяя слоги.

— Почему?

— Потому что я должен был молча надеть твои паршивые туфли и выйти в них на улицу. Хорош ты был бы в моих туфлях!

— ?!

— Сидел бы в своей бане до второго пришествия или бежал бы за мной босиком.

Какая жалость! Вот уж воистину феноменальная развязка! Но это был тот редкий случай, когда интуиция подвела Нодара Думбадзе.

Перевод Лианы АНДРИАДЗЕ

НОДАР ДУМБАДЗЕ

«Душа человека во сто крат тяжелее его тела... Она настолько тяжела, что один человек не в силах нести ее... И потому мы, люди, пока живы, должны стараться помочь друг другу, стараться обесмертить души друг друга: вы — мою, я — другого, другой — третьего, и так до бесконечности... Дабы смерть человека не обрекала нас на одиночество в жизни...».

Н. Думбадзе, «Закон вечности».

Недавно при опросе общественного мнения в СССР были названы имена двадцати наиболее читаемых советских прозаиков. Среди них оказался Нодар Думбадзе.

Популярность произведений Нодара Думбадзе, в особенности его романов «Я, бабушка, Илико и Илларион», «Я вижу солнце» и «Закон вечности», — действительно очень велика в Советском Союзе, причем за последнюю работу автор был удостоен высшей награды страны — Ленинской премии. Его романы, повести и рассказы инсценируются во множестве театров, по ним снимаются фильмы, и, хотя сам Нодар Думбадзе отказывается признать себя драматургом, эту профессию с полным правом можно считать одной из важнейших сторон его деятельности.

Все романы Думбадзе в большей или меньшей степени автобиографичны. Несмотря на то, что их герои живут в разное время, действуют в различных обстоятельствах, все они обладают одинаковыми характерами и качествами, и когда читаешь их монологи, кажется, что слушаешь исповедь автора. Один из критиков упрекнул писателя в том, что его герои переходят из романа в роман, не изменяясь, и так же не изменяются ситуации вокруг них. На это автор ответил, что умеет писать

только о том, что сам пережил и хорошо знает на собственном опыте. Но, с другой стороны, он не использует этот опыт буквально, а расширяет и углубляет его в зависимости от того, каким видится ему характер своего героя. Думбадзе трансформирует одну реальность в другую, художественно осмысливая ее и делая доступной для всех. Достигает он этого благодаря остроте художественного зрения, эмоциональности памяти, умению созидательно подходить к материалу, и потому произведения его трогают читателей самых разных культурных уровней. Как все мы смеемся и улыбаемся вместе с Чаплиным, так же можем хохотать и улыбаться сквозь слезы вместе с Думбадзе.

Представлять Нодара Думбадзе как значительного писателя современности можно, основываясь на исследовании тех важнейших тем, которые он разрабатывает в своих произведениях. Вот они: память, война, детство; любовь и уважение к де-

Гольди Бланкофф-Скарр не впервые приезжает из Брюсселя в Грузию — страну, к которой прониклась нежной и деятельной любовью: она активно изучает грузинский язык, хорошо знает грузинскую литературу, культуру, историю грузинского кино. Круг ее интересов чрезвычайно многообразен, как и широк круг ее друзей и знакомых.

Изящную, обаятельную, общительную женщину, говорящую с мягким акцентом по-грузински и по-русски, уже как давнюю знакомую встречают и в Союзе кинематографистов, и в редакциях газет, журналов, и в театрах, и на встречах и творческих вечерах.

Деловые и дружеские контакты у нее возникли со многими представителями грузинской интеллигенции — с академиком Вахтангом Беридзе, кинорежиссером Тенгизом Абуладзе, поэтессой Анной Каландадзе, с академиком Лео Габуния и ректором тбилисской консерватории Нодаром Габуния, литератором Гастоном Буачидзе, этнографом Татьяной Кинкадзе и др.

Гольди родилась в США, получила образование в Гарвардском университете, славист, живет в Брюсселе, 26 лет работает преподавателем русского языка и советского страноведения (читает курсы лекций по информации и культуре Советского Союза) в Высшем государственном институте переводчиков, автор литературоведческих работ, в частности, связанных с творчеством грузинских писателей Нодара Думбадзе, Чабуа Амиреджиби и др., а также статей, посвященных истории грузинского кинематографа, творчеству Тен-

тям и старикам; диалоги с вечностью; солнце, как важный лейтмотив.

Два первых романа Думбадзе «Я, бабушка, Илико и Иладар» и «Я вижу солнце» имеют много общего, так как оба переносят читателя в мир детства автора. Главным представляется не то, что он рассказывает, но то, как делится с нами эмоциями, как повествует о событиях, составлявших жизнь грузинской деревни и Тбилиси того времени. Юмор, особый гуржийский юмор, и благородный гнев приходят ему на помощь в самых драматических ситуациях. Думбадзе любил писать о молодых, для молодых, и говорил, что его всегда интересовал вопрос реализации потенциала, заложенного в человеке.

Нежная любовь и уважение к старшим, без сомнения, имеет глубокие корни в его сознании и подсознании. Он был не только воспитан в духе уважения к старшим, что является важнейшей грузинской традицией, но и, рано осиротев, находил

гиза Абуладзе. Сейчас она серьезно заинтересовалась и прозой Отара Чиладзе. Кроме того, ей принадлежит серия работ по методологии преподавания иностранных языков.

В настоящее время Гольди находится в Грузии по приглашению Тбилисского государственного университета и ГОКСа с целью усовершенствования познаний в области грузинского языка, истории и культуры Грузии, а также для работы совместно с грузинскими коллегами над созданием учебника грузинского языка для иностранцев.

— Любовь к Грузии, ее культуре, людям, — говорит Гольди, — мне внушил мой муж Жан Бланкофф — крупный ученый, доктор исторических и филологических наук, профессор Брюссельского университета, автор более ста научных трудов, среди которых статьи и о грузинском искусстве. Он часто бывает в Грузии, выступает на симпозиумах, посвященных проблемам исторического прошлого Грузии, ее культуры, искусства, археологии. Много работ у него и по славянской археологии — он постоянный член международной ассоциации славянских археологов, дважды участвовал в археологических раскопках под Новгородом.

Гольди Бланкофф-Скарр первая из зарубежных граждан стала членом Всегрузинского общества Руставели.

Публикуемые фрагменты из ее работы о Нодаре Думбадзе свидетельствуют о серьезном и своеобразном прочтении и осмыслении произведений грузинского писателя.

ся в постоянном, повседневном контакте с пожилыми людьми, ответственными за него морально и материально. Много тягот выпало на его долю в детстве, но никогда не чувствовал он себя покинутым или отверженным, хотя и достаточно приносил хлопот своим старикам, и так едва сводившим концы с концами. Вот как он описывает в первом романе бабушку Зурико: «Нет во всей Гурии женщины, которая могла бы проклинать лучше, чем моя бабушка. Но мне не страшны ее проклятья — однажды бабушка обмолвилась: «Уста мои проклинают, а сердце благословляет тебя...».

Портреты Илико и Иллариона написаны настолько живо и захватывающе, что признано — характеры эти включают в себя лучшие, благороднейшие — худшие, неисправимые черты типичного гурийского крестьянина.

В рассказе «Кровь» всего на девяти страницах передан живой эмоциональный портрет бабушки с материнской стороны и дедушки с отцовской, спорящих о том, с кем из них должен жить их общий внук. Клятвы и проклятия несутся с обеих сторон, и язык подчас становится библейским: «Мальчик — он и поле мое, и виноградник, и мельница, и могила, и надгробный камень». Мальчик отправляется вместе с бабушкой, но через несколько дней, проделав длинный путь пешком, возвращается посреди ночи в дом деда. Тот спрашивает его:

«— А знаешь, что привело тебя ко мне?

— Нет!

— Так я скажу тебе: кровь тебя привела ко мне, вот что! Кровь — великая сила, внучек!

Больше в ту ночь они не обменялись ни словом. Ни о чем не думали, ни о чем не говорили.

Дед и внук спали счастливым сном.

Думала и говорила кровь. Но о чем думала и говорила кровь, об этом известно одному богу!..».

Думбадзе выразил всю полноту своей любви к бабушке в первом романе. Однажды он сказал, что именно бабушка научила его любить людей и доверять им.

В следующем романе — «Я вижу солнце» в более сложной и глубокой форме повествуется о том же периоде его жизни. Герой Сосоя, так же, как и Зурико, и так же, как и сам автор, — сирота живет вместе с тетей Кето, которую идеализирует; самым близким ему человеком в романе выступает прекрасная златоволосая девушка Хатиа, слепая, которая видит только солнце. И здесь, и в написанном впоследствии небольшом рассказе «Воспоминания» чувствуется то огромное влия-

ние, которое оказала война на судьбы обитателей грузинской деревни.

И тем не менее в интонациях Думбадзе нет ненависти к людям, даже когда он столь страстно рассказывает о неопиcуемых страданиях Какано, матери двоих близнецов, пропавших без вести.

Антивоенные чувства выражают и те, кто, находясь в тылу, измучены непосильным трудом, голодом и необходимостью посылать на фронт все больше и больше продовольствия: «У войны огромный желудок, в десять раз больше, чем у мира, ты понимаешь?» И когда приезжает лектор из столицы, чтобы прочитать жителям деревни лекцию о вежливости, один из крестьян обращается к выступающему с просьбой: «Ты, сынок, приехал из города. Так расскажи нам про дела на фронте. Когда же кончится эта проклятая война?».

Внутренний мир ребенка раскрыт в романе с удивительной достоверностью. Особенно это видно в финальном монологе Соcойи, когда тот приходит на могилу своего друга Бежана и, обращаясь к умершему, рассказывает, что война кончилась, кто-то вернулся в деревню, а кто-то — не вернулся, и таких — «много, слишком много...». Рассказывает и о том, что в деревне родилось четырнадцать детей, причем один при особенно забавных обстоятельствах; потом делится своими мечтами о будущем — о том, что Хатии вернут зрение и он женится на ней, но боится, что она не будет его любить, если станет зрячей и увидит, каков он из себя; как поедет в Тбилиси, поступит в институт и станет врачом, чтобы «собственными руками» вернуть Хатии зрение...

Думбадзе добивается большого успеха, показывая внутренний мир молодого человека во всей его свежести и противоречивости. Трудности и разочарования не могут сломить воли его молодых героев. Доброта, щедрость (подчас импульсивная), благородные поступки — вот главные жизненные ценности, и еще проявление самого большого дара: способности любить «не только женщину», — говорит писатель, — «но и всех людей, животных, предметы, мир, жизнь...».

К пятидесяти годам Думбадзе накопил большой жизненный опыт, повидал множество разных людей в различных повседневных ситуациях, и можно сделать вывод, что в человеческом поведении для него оставалось все меньше секретов. Источником вдохновения для него была жизнь как таковая, а его собственная жизнь была весьма и весьма насыщена делами. Депутат Верховного Совета СССР, председатель комиссии

по культуре в Верховном Совете Грузии, председатель Правления СП Грузии, — если упомянуть только самое важное, — Нодар Думбадзе был активным общественным деятелем, и кредо свое выражал так: не надо бояться трудностей и противоречий жизни. А иначе что же такое жизнь?

Его последний роман «Закон вечности» — воплощение этого кредо.

Едва увидев свет, «Закон вечности» выдвинул Думбадзе на авансцену советской литературы. Роман был признан явлением огромного значения и вызвал нескончаемые дискуссии. В 1978 году, в год публикации, строители Нурекской ГЭС назвали его лучшим произведением года и перечислили свои премии в качестве награды автору. Как один из лучших современных советских романов «Закон вечности» привлек внимание широких кругов читателей как в Советском Союзе, так и за рубежом. Он переведен более, чем на тридцать языков, инсценировки романа вошли в репертуар многих театров.

Для писателей, перешагнувших за пятьдесят, так называемые «ретроспективные» романы — явление обычное. «Закон вечности» принадлежит к той же категории. В биографии и общественном положении героя произведения — Бачаны Рамишвили можно найти очень много совпадений с судьбой автора. Бачана перенес инфаркт и прикован к больничной койке на два месяца. В его палате лежат еще двое: священник, отец Иорам Канделаки, и Булика, армянин-сапожник. Между ними завязываются беседы, предмет которых весьма тривиален: смысл жизни, Бог и мир, человек, добро и зло, рай, черт, церковь, коммунизм...

Восприятие мира тремя этими людьми, борющимися за жизнь, особенно остро. Чувствуя, что их дни сочтены, они пытаются понять, осознать, вывести закон жизни. И в конце романа Думбадзе поведает нам о своем выводе — законе жизни, законе вечности.

В книге можно выделить три взаимосвязанных и взаимопроникающих пласта: уровень сознательный — больничная палата, полу- и бессознательное восприятие мира, идеологический моральный и философский аспект.

Больничная палата есть то сейчас, в котором медсестры делают уколы и выслушивают своих пациентов, где Бачану посещают многочисленные визитеры из числа коллег и «друзей семьи», где появляется семейство крыс, которых в конце концов травят, и обитатели палаты становятся свидетелями крысиной агонии, производящей на них ошеломляющее впечатление.

Для них, в ком едва теплится жизнь, смерть животных становится своеобразным знаком, предрекающим их собственную кончину.

«В палате наступила гробовая тишина. На полу валялись бездыханные крысы, а у кроватей еле дышавших людей притаилась смерть и алчными глазами вглядывалась в их души».

Здесь же, в больничной палате Бачана узнает, что оказался втянутым в профессиональный скандал и его репутация грозит быть запятнанной, хотя единственной его виной, как сам это признает, было то, что он оставался слишком пассивным. В больнице же неизвестный визитер предлагает ему взятку за помощь в каких-то темных делах, идущих вразрез с законом и моралью. Отец Иорам рассказывает о краже очень ценного старинного креста из его церкви. Эти подлинные события служат иллюстрацией тому, как человек может стать жертвой зла и коррупции, благодаря собственному невежеству и моральной неразборчивости... Глупость, тщеславие и пустота эгоиста, хамство и мещанство показаны с безжалостностью, иногда смягчаемой иронией и юмором, но никогда не облакаемой в дидактическую форму. Интонация автора нигде не становится морализирующей, хотя очевидно, что Бачана является живым уроком для многих своих современников.

Второй слой романа, корнями уходящий в подсознание героя, представлен эпизодами из прошлого Бачаны, ощущениями, разговорами и образами, приходящими к нему в полусне. К примеру, после болеутоляющего укола он видит себя на лестнице, по которой хотя и спускается, но в то же время оказывается все выше и выше... И затем сквозь розовый туман вновь спускается по знакомой лестнице, но и поднимается вверх... Образ нисхождения по лестнице известен как символ второй половины человеческой жизни, когда здоровье, физическая форма идет на спад. Возможно, это противоречивое ощущение восхождения показывает подъем духа?..

В одном из своих снов Бачана вопрошает: «Почему я создан человеком? Почему не пролился дождем?», цитируя знаменитого грузинского поэта Важа Пшавела, и тут же трансформируется в дождь, орошает землю и превращает высохшие просторы в цветущий оазис.

Полубессознательное состояние особенно благоприятствует выявлению мыслей, спрятанных глубоко в подсознании человека. Глава 10 — разговор между солнцем и человечеством, представленным Бачаной, отцом Иорамом и Буликой, видится ключевым моментом в романе. Солнце здесь — символ любви

(этот символ часто появляется в произведениях Думбадзе). Оно умирает и оставляет человечество. И тогда Бачана спрашивает:

«— Кто же ты, Светило?

— Я пылающий дух почивших в любви людей... Жизнь моя питается душами людей, умерших в любви... И теперь настал час угасания моей жизни, ибо иссяк на земле источник любви, ибо от ненависти умирает людей больше, чем от любви... Верните жизнь любви, и я воскресну из мертвых!..»

И Бачана изо всех сил кричит во сне: «Люди, любите друг друга!». Булика, не в силах перенести смерть солнца, припадает к его груди, тает в его лучах и превращается в точку на его поверхности. Бачана, вместе с отцом Иорамом несущий погасшее солнце на своей спине в течение сорока веков, вернувшись из сна в реальность, обнаруживает, что Булика не проснется уже никогда...

Символ солнца — основной лейтмотив. Мы сталкиваемся с ним в сне Бачаны, в романах «Я вижу солнце», «Солнечная ночь» и рассказе «Солнце». Восхищение, которое испытывает Думбадзе перед солнцем, и использование его как символа любви уходит корнями в грузинский фольклор, где солнце — носитель добра и красоты.

Уходя из больницы, Бачана признает, что два месяца в больнице были для него так же важны, как вся предыдущая жизнь, поскольку дали ему возможность открыть закон вечности.

Этот закон, выведенный Бачаной Рамишвили, перекликается с кредо самого писателя: «Не надо бояться трудностей и противоречий жизни. А иначе что же такое жизнь?».

Перевод с английского А. ТЕТРАДЗЕ

БЫТЬ САМИМ СОБОЙ

НОЧЬЮ я спускаюсь на проспект Руставели. Еще двенадцать, но на улицах уже пусто. На последнем автобусе еду до парка «Мзиури» и захожу под его сень. Мимо Буратино и других персонажей детских сказок иду к тому, кто основал и задумал этот парк, могила которого в тридцати шагах от входа — простая могила, но не в случайном месте. Скамьи возле нее днем осеняет тень, и идущему мимо можно присесть и подумать. И я тоже хочу посидеть и подумать о человеке, который сыграл в моей жизни большую роль.

Темно, тихо...

Я только что совершил автомобильное путешествие из Москвы через Воронеж, донские степи, Ростов, Северный Кавказ, Дарьяльское ущелье. Одной из причин, которая гнала меня в Тбилиси, было желание придти сюда, на могилу Нодара Думбадзе.

Я хочу разобраться в том, что это было за необыкновенное явление, и даже не в том, откуда он, мудрец, черпал силу, а в чем состояла она. Всплывают картины воспоминаний, иногда самые неожиданные. Например, Нодар поднимается на 7-й этаж гостиницы «Москва» в ресторан, придя с какого-то литературного заседания. Мы, несколько человек, уже там. Он в тонком сером свитере, садится спиной к бамбуковому занавесу и начинает рассказывать. Ни слов его, ни темы я сейчас восстановить не могу, зато хорошо помню его всего; как он естествен, как хорошо сочетаются в нем движение и слово, как всегда весел и неожидан его смех. Ни в чем ни малейшей фальши. В нем все живет, все дышит, он так непритворно жизнерадостен, так полон какими-то движениями души, какими-то сложными и тонкими ее движениями, что невольно и сам начинаешь чувствовать вдохновляющий прилив сил. Вот не помню, о чем тогда говорили, а радость жизни, которую он мне тогда передал, помню. В малиновом свете зала его откинутая чуть назад и набок в веселом смехе голова говорит мне

о чем-то важном, что я смог сформулировать только много лет спустя, когда его старшая дочь Манана у нас дома в Москве рассказывала о том, как он уходил: о спокойном, веселом и непоказном мужестве. Его органическая цельность, неподдельность завораживающе действует на меня: я могу его даже не слушать и тем не менее прекрасно понимать.

Я глубоко его почитал и искренне перед ним преклонялся. Я даже побаивался его. Он никогда не притворялся. Качество редкое, представляющее для меня исключительную ценность. Ему было достаточно быть самим собой (как ничтожно малому количеству людей этого достаточно!). Это одно уже означало, что он был крупный человек. Нет, он, конечно, держался на людях в определенной форме, образе, но это был образ самого себя, а не кого-то другого. Ему незачем было подражать другим. Он был мыслителем, а не казался им. Поэтому его суждения были всегда первородные, изначальные: то, что приходило ему в голову, было его собственным соображением, а не глубокомысленным рабским подражанием кому-нибудь, размышлением без чьего-либо влияния или примеси.

Что означает в наше время быть самим собой? Во все времена это означает только одно: быть мужественным человеком, верить в себя и свои силы. Иметь свой взгляд на вещи.

Его взгляды не носили вызывающего характера. У него можно было учиться мужественной, спокойной, веселой системе и манере борьбы.

Например, он рассказал при мне кому-то в назидание следующую историю из своей жизни.

Обидевшись, что не пошел его материал, Нодар перестал ходить в журнал. Он был тогда еще безвестный автор. И вот на проспекте Руставели его встретил главный редактор этого журнала.

— Почему ты не приходишь?

— Так.

— Обиделся?

— Нет.

— Нет, ты обиделся... А надо не уходить, а добиваться своего. Кто же будет делать твое дело, если ты уйдешь? Уйдешь — никто не позовет. Наоборот, только обрадуются. Надо не обижаться, а продолжать борьбу.

Это Нодар рассказывал обиженному литератору, весело рассказывал, успокаивая и подбадривая.

— Он, конечно, был прав. Уйдешь, никто не позовет.

Для меня он всегда будет живым. Он только переместился сюда из прежнего дома, который стоит рядом, и из которого мы не раз смотрели сюда на полные воздуха расходящиеся вправо и влево склоны просторного каньона. Один раз мы на этом балконе стояли с ним и Анзором Салуквадзе и говорили о переводе. Нодар сказал со своей незлой, неосуждающей, добродушной усмешкой, что некоторые переводчики имеют такое обыкновение: что им не нравится — опускают, что не в состоянии перевести — переписывают по-своему, а некоторые места, которые считают несовершенными, еще и дописывают, как считают нужным. Я так понял, что он говорит не о себе, а об общей проблеме перевода.

В рабочей тетради за 14 марта 1973 года у меня имеется запись, которую я сделал после прочтения книги Нодара на русском языке: «У Нодара много русских штампов (в горле стал ком; гром среди ясного неба; с другой точки зрения; в полном смысле этого слова), не свойственных грузинскому языку. По-видимому, он или сознательно «освежает» ими грузинскую речь, с иронией пуская эти так называемые современные обороты, которыми так засорен язык, или же в переводе теряется их какая-то органическая интонация, естественная связь с другими словами». Так оно и оказалось. Когда я посмотрел грузинский текст, первородный, там ничего этого в помине не было. Главная проблема, о которой Нодар говорил тогда, глядя вниз, на места будущего парка «Мзиури», заключалась в том, по его мнению, что грузинские книги переводят не писатели, а так называемые переводчики, вследствие чего они предстают в обедненном и, что самое обидное, в каком-то подражательном виде. Даже немногие хорошие книги после перевода приобретают позорный характер подобия. Они становятся похожими на многие средние советские книги, в общем безличные, если не считать собственных имен и названий городов. Это дописывание, переписывание и перелопачивание приводит к тому, что грузинские книги выглядят уже не как грузинские, а как псевдо-кавказские, как это было во времена Чарской, Марлинского и тогдашней кавказской литературы. Наиболее интересной, вызывающей восхищение чертой грузинской литературы, ярко проявившейся уже в первом дошедшем до нас грузинском литературном памятнике «Мученичестве Шушаник», является органический сплав слова и описываемого события, при котором доза темперамента, чувства всегда тончайше соответствует тому, о чем идет речь. О любом предмете можно говорить больше или меньше. В первом случае

это будет превращаться в многословие, во втором — в недоговоренность. Точное соответствие одного другому создает искусство, дает возможность образу светиться, жить. Ну, пошел человек за водой. Сколько можно об этом говорить? При всем желании не сделаешь из этого факта ничего патетического. Человека предали. Ограничиться здесь этими двумя словами значит признать предательство естественным. И так во всем нужна норма, органическое слияние формы и содержания, которое присуще не только грузинской литературе в лучших ее образцах, начиная с Цуртавели и Руставели, но прослеживается вообще во всем грузинском искусстве. Эта гармоническая соразмерность очевидна для всякого непредубежденного человека в грузинских храмах, в особенности в ранних христианских и средневековых, во фресках, менее понятных современному любителю искусства, в эмали, в золотых украшениях в чеканке. Уж не говоря о танце. Всюду, что касается стиля, есть эта сдержанная сила, с которой выражается суть вещей.

— Теряется гармония? — спросил я тогда, опуская все эти рассуждения, и Нодар кивнул:

— Вещи становятся иными.

То есть дело не в личном ущемлении того или иного конкретного литератора, а в том, что вещи вообще перестают быть грузинскими по характеру, становятся или болтливыми, или хвастливыми, словом, не такими, как в оригинале. Другое дело — поэзия. Белла Ахмадулина, Заболоцкий, Пастернак.

— Но все равно они на основе грузинского стихотворения создают свое или, во всяком случае, какое-то другое, — заметил Нодар.

Я, конечно, согласился. Например, прекрасный перевод гурамишвилевского «Давитиани», выполненный Заболоцким. Он передает все многообразие, напряженность, сложность поэмы, но все-таки по стихам его перевод напоминает ясные, отточенные французские баллады.

В ответ же на то, что на русском его книги выглядят обедненными, как будто даже немного пресными, теряется самое сильное его качество — органичность, «взаимосцепление» слов как выражался Лев Толстой, их единство и связь, Нодар ответил:

— Для меня главное — как они выглядят по-грузински. Да и невозможно требовать точного и хорошего перевода... То же самое при переводе на язык кино. Я всегда говорю режиссеру: делайте то, что вы считаете нужным, вам виднее, как это должно быть сделано в кино.

Этот разговор о переводах состоялся примерно в то время, когда его избрали секретарем Союза писателей. Я рассказал ему, что на Совете грузинской литературы в Москве Союзе писателей (присутствовали Э. Маградзе, братья Чиладзе, Д. Чарквиани и еще другие грузинские писатели) представители редакций и издательств привели цифры, свидетельствующие о неуклонном падении количества издаваемых в центральных издательствах грузинских книг. 8, 7, 5, 3 и наконец 1. «Мы вынуждены отвергать их из-за низкого качества перевода». Его задумчивость тогда, неопределенная реакция на мои слова показались мне непонятными. Они относились, однако, как сразу выяснилось, к тому, с чего начался разговор — переводить должен писатель, человек, сам создающий произведения. В поэзии переводят поэты, в прозе — люди, которые сделали себе из этого профессию, но которые, поскольку они сами не создатели, не понимают полностью характера исполняемой ими работы.

Что касается Нодара, то я могу засвидетельствовать, что переводить его, несмотря на кажущуюся легкость, летучесть его фраз, очень трудно: теряется та естественность, то дыхание, которые так ему присущи. Любая шутка, если она органично не вытекает из предыдущего, теряет свою прелесть, легкость, смысл.

Убеждать, спорить он не любил, вообще манера его была мягкая, но он с интересом следил за тем, как воспринимается сам. В одном из писем к нему я написал, что это большая сила, огромное мастерство — писать просто, и он — помню, по телефону — уточнял у меня, что я имею в виду. Я повторил, что именно сложную простоту, сложность, выраженную так, что она становится понятной всем. Лев Толстой писал просто, доступно.

Мастерство Нодара было незаметно. Казалось, что он садится и пишет, что придет ему в голову. Но так думать смешно. Писать с юмором, то есть подавать, преподносить читателю материал с юмором — труднейшая задача, задача высшей трудности для писателя, поскольку без юмора писать проще, но читателю воспринимать сложнее. Я как-то сказал ему:

— Ты очень похож на одного певца.

— На какого?

Я как назло не мог вспомнить его фамилию, хотя и слышал. Помнил самого певца, его лицо, манеру, а фамилию и имя, как ветер выдул.

— Он недавно выступал по телевидению, недели две или три назад.

Но Нодара почему-то очень заинтересовало, на кого он похож. Наконец я вспомнил:

— На Сальваторе Адамо!

— Почему?

— Он тоже очень органичный. Не видно, что он поет, а впечатление огромное. Как будто делится мучительными сообщениями, шутит или поет, страдая.

Вот впечатление от Нодара всегда было больше, чем можно было сразу выразить словами. Как у айсберга, основная масса его мыслей не плавала на поверхности.

Вообще, он не хвастался, не выставлял себя, не рассказывал о своих успехах, словом, не зажигал бенгальские огни. О его молодых годах у меня тоже сложилось впечатление — по его рассказам — что он всегда лишь один из многих, что всегда главные — кто-то другие. Вместе с тем он всегда невольно оказывался в центре внимания, в самой главной точке компании просто в силу своей личности, в силу того, что произносимое им оказывалось одновременно и кстати, и умно.

Объяснение этой своей естественности и органичности он дал при мне своей дочке Манане:

— Мы получим в жизни — или от жизни — ровно ту меру любви, которой достойны, ровно ту меру восхищения, которую можем вызывать, и как раз столько неприязни, сколько заслужили. Поэтому будьте всегда сами собой. Обмануть можно на самую чуточку, но разоблачение обмана ужасно обидно.

Такого мудрого, логичного объяснения необходимости быть самим собой, не фальшивить и не притворяться, исходя, так сказать, из бесполезности этого, вряд ли придумаешь.

Быть самим собой — большая сила.

Скромность — это вовсе не принижение своих достоинств и не лицемерие. Неприятательными, ненавязчивыми бывают, как правило, — и гораздо чаще — как раз те, кто прекрасно осознает свою силу и значение.

Его скромная приветливая форма общения обманывала многих. Помню по себе, как я был удивлен однажды. Прекрасным летним днем мы поднялись пешком в этнографический музей — деревню под открытым небом в Ваке. Это было то время, когда после инфаркта врачи разрешили ему выходить, сначала понемногу, потом почаще и подальше. Как правило, его сопровождал Анзор Салуквадзе, но иногда и я присоеди-

нялся к ним. Я вообще люблю слушать, следить за ходом мысли, а у Нодара тогда было такое состояние, когда, к нашему огромному облегчению, силы возвращались к нему, прибывали с каждым днем и он начинал воспринимать окружающее, как мне показалось, в каком-то новом для себя свете. До нас он доводил только некоторые свои мысли, свидетельствующие о большой внутренней работе. Например, говорил о неизъяснимой прелести природы, о ее, так сказать, одухотворенной прелести и о том единстве, которое существует между нею и детьми. О том, что жизнь способствует не тому, чтобы мы, люди, становились все лучше и лучше, а, наоборот, делает все, чтобы мы изгадились, словно испытывает нас, и неудивительно, что многие не выдерживают этого испытания. Вообще, он был милосердный, так как понимал людей. Понять — значит простить, сказал кто-то... О солнечном свете и о том, что самое ужасное — лишиться его. Он шел, время от времени присаживался на какой-нибудь пенек и снова продолжал путь.

Но вот когда мы исходили уже весь парк Ваке (а становилось все жарче), то решили посмотреть, что за музей организовывается наверху, и заодно подышать там свежим воздухом. Приехал Резо Квеселава на своей машине с фотоаппаратом (у меня хранятся отснятые тогда слайды) и мы — Нодар, Анзор, Резо и я — поднялись туда, сторожем в этом музее под открытым небом работал, как оказалось, приятель Анзора и Резо, писатель, которого я тоже немного знал. Этот одинокий человек нанялся туда работать потому, что сторожу полагался домик с огородом и садом при нем. Он заранее вышел нам навстречу и сначала усадил под огромным раскидистым ореховым деревом за врытый в землю стол, а потом неторопливо повел показывать деревню, где тогда было еще совсем немного домов — мегрельский, гурийский и еще несколько других. На балконе одного из них мы фотографировались. Впрочем, Резо все время снимал Нодара, и благодаря ему у нас есть память об этом дне.

Нодар проявил огромное знание народного быта. Я, например, тогда впервые услышал, что из-за величины грушевых деревьев в Гурии крестьяне не решаются сами на них взбираться. Их или обтрясают специально приезжающие, преимущественно кутаисцы, которые, как альпинисты, крепят себя к ветвям, или же груши постепенно опадают сами, а коровы и свиньи поедают плоды на земле. Это я сам потом видел.

Он все знал: как ловить рыбу в зной, как — сетью или — внезапно осушая запруды; как солнце обжигает плечи, когда

бродишь вдоль берега, и какие скользкие и коварные камни в проворной Губазоуле...

В нем все время чувствовался писатель: он умел подать фразу, сведение так, что они приобретали еще второй, дополнительный смысл. Это была работа. Спрашивал, например, что будет происходить здесь, в музейной деревне, станет ли кто-нибудь пользоваться этими домами. «Если никто не будет в них жить, они развалятся, — сказал он. — Дома без людей не стоят». Про гурийские и абхазские дома заметил, что они хороши на фоне зарослей, так как обычно вокруг них непролазные дебри: дикий виноград, плющ, хмель, ежевика. «А как красиво все это, когда залито солнцем!» В его устных рассказах солнце вообще обязательно фигурирует или чувствуется. «На солнечных полянах», «такой темный лес, солнце донизу не доходило, только золотило кроны»...

Однажды у себя в кабинете он спросил, над чем я сейчас работаю, и я ответил, что, как обычно, над несколькими вещами сразу, и среди прочего — над рассказом, в котором двое юных влюбленных едут ужинать куда-то за город; там они смотрят, как солнце медленно и неуклонно спускается к горе и вот уже нижним краем касается ее; тогда она просит его поехать куда-нибудь повыше, чтобы там еще было солнце, и они едут, кажется в «Белый духан», и располагаются там на веранде, и солнце здесь еще высоко, но все же вот-вот должно скрыться за дальними горами; и она вновь просит его поехать куда-нибудь выше — за солнцем. Они опять едут, на этот раз уже, кажется, в Манглиси. И так, в погоне за солнцем, они поднимаются все выше...

Нодар внимательно слушал меня и, видимо, из-за того, что тема солнца была близка ему, сказал, что это хороший рассказ. «Чем кончается?». Я сказал, что они оказываются разными: она может гнаться за солнцем по всему земному шару, а он утверждал, что солнце все равно зайдет и за ним гоняться бесполезно. Мне кажется, что рассказ запал ему в душу. Он спрашивал — по телефону из Тбилиси в Москву, написал ли я его, закончил ли. Особенно для меня было трогательно, что он вспомнил о нем, когда я и Анзор были у него в больнице.

Устав, мы спустились к домику сторожа и сели под орехом. В большом тазу лежали фрукты, а на столе стоял графин с кахетинским. Мы сидели в тени, но тень была светлая от обилия солнца вокруг. В зное жужжали шмели, ветер клонил к земле высокие, уже желтеющие травы. Разговор, начавший-

ся с сирийских отцов, ушел в еще большие дали, ко временам первых грузинских святынь на Синае и в Палестине. К Петру Иверу. Наш хозяин писал на исторические темы, и здесь, в уединении, работал над романом из тех времен, о которых шла речь. Удивительно было то, что Нодар вел этот разговор без всякого напряжения, так как все это знал.

Они обмениваются сведениями негромко, то и дело дополняя друг друга. Всем паломникам, являвшимся в Иерусалим, полагалось сойти с коня и смиренно идти за ним в ворота или же сидеть в седле задом наперед, что считалось унижительным, и лишь грузины имели право не только сидеть в седле как полагается, но и еще вступать в город с развернутым знаменем. Они перечислили несколько причин, по которым грузинам это было разрешено мусульманскими властями: потому, что Грузия — древняя христианская страна, и грузины известны всем своей доблестью. И еще потому, добавил Нодар, что грузины всегда были очень терпимы к взглядам и верованиям других. Мусульманские поэты в Тбилиси, по их же свидетельствам, при Давиде Строителе чувствовали себя лучше, чем где-либо в другом месте. И в другие времена на них не было гонений. Грузины не заставляют других быть подобными себе, наоборот, уважают преданность своей нации и вере...

Необыкновенно хорош был Нодар в этом разговоре, в негромких спокойных интонациях своего голоса. Лицо, освещенное работой мысли, было прекрасно. Мы, остальные, молча слушали его. Этот разговор продолжался час-полтора и открыл для меня совершенно новые стороны Нодара: его исключительную образованность и, что может быть гораздо важнее, его не бездумную любовь к Грузии. Мне открылась тогда его глубина, — даже не мыслей, — о них я ни тогда, ни сейчас судить не могу, — а переживания, им сопутствующего, в непростом прочувствовании своих воззрений. Истоки настоящего всегда в прошлом. Одни любят Грузию потому, что любят ее, другие еще знают — за что. Не могу не вспомнить рядом с Нодаром незабвенного Гурама Асатиани, который свои размышления о Грузии, о грузинском характере облек в прекрасную книгу. Мысли Нодара, которые были плодом его раздумий, облекались в этом разговоре в такие емкие фразы, по которым можно было только судить о фундаменте их, только догадываться об огромном вместилище, которое представляли из себя его сердце и ум.

Нодар обладал высоким мастерством легкой ненавязчивой подачи материала. Настолько высоким, что оно было совсем

незаметным. Он говорил, что пишет быстро, но обдумывает долго. Ходит, соображает, «варит», пока у него все не сложится, вплоть до отдельных фраз, и тогда садится и быстро пишет. Он мне называл сроки написания некоторых книг, кажущиеся нереальными. Другие писатели пишут и правят страницы бесчисленное количество раз. Однако суть не в этом. В обоих случаях за готовыми страницами стоит титанический труд, независимо от того, производится ли он в голове или на бумаге. Это труд отбора, обработки. Людям же неискушенным представляется, что стоит открыть уста, и остроты льются сами собой. Но нет. Парадоксальная, шутливая подача материала высвечивает его с новой неожиданной стороны, которую еще нужно найти. Вот почему это трудней, чем писать обыкновенно. Те писатели, которые не могли тягаться с Нодаром, склонны были преуменьшать его мастерство.

Кажется, так произвольно, легко льется его изложение. Одна картина совсем незаметно переходит в другую. Все будто бы случайно и нечаянно, ненамеренно, словно невзначай. Но вдруг совершенно неожиданный финал, к которому незаметно подвела нас вся эта мнимая произвольность. Таков и последний рассказ «Родинка», и рассказ о цыганах, которые давали сельчанам надежду в их тревогах о фронтовиках.

Споры он не любил.

И никогда никаких упреков. В 1977 году, когда по прошествии многих лет вышла, наконец, книга моего отца Бориса Пильняка, я позвонил Нодару и спросил, хочет ли он ее иметь.

— Конечно, — сказал он.

— Высылаю.

В это время в Москве находился Эльдар Шенгелая. Я послал книгу с ним. И вот по прошествии пяти лет обнаружил ее вместе с вложенной в нее запиской к Нодару на этажерке у Эльдара в беспорядочной куче других книг.

Я заставил его поехать к Нодару. Там я передал ему книгу, записку, которая пришла к нему через несколько лет, хотя пролежала все это время в 500 метрах от него.

Я был поражен какой-то прямо безграничной снисходительностью Нодара. Сколько раз мы виделись за время, прошедшее после высылки книги, но он ни разу даже не упомянул о ней. А ведь должен был думать, что я или забыл о своем обещании, или пренебрег им.

Моя первая книжка — Нодар написал к ней теплое предисловие — пролежала года четыре после сдачи рукописи в

издательство. Одной из причин этого замедления была та, что сложилась группа писателей: Чингиз Айтматов, братья Ибрагим-бековы, Олжас Сулейменов, Ион Друце, которые писали о своем по-русски, и вот непонятно было, куда их отнести — к национальным писателям или к русским. По языку они русские, по тому, о чем пишут и как — национальные. Это было в самом начале 70-х годов. И вот вышло постановление, в котором разъяснялось, что происходит взаимное обогащение культур и что все эти писатели — национальные, хоть и пишут на русском языке. (Это разъяснение двинуло и мою книгу, которая вышла после этого очень скоро). Нодар так сказал об этом теоретическом споре:

— Писатель принадлежит той литературе, на языке которой пишет.

Он написал предисловие к моей первой книге, то есть благословил меня, и рецензию на нее в «Комсомольской правде» (книга вышла в издательстве «Молодая Гвардия»). Позже дал мне рекомендацию в Союз писателей. То есть первые мои шаги на писательском поприще, столь для меня дорогое, которое дает мне возможность трудиться и приносить посильную пользу, связаны с ним. Неудивительно, что он оказал на меня настолько глубокое влияние, насколько позволяли это мои возможности. Читая его книги, я убеждался в том, что все самое сложное можно — и нужно — выражать простыми доступными словами и понятиями. Герои, образы, мысли, проблемы должны браться из жизни, а не из головы, можно их отбирать даже из самого близкого окружения. Когда я узнавал, с кого списаны те или иные его герои, как бы приободрялся: мне тоже всегда хотелось — что я и делал — писать о своих друзьях или, во всяком случае, о тех, кого хорошо знал. В сущности, этот давний литературный спор — вообще спор искусства — натура или выдумка, вымысел или жизнь, фантазия или реальность — решался Нодаром очень уверенно, поддерживал и питал мои склонности тоже. Всюду вокруг себя Нодар находил поэзию и выражал ее просто (не упрощенно, а такими ясными словами, которые может понять каждый), поэтому так интересно было наблюдать за ним, поэтому так гибок и насыщен был разговор с ним, состоящий как будто из обыкновенных слов. Все дело было в смысле их. Ведь одни называют любовью нечто низкое, для других это такое состояние души, которое открывает неведомые чудеснейшие переживания; для одних утро — это тяжкое вставание, борьба с самим собой, для других радостное пробуждение к новому прекрас-

ному дню. Конечно, Нодар был сложный человек и у него могли быть всякие моменты, но его творчество и характер были наполнены именно высшими толкованиями слов, жизнерадостным восприятием действительности. Он был моим добрым гением в первую очередь потому, что утверждал в людях вокруг себя — и во мне — то хорошее, что в них заложено. Можно ли представить себе Нодара циничным? Жизнь он знал отлично — иначе какой он писатель? — темные стороны ее, жестокие, несправедливые, четко видел, открыты были ему и слабости и несовершенство человека; грубоватую шутку он, земной человек, мужчина, любил и ценил, но! Но что такое цинизм? Это неуважение веры человека в добро, в справедливость. Нодар — если бы дана была ему власть и возможность — сеял бы добро постоянно и повсеместно, как он это и делал в меру своих сил.

Когда вышла моя первая книга, Нодар устроил дома обед, зная, конечно, что выход первой книги — да и любой — это большое событие, а выход первой книги — это рождение писателя и вот, желая поддержать меня, придал обеду размах, которого я не заслуживал. Конечно, он знал, что я, как каждый новорожденный литератор, преувеличиваю невольно значение и этого события и интерес, который может вызвать книга, и другой кто-нибудь, сообразуясь с реальностями жизни, так, может быть, и говорил бы, что первая книга — это еще ничего, она к тому же небольшая... Кто-нибудь другой, но не Нодар. Он праздновал это, как большое литературное событие. Помню удивленное лицо Иосифа Нонешвили, который никак не мог взять в толк, как это до сих пор ничего не слышал о такой удивительной книге. Если в ней и было что-нибудь хорошее, то Нодар так это преувеличил, так преподнес, что можно было и в самом деле загордиться.

Другой обед у себя, который состоялся через несколько дней после вечера в Доме кино, посвященного памяти Тамаза Мелиава, он тоже превратил в чествование меня. На нем присутствовали гости, которые были на этом вечере, где читался мой рассказ о Тамазе «Завтрак в тени» (его впервые читали там Гурам Асатиани, потом Анзор Салуквадзе). Нодар сообщил, что я автор этого рассказа, и опять расхвалил меня, а потом сказал, что в моей книге есть не только рассказ, но целая повесть, посвященная Тамазу, принес из кабинета книгу и прочитал оттуда сцену, где Тамаз на одной из веранд батумского «Интуриста» декламирует стихи. Словом, Нодар старался укрепить веру человека в себя, а не ослабить и тем более раз-

рушить ее, как, по мнению некоторых, следует делать для закалки характера. Нет, характер у писателя закаляется по мере того, как он нащупывает свои сильные стороны, и это-то Нодар и закалял.

Вот такое у него было большое сердце и его он растратил на всех нас. Оно не выдержало.

Когда вышла моя книга «Красные кони», я ее, конечно, подарил Нодару, но не рассчитывал на быстрое прочтение, во всяком случае, звонил я ему по другому поводу. Тем более неожиданно прозвучало для меня, что книга хорошая. Я отнес это к его вежливости, великодушию, ведь прошло всего два-три дня и он в лучшем случае мог только просмотреть ее. Я сказал: «Спасибо, Нодар. Мне это очень приятно», и перевел разговор на другое, но он опять вернулся к прежней теме: «*Ме шэн геубнэби, карги цигниа*»¹. И стал подробно говорить о ней, как всегда подчеркивая достоинства и умалчивая о недостатках. Я убедился, что он прочел книгу, и внимательно, понял ее истоки и то, что я продолжаю поиски своего естественного тона. Я был очень тронут, потому что это было подлинное, непритворное внимание ко мне, совсем мною незаслуженное. Все мы, пишущие, знаем, как трудно отрываться от своей работы и связанных с нею размышлений, переключаться на другое. А Нодар, я знал это от Анзора, тогда работал, и я поэтому, приехав, не зашел, а только позвонил ему.

Его влияние на меня было глубоко и его похвалы меня радовали; может быть — и даже наверное — потому, что я принадлежал — по взглядам, по крайней мере, если не по исполнению — к той живой, естественной и оптимистично-реалистической школе, которую он возглавлял. Это школа животворящая, а не рассудочная, констатационная или осудительная. Вообще, роль Нодара в современной грузинской литературе можно сравнить с явлением Тургенева с его «Записками охотника» среди умничанья и кривлянья догматиков и псевдосоциологов: живой разговор о живых вещах. «Народ — источник творчества», живая жизнь, а не заданная мысль, не теоретическая посылка.

Меня удивляло равнодушие Нодара к переводам и к фильмам, поставленным по его книгам. О переводах я уже говорил. Из фильмов можно выделить «Я, бабушка, Илико и Илларион», но и он далек от оригинала. Хороший фильм, может быть, немного прибавляет писателю, вся честь уходит к ре-

¹ «Я тебе говорю, хорошая книга».

жиссеру, но плохой почему-то бьет по автору: сама вещь, мол, не годится. Между тем, общий недостаток всех этих фильмов в том, что просто перестают следить за его мыслью. Режиссерам дано право менять вещи. В результате остается движение персонажей по экрану. Исчезает то, что всегда таится у Нодара за текстом, его еще какая-то другая мысль, которая и создает незаметное, ненавязчивое искусство.

Что касается переводов произведений Нодара, то я сам столкнулся с этим. Когда вышли «Белые флаги», редакция «Дружбы народов» предложила мне перевести роман. Почему-то казалось, что сделать это будет легко. Не тут-то было! Простые легкие фразы, которые, думалось, надо только переписать, рассыпались в прах или становились тяжелыми, словно на них нависли якоря. Едва справишься с абзацем и прочитаешь страницу в целом, как видишь, что этот абзац, такой воздушный, провисает посреди нее, как гамак с каким-нибудь отвратительным человеком. Недоумеваешь: что такое? Да ничего, такова природа его таланта: под легкими покровами тлеет животворный огонь, который ничем не заменишь. Чтоб его переводить, необходимо перевоплощение не приблизительное, а полное: нужно заглядывать очень глубоко.

От вероятного поражения меня спасло решение редакции воздержаться пока от печатания «острого» романа. История на этом кончилась, оставив у меня сожаление, что я не разгадал секрет его мастерства — возможно ли вообще это? — и множество догадок о его внутреннем одиночестве, тем более полном, чем своеобразнее человек.

На этих страницах я пытаюсь разобраться, что это было за явление — Нодар Думбадзе? В связи с этим хочу поделиться тем, чему научился у него, что составило для меня предмет для подражания. Мне хочется, чтоб моим детям передались мои уважение и любовь к этому человеку.

Однажды Сандро возвращался из детского сада — а сад был расположен против наших окон, в низине, и я еще из кухни видел, как он взбирается на пригорок по ступенькам, одной рукой цепляется за железные поручни, а в другой волочит что-то, то ли книжку, то ли журнал, то ли большую тетрадь. Он ее даже держит на весу, чтобы она не коснулась снега. Открываю ему дверь, и он говорит:

— Мамико, ак ици ра карги лексэбиа! Эс картвели поэτια!²

² — Папочка, знаешь, какие здесь хорошие стихи! Это грузинский поэт!

Я посмотрел, это была книжка детских стихов Нодара. Палец у Сандро зажат был внутри, между страницами, и он тут же, в прихожей, показал мне стихотворение, которое ему так понравилось. Потом другое, на которое он обратил внимание из-за рисунка — теплоход и девочка.

В 1981 году, когда Сандро было 8 лет, ему удалили аденоиды. Врач сказал мне с некоторым удивлением, что «у мальчика самообладание не по возрасту, он даже не пикнул»... Любому отцу, наверное, приятно было бы это слышать.

— Очень рад, — сказал я.

В награду за мужество Сандро подарили в больнице детскую книгу. Чью? Нодара Думбадзе. Вот она сейчас лежит передо мной — с бабочкой, улиткой и кистью винограда на обложке. «Кетино, отгадай!».

Показательно, Нодар находит общий язык с читателями и взрослыми, и самыми маленькими и нравится и тем, и другим, очевидно в силу понимания общечеловеческой психологии. Вот, например, стихотворение «Часы»:

Часы на стенке тикают:

Тик-так, тик-так!..

А ну-ка, стрелки, тихо,

Куда спешите так?

На вас посмотрит мама

и скажет, как вчера:

«Не будь, сынок, упрямым,

в постель тебе пора!»

А вам, часы, нет дела,

отстали бы хоть раз...

Ох, как мне надоело

ложиться из-за вас!

Не только детям, но и нам, взрослым, часто кажется, что это часы виноваты в том, что у нас не хватает времени. Эта добрая ирония, неизбежное подтрунивание над нашими же слабостями легко устанавливают мост между писателем и читателем любого возраста.

В 1970 году я провел месяц в Хидистави Чохатаурского района. Недалеко от базара, то есть сельской площади, если идти вверх по течению знаменитой теперь по Нодариным описаниям Губазаулы, мой свояк показал мне пустующий дом Нодара, в который я вглядывался, пытаюсь представить себе его жизнь здесь, и затем он же показал мне старика, уже, кажется, привыкшего к популярности и немного недовольного ею,

и шепнул: «Это Илларион!». Вернувшись в Тбилиси, я рассказал Нодару, как ловил рыбу в Губазауле с Джемалом Каландадзе, об интересных беседах с Отиа Каландадзе, одним из ближайших его соседей, сельским интеллигентом, недавно скончавшимся, а тогда редактором газеты. Рассказывал о его односельчанах, с которыми познакомился, и о таинственном доме через улочку от него, в глубине аккуратного зеленого пустого двора, с забытыми и занавешанными окнами, старинном доме, покинутом хозяевами. Вот его можно было бы переставить в этнографическую деревню, настолько он живописен, темный, замшелый, с верандой из черных от времени досок, прочно вросший в землю под сенью могучих старых деревьев. За спиной его росли красные сливы, а перед ним была ровная невытопанная зеленая лужайка. Рассказывал, помню, что время в Хидистави как-то странно остановилось, что, знакомя меня с некоторыми тамошними жителями зрелого возраста, говорил: «Это федералист... меньшевик... конституционалист». Некоторые из них удивляли своей интеллигентностью, обширностью познаний и какой-то особенной манерой держаться при новичках. Они до сих пор еще сохраняют свои политические разногласия и в силу этого не ходят на такие обеды и ужины, на которых может присутствовать их политический противник. Смеялись мы над некоторыми деталями, но слушал он с любовью, это были его родные места, родные ему люди. Кажется, он тогда собирался перестроить этот дом и затем перебраться туда. Не знаю, почему это не осуществилось.

Необыкновенно добрый человек, он никогда не сердился. Не помню его разгневанным. Мягкий, он как бы не замечал твоих бестактностей. Например, рассказав историю своей повести, которую не хотели печатать, я якобы в шутку сказал:

— Ничего, у каждого хорошего писателя должна быть хоть одна неопубликованная книга!

— А вот у меня нет, — сказал он грустно.

Помню еще и другую мою неловкость, которой долго потом мучился. Когда его выбрали председателем правления Союза писателей Грузии, я брякнул:

— Зачем тебе это надо?

Он промолчал.

Я имел в виду, что он умеет писать, печатается и почтиается, признан читателями. Зачем ему должности? Я как бы спасал его от чиновничества. Но Нодар был в хорошем настроении, мы обедали втроем — Нодар, Анзор Салуквадзе и я. Это событие было какой-то официальной победой Нодара. Вот

в чем суть дела, а я проявил такое непонимание ее, невольно, вероятно, огорчил его, но он ничем не дал мне этого понять.

Замечательно умел Нодар слушать, не только вникая в твою мысль, но следя за самим ходом ее, и даже больше за ходом, чем за результатом. Ты мог говорить долго, и он не ослаблял внимания. Вообще, внутренняя жизнь, размышление несколько не утомляли его, он мог слушать бесконечно и с самым неослабным вниманием, весьма даже живо реагируя.

Наши беседы мне много давали. Например, я излагал ему свои концепции о том, что смотреть на вещи надо прямо, знать все, но видеть лучшее, что жизнью движет добро, а не зло, и поэтому видеть лучшее, значит — видеть главное. Зло вместе с тем существует само по себе, его не выкорчуешь при всем желании, а добро надо поддерживать, оно нуждается в этом. Что поэтому писать о недостатках только — скучно, они всегда были и будут, не те, так эти, а вот писать надо как-то так, чтобы помогать человеку в борьбе его, чтобы читателю интересно было, но не за счет низменного интереса или несусветных выдумок, а чтоб ему было оптимистично, светло на страницах твоей книги. Нодар, конечно, все это поддерживал во мне. Удивительно, он мог ничего не говорить, а ты верил ему.

Нодар высоко ценил русскую литературу именно за ее самокритичность: сказать такую правду о своем народе, как сказали Гоголь, Чехов, Горький, Салтыков-Щедрин, это подвиг, на который может решиться не всякая литература.

Иногда у меня возникало чувство, что рамки его жизни ему узки. Что правду он может сказать не всю — не потому что чего-то нельзя говорить, а потому что не определилась полностью еще сама эта правда, которую нужно сказать. Это правда о том, что мы все вместе плохо делаем общее дело, настолько плохо, что сами ставим и запутываем вопрос, настолько запутываем, что живем двойной жизнью, и она, двойная лицемерная жизнь, стала уже нормой. На работе говорим одно, дома — другое, легко делаем непозволительные вещи, уже привычно берем чужое, пользуемся не своим и при этом еще пытаемся сохранить добропорядочное лицо. Но на самом деле оно ведь не добропорядочное. А вот почему это — неизвестно! Хорошо жить тогда, когда историческая обстановка ясна — люди знают, что плохо и что хорошо, где и в чем причина непорядка и неурядиц. Но нет ответа на то, например, почему при смене администраций, следующих одна за другой, остаются проблемы, для решения которых они предназначаются. Подлинные проблемы, которые ставит жизнь, в нашей литературе

не отражаются: иногда только, много времени спустя и кое-как, как был отражен, например, постфактум 37-й год, от которого мы оба пострадали.

У Нодара не было двойного тона и отвратительной манеры быть одним в официальной обстановке и другим в товарищеском кругу. Не было у него и манеры подлаживаться и уstraивать свои дела, пользуясь популярностью, пытаться урвать себе что-либо. На прогулке мы говорили однажды про эту двойственность и я припомнил эпизод с Андреем Болконским в «Войне и мире», когда он сделал резкий выговор одному из офицеров штаба Кутузова за его неуместные шутки: «Мы не лакеи, чтобы лебезить перед барином и тут же строить ему рожи, когда он отвернется». Нодар посмеялся: «Вот именно, что служить надо делу, а не лицам, так там, по-моему, дальше сказано», дополнил он. «Родине и важному делу». Вот этому он и служил.

После публикации в «Мнатоби» и «Литературной Грузии» моих статей о грузинах в России, о судьбе потомков Вахтанга VI (две из них содержали новые материалы) Анзор сказал мне, что Нодар их читал и высоко оценил. Когда я приехал в Тбилиси, он стал расспрашивать меня, как и где я собрал этот материал и почему вообще этим занялся. Его, как всегда, интересовали мотивы поступков. Я рассказал, что сам факт того, что граф и графиня Толстые, у которых жил и умер Гоголь, были потомками Вахтанга VI, правнуками его сыновей Бакара и Георгия, установил историк Н. Тарсаидзе, но тогда на это никто не обратил внимания. Я же это поставил себе целью — проследить судьбу сыновей Вахтанга VI и их потомства. Меня, отвечал я Нодару, интересует тут, помимо истории грузинской эмиграции, которая является частью истории грузинского народа и интересна сама по себе, еще и то потрясающее обстоятельство, что в соответствии со словами Вахушти, грузины в России, как и всюду в других местах, в самом деле не изменяют ни своему характеру, ни обычаям, ни языку; не меняют они и фамилии. Известен только один случай обрусения фамилии, но произошло это по вине писцов при Павле. Ни Херхелидзе, ни Панчулидзе, ни Бибилуровы, ни Барношвилевы не становились Ивановыми, Петровыми или Семеновыми. И даже те, кто были грузинами лишь по материнской линии и носили законные русские имена, гордились своим происхождением, доказательства чего я приводил в статьях. Даже французы Сен-При и Кэнсоны, даже Долгорукие — Сен-При, даже Голицыны и Апраксины, Одоевские и Мень-

шников любили при случае дать понять, что имеют грузинскую кровь. Вообще, преданность грузин своей родине, отечеству велика тем более, чем дальше они от нее находятся.

Нодар стал развивать эту тему, рассказав, что они не ассимилируются даже в мусульманских странах. Недавно он побывал в Турции, и вот министр, который его там принимал, оказался грузином. Министр сообщил об этом с гордостью и произнес несколько грузинских слов. Встречал Нодар грузин в разных местах Турции, и все они были заметными людьми. Бродяг, попрошайек и подонков среди них не бывает.

Его любознательность была безгранична. Какой бы темы ни коснулся собеседник, он мог ее не только поддержать, но и продолжить.

В этих воспоминаниях о Нодаре мне приходится часто говорить о себе, что, видимо, неизбежно: это воспоминания мои, совсем устранить себя невозможно. К счастью для себя, я являюсь одним из тех многих людей, которые общались с ним и могут добавить пусть немного к драгоценной памяти о нем. Это был по-настоящему глубокий, добрый, праведный человек, который дарил меня своей добротой и которому я могу отплатить только одним: по мере моих возможностей хоть как-то запечатлеть его образ.

Та же непритворность, та же естественность и простота в отношениях дома, в семье. Достаточно было один раз услышать интонацию, с которой он говорит с Нанули или с дочерьми, чтобы почувствовать, что эта интонация не для гостя, что она такая всегда. Сколько раз во время разговора войдут бывало в кабинет Нанули, Манана или Кетино и обратятся с каким-нибудь неотложным вопросом или скажут, что по телефону звонят те-то, и в вопросах и ответах чувствуешь дружбу и взаимное уважение мужа и жены, отца и дочерей. Это происходило, мне кажется, потому, что его девочки были для него существа, равные ему. Его стихи, которые он писал для них и которые так понравились маленькому Сандро и, конечно, многим другим детям, пронизаны любовью отца к детям, и это естественно, но вот говорить с ними совершенно как с равными себе — это дано не многим. Так уважительно и серьезно он говорил с ними и слушал их с таким восторженным вниманием, что я, например, поневоле умилялся.

Дома у них всегда пол сверкал, стол накрывался скатертью, лишних предметов не было, — детали, которые тоже говорят о том, что жизнь в доме была не показной, не мнимой, а наполненной любовью, взаимоуважением, работой, нрав-

ственной ответственностью перед тем, что есть высокая норма. Конечно, как и в каждой семье, бывали, наверное, и пелурядицы, и перепады настроения. Возможно, какие-нибудь следы их доводилось видеть и мне, но я их совершенно не помню, как не характерное.

Его дочь Манана, которую я люблю и за ее самое, и за то, что в ней так много от Нодара, рассказывала у нас дома в Москве о том, как мужественно уходил Нодар, как он, зная все, не только не дал овладеть собой смертному страху, но сам способствовал приближению последнего часа, отвергая лекарства, которые могли оттянуть неизбежный конец на какие-нибудь минуты, может быть, часы. В ее рассказе, подробном, но цельном, без ненужных отступлений, чувствовалась и дочь Нодара, то есть его школа, и ее уважение к отцу, непостижимость для нее необыкновенного его самообладания.

Его жизнеутверждающий характер, его светлое мировоззрение не могли смириться с тем, что жизнь, такая прекрасная, может кончаться мраком.

В его нежелании поверить, что за чертой, разделяющей жизнь и смерть, нет ничего, было что-то от художника, который привык домысливать мир по-своему.

ХРОНИКА

В июле на Филиппинах, в Маниле, проводятся Дни СССР на примере нашей республики. В числе других деятелей культуры грузин-

скую исполнительскую школу представляет народная артистка Грузинской ССР, лауреат международного конкурса Майя Томадзе.

Светлана КЕССНЕР

Через искусство — к душе ребенка

Когда однажды К. С. Станиславского спросили, как надо играть для детей, он ответил просто и мудро: «Так же, как и для взрослых, только еще лучше, еще чище, еще прозрачнее».

Н. К. Крупская писала, что детский театр должен «помочь ребенку через искусство яснее мыслить и глубже чувствовать».

По словам создателя и бессменного руководителя Ленинградского Театра юного зрителя А. А. Брянцева, в детском театре должны работать «актеры, мыслящие, как педагоги, и педагоги, чувствующие, как художники».

Искусство детского театра — «новый преображенный и дивный мир страстей и жизни», как некогда восклицал великий русский критик В. Белинский.

Так, отвергая еще на заре своего существования путь примитивных игроспектаклей, благодушного развлекаательства, детский театр выдвигал требование высокой художественности. Ибо только искусство большой правды, моральной чистоты и ясной мысли может по-настоящему взволновать юного зрителя и оставить глубокий след в его сознании.

Исходя из этих постулатов, в 30-е годы и было принято в нашей стране решение о создании специальных театров для детей. Они стали возникать повсюду — в Москве, Ленинграде, Саратове, Горьком, Куйбышеве, Новосибирске, Свердловске, в столицах братских республик.

В 1927 году спектаклем «Гайавата» по поэме Лонгфелло «Песнь о Гайавате» в Тбилиси открылся русский Театр юного зрителя, а в 1928 г. — грузинский Театр юного зрителя, где перед юными тбилисцами впервые предстал прекрасный мир искусства.

Сегодня оба тбилисских ТЮЗа, прошедшие шестидесятилетний многотрудный путь своего развития, как и многие другие ТЮЗы страны, переживают сложный и напряженный период деятельности. В наши дни как никогда дети и моло-

дежь нуждаются в умном, чутком слове старшего друга, который бы откликнулся на многие волнующие, нерешенные вопросы, подсказал бы правильный путь в будущее.

С этой целью театр и приступил к пересмотру как репертуара, так и многих иных сторон своей творческой жизни.

Решается вопрос о снятии устаревших спектаклей, о капитальном возобновлении лучших постановок. Идет поиск пьес, отвечающих всем требованиям сегодняшнего дня, задачам, выдвигаемым в ходе идущего процесса перестройки всех сфер нашего общества и, в первую очередь, формирования духовного облика представителей подрастающего поколения, для которого непреходяще значение эстетического воспитания. Ныне особенно остро встала перед нами эта проблема, о которой в последнее время много говорят и пишут, приходится сплошь и рядом сталкиваться с недооценкой идейно-воспитательной роли театра для детей со стороны местных руководителей, органов культуры, просвещения и комсомола.

Волнует и многое другое: кадры тюзовских актеров, режиссеров, художников, педагогов; необходимость создания студий при детских театрах, отсутствие ярких, высокохудожественных спектаклей для детей. Трудное положение создалось с репертуаром. Очень мало драматического материала о школе, о воспитании в процессе труда. Почти нет научно-фантастических, приключенческих пьес о путешествиях в далекие страны, о полетах в космос, о больших научных открытиях, завоевании Арктики и Антарктиды... А ведь все это и привлекает юного зрителя. Насущно необходимы новые произведения о жизни и борьбе молодежи за рубежом. Важно также, чтобы наше молодое поколение знало историю своей страны.

Сама жизнь подсказывает все новые и новые темы. Первейший долг ТЮЗа — создать волнующие, обращенные и к уму, и к сердцу юных, спектакли о современности, которые убедительно и умно выступали бы против проникновения в юношескую среду цинизма, тунеядства, мещанства.

И тут, думается, уместно обратиться к поучительному опыту почти тридцатилетней давности Тбилисского русского театра юного зрителя, в котором три с лишним десятилетия назад — со дня его основания и до 1962 года — вдохновенно, творчески наполненно и на редкость плодотворно трудился его основатель Николай Яковлевич Маршак. Режиссер неповторимой творческой индивидуальности, он поставил в этом театре десятки спектаклей, многие из которых стали подлинным украшением советского театра для детей. Им была сформи-

рована и возвращена уникальная труппа Тбилисского русского театра юного зрителя, ему посчастливилось воспитать славу плеяду учеников и последователей, среди которых можно назвать Г. Товстоногова, Е. Лебедева и других.

Поставленные им спектакли, его деятельность в качестве руководителя театра, ряд выступлений, записи в дневниках, определенная часть переписки, с которой я имела возможность познакомиться, большое количество рецензий и обзорных критических статей дают серьезное основание для определения взглядов Н. Я. Маршака на творческие, методические и педагогические основы тюзовского движения в нашей стране.

Наряду с ведущими мастерами советской режиссуры Н. Сац, А. Брянцевым, А. Макарьевым, Г. Жгурули, Ю. Королевым и другими, он являлся одним из зачинателей детских театров в СССР. Неразрывно связав свою творческую судьбу с Грузией, Николай Яковлевич творил в тесном контакте с такими мастерами грузинского советского театра, как С. Ахметели, А. Хорава, А. Васадзе, Д. Антадзе и многие другие. Всегда трепетно говорил о С. Ахметели, почитая его своим учителем и идеалом. Быть может, здесь и таится разгадка одной из тайн спектаклей этого мастера, волновавшая не одно поколение тюзовцев.

Его творчество своими корнями глубоко связано не только с лучшими реалистическими традициями русского сценического искусства, но и с традициями грузинского театра.

Благодаря ему уже в 1940 году творчески окрепший Тбилисский русский ТЮЗ смог принять участие в Первом всесоюзном смотре детских театров. К этому времени четко определилась его героико-романтическая направленность. Эта позиция молодого тогда режиссера была отмечена прессой и уже к концу 30-х годов Маршак был удостоен звания Заслуженного деятеля искусств Грузинской ССР.

В 1928 году, в первую годовщину создания первого в Тбилиси ТЮЗа, газета «Заря Востока» неслучайно называла его «единственным в своем роде» и не только потому, что тюзовские спектакли становились все более интересными и завоевывали сердца юных зрителей, но главным образом в силу заметно возросшего влияния на эстетическое воспитание детей.

И это было особенно важно потому еще, что в те годы не было ни дворцов пионеров, ни станций юных техников, натуралистов и т. д.

Педагогическая часть ТЮЗа с помощью учителей — энтузиастов всестороннего эстетического воспитания детей не

только заимствовала все формы изучения реакции юного зрителя и работы с активом школьников у Ленинградского ТЮЗа и Центрального театра для детей в Москве, но и сама разработала активные формы по усилению эстетического воспитания детей.

Из Москвы и Ленинграда сюда приезжали молодые режиссеры. Они ставили здесь дипломные спектакли. Среди них Г. Товстоногов, А. Гинзбург, М. Бейбутов, М. Рехельс, для которых Тбилисский русский ТЮЗ был добрым другом и колыбелью. Они учились у Маршака «образному видению» будущего спектакля, восхищались точностью и выразительностью его мизансцен, мастерству в построении массовых сцен.

Это подтверждают и письма Марка Рехельса. Он писал Николаю Яковлевичу: «...Гога (Г. Товстоногов — С. К.) и я, несколько дней назад отчитались о работе в нашем театре, уже многие мечтают работать с Вами. Однако, худруков уже ругали, — они лишь мешали «раскрываться» практикантам. А Вы, как поняли из наших докладов, «добрый гений молодых режиссеров».

И еще выдержка из его более позднего письма: «...До конца дней моих я буду помнить Тбилисский ТЮЗ, «Тома Сойера», мой режиссерский дебют и Вас, дорогой Николай Яковлевич. Вы и сами не знаете, скольким я обязан Вам. Вы рыцарь театра и высокий пример бескорыстного служения искусству. Спасибо Вам за все. Вы символ нашей юности, я завидую тем, кому посчастливится работать с Вами, учиться у Вас!»

Особенно много Маршаку писали актеры из разных городов — и опытные, и молодые, и те, кто только собирался стать на эту стезю: «Хочу работать в вашем театре», «Хочу у Вас учиться», «Помогите разобраться в себе» и т. д.

В 1926—1941 годах более 60-ти пьес обрело свое первое сценическое рождение в Тбилисском русском ТЮЗе, руководимом Н. Я. Маршаком, бережно и вдумчиво трактовавшим замысел их авторов.

К примеру, в одном из лучших его спектаклей в «Старой Англии», подробнейшим образом разрабатывался конфликт между личностью и средой. Сложность их взаимодействия высвечивалась жестко, контрастно. Напряженное, настороженное внимание к окружающему, готовность к спору с наступающими со всех сторон тяжкими привычками, обидами, унижением, способность не подчиняться общепринятому семейному закону поднимали на нравственную высоту маленького и хрупкого Давида.

Режиссер говорил с юным зрителем серьезно и сурово, подталкивая его к обобщениям, на которые в свои 13—14 лет он уже должен быть способен, потому что именно в отрочестве, как справедливо заметил Лев Толстой, «человек подходит к сознанию взаимоотношений личности и общества». «Не следует заигрывать с детским зрителем, смотреть на него свысока, «сюсюкать», подавать ему «сладенький розовый сиропчик», надо говорить с ним на равных», — так неоднократно высказывался Николай Яковлевич.

Ему же принадлежала мысль и о том, что нельзя возводить заборы вокруг пределов детского восприятия спектакля; если же дети чего-то не поняли, вина ложится на театр, значит, он не нашел соответствующую яркую форму, не использовал все имеющиеся в его распоряжении художественные средства.

Уважение к литературному материалу было характерно для Маршака вообще. Оно наблюдалось и в инсценировках «Дон Кихота» и «Тома Сойера». Своеобразие постановочного почерка режиссера здесь не сразу бросалось в глаза. Но оно постоянно отличало все маршаковские спектакли самых разных лет и жанров.

«Разбойники» Ф. Шиллера — высшее выражение поисков героико-романтического стиля ТЮЗа, где Маршак блестяще раскрывал конфликт между феодальной тиранией и восстающими силами молодой буржуазной Германии второй половины XVIII века.

Суть спектакля сосредоточивалась на душевных переживаниях центральных действующих лиц, на их антагонистических взглядах и разногласиях, на общественно-политических мотивах конфликта.

В этой одной из лучших своих режиссерских работ Николай Яковлевич наиболее полно проявил себя не только в психологическом развитии актерского мастерства, но и продемонстрировал такое построение массовых сцен, которое определяло революционный бунт молодой Германии, дух того времени, что передавало величие и суровость этого произведения.

Оно было полностью воспринято самой трудной категорией зрителей в подростковом возрасте.

Серьезный, вдумчивый режиссер-аналитик, постоянно стремящийся к постижению тайн сценического искусства, Н. Я. Маршак нес в себе начало, делающее его режиссером именно юношеского и детского театра. Это прежде всего выражалось в умении раскрыть смысл пьесы, отвечающий потребностям юной аудитории.

В спектакле по пьесе В. Любимовой «В стороне» Н. Я. Маршак очень точно реализовывал воспитательные задачи. Вслед за В. Любимовой вопрос о праве молодого человека критически относиться к действительности и самостоятельно выбирать себе дорогу решался в пользу героя, что представлялось особенно верным. Однако, признавая за героем право на самостоятельность, режиссер, опять-таки вслед за драматургом, убеждал юного зрителя в абсолютной необходимости отвечать за самого себя, за свои поступки, за других людей. Маршак убедительно показывал, что неспособность сопоставлять и мыслить делает человека беззащитным перед сложными явлениями, подчиняет вредным и бесчеловечным тенденциям.

Процесс внутреннего движения в человеке четко прослеживался в «Снежной королеве» Е. Шварца. Интерес к духовному миру человека, умение ставить перед актерами трудные задачи, создать увлекательную сценическую атмосферу рождало у актеров желание работать с Маршаком. Это цементировало труппу и облегчало главному режиссеру художественное руководство ею.

Мир, который представлял Н. Я. Маршак в спектаклях, проникнут жизнеутверждением. При малейшей возможности он выбирал оптимистический вариант судьбы своих героев. Не обязательно благополучный, но оптимистический — в смысле проявления мужества, доброты, утверждения благородных, гуманных идей.

Таков профессор Полежаев, каким его трактует Маршак и Товстоногов («Беспокойная старость»).

Направленность режиссерского замысла у Маршака всегда прочитывалась в характерах, конфликтах, в расстановке сил. К примеру, политические идеи в «Молодой гвардии» приобрели в его трактовке конкретную психологическую достоверность.

Позиции Маршака-режиссера были последовательными и определяли творческое лицо Тбилисского русского ТЮЗа. Ничего не упрощать, а предлагать юному зрителю (разумеется, в соответствии с особенностями его возрастного восприятия) такую духовную пищу, которая бы стимулировала его умственное и духовное развитие.

В режиссерской трактовке «Разбойников» звучал тот масштаб, о котором мечтали теоретики, в ней было приближение к монументальности. Маршак придавал огромное значение ритму и темпу. Он лепил мизансцены в массовых постановках, как

скульптор. В этом отношении его метод принципиально отличался от московских и ленинградских детских театров.

Уже в первые годы становления ТЮЗ выступал политическим агитатором и воспитателем («Помни, пролетариат!»). Он отвечал эпохе не только своей плакатной формой, но и бодростью, жизнерадостностью, смелым вызовом («Винтовка № 492116»).

С самого начала в маршаковском стиле и приемах сочетались элементы реального, аллегорического, условного.

В массовых сценах широко использовалась игра на контрастах (выкрики в толпе и паузы молчания в «Разбойниках»).

Народ, будучи действующим лицом и основным выразительным средством массового представления («Молодая гвардия», «Балда», «Вечер памяти Ленина»), нес на всем его протяжении огромный нравственно-эмоциональный заряд.

«...Ты энергичен, стоек, напорист и смело преодолешь все трудности, которые стоят на твоём пути, — писал в связи с 50-летием Маршака его давний друг Н. Я. Шах-Азизов. — За это мы тебя любим и ценим, полвека ты честно и хорошо прожил на свете и принес много хорошего своим близким, своим друзьям и огромному количеству ребят, которых мы так любим и для которых по существу и живем».

И действительно, Маршак, сплотив вокруг себя целую плеяду единомышленников, посвятил всю свою жизнь созданию и становлению русского ТЮЗа, заложившего основы тюзовского движения в республиках Закавказья.

Решающие и определяющие задачи по эстетическому воспитанию подрастающего поколения, основную нагрузку в их накоплении Маршак возлагал на искусство, в частности на театральное. И всегда гневно восставал против представления о детском театре, как о приатке школы — иллюстраторе изучаемого в классе литературного материала. Театр должен дать ребенку, отроку, юноше то, что не может и не должна давать школа — приобщение к искусству без прямой и сковывающей «привязанности» к школьным рамкам.

Он часто говорил — хорош де тот детский театр, который воспитывает зрителя, способного, перейдя во «взрослый театр», влиться в его наиболее передовую и эстетически подготовленную часть. Неоднократно утверждал, что понятие о так называемом «детском репертуаре» насквозь фальшиво и не имеет ничего общего с педагогикой. Дети должны знакомиться с лучшими образцами мировой драматургии как классической, так и современной.

Особенно интересны были взгляды режиссера-педагога на восприятие ребенком театральной условности, весьма близкой ему, так как составляет основу его игр, создает питательную среду мышлению, ибо детское воображение продуктивно и даже в самой условной среде. Речь идет о подлинном сопереживании.

Известно, как зыбка дисциплина тюзовского зрительного зала — неожиданная реакция на происходящее на сцене, рассеянное внимание, спад интереса к сценической ситуации... На спектаклях Маршака нарушений попросту не существовало. Он не только отлично знал своего зрителя — его психологию, возможности и особенности восприятия, но и захватывал силой своего мастерства, таланта. Как истинно тюзовский режиссер, насыщал свои спектакли активным динамическим действием, яркими сценическими образами — живыми, вполне реальными.

Ребенок не располагает осмысленным и организованным эстетическим пониманием, но надо воспитывать в нем остроту и точность эстетического чутья, умение безошибочно отличить ложь от правды. Это и делает достижение художественной основы в спектакле для детей задачей особой важности.

Многое из творческого наследия Н. Я. Маршака, как нетрудно было убедиться по вышеизложенному, может обогатить не только сегодняшний день советского театра для детей, но и помочь ему в грядущих творческих поисках.

Нана КАНЧАВЕЛИ

«От правды...не отступал я никогда»

(ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ Г. Ф. ЦЕРЕТЕЛИ)

ВЫДАЮЩИЙСЯ ученый, один из основоположников папирологии, неутомимый исследователь античной литературы Григорий Филимонович Церетели принадлежит к числу деятелей, всецело отдающих себя служению высоким нравственным идеалам и являющихся примером как для современников, так и для последующих поколений.

Григорий Филимонович Церетели родился в 1870 году в Петербурге в семье юриста. Учился в классической гимназии при Петербургском историко-филологическом Институте, затем в Петербургском университете на историко-филологическом факультете. В 1897 году он уезжает на три года за границу для продолжения образования. В Берлине он посещал семинары выдающихся филологов-классиков У. Виламовица и Г. Дильса, занимался греческой палеографией и папирологией у папиролога Ульриха Вилькена, плодотворно работал в библиотеках и музеях Вены, Мюнхена, Парижа, Лондона, Рима, Флоренции, Венеции, Неаполя, в книгохранилищах афонских монастырей. В 1902 году Г. Ф. Церетели, возвратившись в Петербург, защитил магистерскую диссертацию на тему «Сокращения в греческих рукописях преимущественно по датированным рукописям С.-Петербурга и Москвы» и стал работать экстраординарным профессором Юрьевского (Тарту) университе-

та. Работая в Юрьеве, он имел возможность в период летних каникул ездить в научные командировки за границу. В Юрьеве он написал докторскую диссертацию — «Новые комедии Менандра». По отдельным клочкам папирусов, найденным во время археологических раскопок в Египте в 1905 году, Г. Ф. Церетели реконструировал потерянные комедии Менандра. В 1914 году ему была присвоена ученая степень доктора греческой словесности, он был приглашен на должность заведующего кафедрой классической филологии Петербургского университета, которую занимал до 1920 года. В 1917 году его избирают в члены-корреспонденты Российской академии наук. В 1920 году по приглашению совета профессоров Тбилисского университета, возглавляемого И. Джавахишвили, Г. Ф. Церетели переезжает в Тбилиси для работы на кафедре греческого языка и литературы. Здесь он прожил последние 18 лет своей жизни, возглавляя кафедру и в 1923—1931 годах параллельно работая в университетской библиотеке в должности директора.

Жена Григория Филимоновича Церетели Софья Ивановна Максимова (1871—1943), блестяще образованный человек, владевшая всеми европейскими языками, работала на кафедре истории философии Тбилисского университета.

В 1931 году Г. Ф. Церетели был отстранен от работы, а затем и арестован. В связи с этим в августе 1931 года Софья Ивановна Церетели пишет заявление на имя Сталина¹:

«Генеральному Секретарю ВКП(б) тов. Сталину жены засл. профессора Григория Филимоновича Церетели, Софьи Ивановны Церетели

Заявление

Муж мой, засл. профессор б. Тифлисского Госунта, ныне Пединститута, Григорий Филимонович Церетели, был задержан по распоряжению ГПУ Грузии 8-го февраля текущего года и до сих пор не освобожден, хотя, насколько мне известно, все выставленные против него обвинения давно опровергнуты и вопрос об его освобождении задерживается исключительно из-за согласования с высшими инстанциями.

Тем временем мой муж, вместе с группой профессоров

¹ В настоящей статье нами использованы материалы из личного архивного фонда Г. Ф. Церетели, хранящегося в Институте рукописей им. К. С. Кекелидзе АН ГССР, и фрагменты из писем, хранящихся в личном фонде народной художницы Грузии Кетэван Магалашвили. Сохранена орфография подлинников.

Пединститута, удален со службы как обвиняемый в кондратьевщине и вредительстве. Между тем, за все время своего пребывания в ССР Грузии, т. е. с 1920 г., муж мой ничем не нарушал своей лояльности по отношению к советской власти и все свои силы посвящал исключительно с одной стороны — чисто научной деятельности, а с другой — преподаванию сперва в Тифл. Госунте, а затем в Пединституте.

Имя его, как ученого, специалиста по классической филологии и истории древнегреческой и римской литературы хорошо известно как в СССР, так и в Европе. Он состоит членом-корреспондентом Академии наук СССР, а также членом-корреспондентом Берлинского Археологического О-ва и Брюссельского О-ва изучения папирологии и археологии. Полугодовое заключение прервало его плодотворную деятельность, помешав ему закончить большой труд: издание «Папирусов русских и грузинских коллекций». По сие время вышло четыре тома этого труда, пользующегося большим спросом за границей: напр. в 1929 г. весь долг библиотеки Тифлисского Госунта за научную иностранную литературу был покрыт исключительно продажей этого издания за границей. Обработка же последнего, пятого, тома задержана благодаря аресту моего мужа. По той же причине задержан и выход в свет второго тома его «Истории древнегреческой литературы», первого руководства для студентов по этому предмету, печатаемого на грузинском языке.

Свое искреннее желание служить ССР Грузии и принести в качестве преподавателя вуза пользу грузинской молодежи муж мой доказал между прочим тем, что постоянно отказывался от неоднократно делавшихся ему предложений вернуться обратно в Ленинградский университет, где он был ординарным профессором до 1920 г., а в 1924 году, будучи командированным за границу в качестве представителя от Госунта и Наркомпроса на юбилей Неаполитанского университета, отказался и от предложенного ему, как известному папирологу, места при одном из Берлинских музеев, предпочитая лояльно вернуться в ССР Грузии.

Ввиду всего вышеизложенного прошу Вас:

1) Содействовать скорейшему освобождению моего мужа, тем более, что полугодовое заключение уже начинает пагубно отражаться на его здоровье и с 4-го авг. т. г. после острого припадка его застарелой болезни (язва в желудке) он перевезен в тюремную больницу. Дальнейшее же пребывание под арестом может в его возрасте (61 год) привести к полному расстройству здоровья, тогда как при нормальных условиях

он мог бы еще долго и плодотворно работать на пользу ССР Грузии.

2) Отдать распоряжение о расследовании того, каким образом и на основании каких данных могло возникнуть предъявленное моему мужу обвинение в кондратьевщине и вредительстве, и в случае обнаружения источника этого, не отвечающего истине обвинения, принять соответствующие меры, по Вашему усмотрению.

Софья Церетели VIII 1931. Тифлис,
ул. Жореса, 6».

На этот раз Церетели был выпущен на свободу. Вторично арестован он был 24 мая 1938 года. 31 марта 1939 года военный трибунал вынес приговор — 10 лет тюремного заключения. С. И. Церетели пишет заявления в разные инстанции, в том числе опять Сталину. На свое заявление от 21 ноября 1939 года она получила ответ из Военной прокуратуры ЗакВО:

г. Тбилиси, Метехский подъем № 1
Музей «Метехи»

Гр-ке Церетели Софье Ивановне

В связи с Вашим заявлением на имя тов. Сталина нами рассмотрено дело Вашего мужа Церетели Григория Филимоновича и найдено, что он осужден Военным Трибуналом ЗакВО по ст. 58-I-a, 58-7, 58-10 и 58-11 УК ГССР правильно, в силу чего Ваше заявление оставлено без удовлетворения.

Пом. Военного прокурора ЗакВО (Берадзе).
21.XI.-39 г.»

Позднее С. И. Церетели пишет пространное заявление на имя Председателя Президиума Верховного Совета ГССР Ф. Махарадзе:

«Председателю Президиума Верховного Совета Гр. ССР товарищу Филиппу Махарадзе жены заслуженного профессора Тбилисского Госунта Григория Филимоновича Церетели Софии Ивановны Церетели

Заявление

Обращаюсь к Вам с просьбой о возбуждении перед Президиумом Верховного Совета Гр. ССР ходатайства о досрочном освобождении мужа моего, Григория Филимоновича Церетели, арестованного по распоряжению НКВД 24-го мая 1938 г., а 31 марта 1939 г. присужденного Военным Трибуналом ЗакВО к десяти годам тюремного заключения.

Мотивы, заставляющие меня обратиться к Вам с этой просьбой, сводятся к следующему:

1) Мне известно, что муж мой, в ответ на все предъявленные ему обвинения, решительно отказался признать себя виновным. Да и не мог он поступить иначе: после 45 лет совместной жизни при полном взаимном доверии, я с чистой совестью могу утверждать, что статьи 58-1а, 58-7, 58-10 и 58-11 УК ГССР, на основании которых был осужден мой муж (о чем официально известила меня Военная Прокуратура ЗакВО 21 ноября 1939 г. спр. № 82-39), совершенно к нему не применимы, так что я не могу не высказать предположения, что весь этот процесс был вызван либо недоразумением, либо неправильной информацией со стороны нерасположенных к моему мужу лиц. Не допускаю я также и мысли о том, чтобы ему могла быть поставлена в вину его корреспонденция с иностранными учеными, так как последняя носила исключительно научно-деловой характер. Могу засвидетельствовать это, так как, зная новые языки практически лучше мужа, я в данном отношении была его секретарем, и все его заграничные письма либо переводились, либо редактировались мною. Наконец, если, как утверждают, моему мужу инкриминируются резкий тон и некоторые неудачные выражения, допущенные им во время разбирательства его дела и считающиеся некорректными для подсудимого, то мне думается, что можно было бы принять во внимание нервное возбуждение, естественно охватывающее человека при выслушивании несоответствующих истине обвинений. Только тем же нервным возбуждением и естественной обидой я и могу объяснить тот факт, что муж мой отказался от подачи кассационной жалобы, вследствие чего приговор тотчас же вступил в силу.

2) Просить о досрочном освобождении моего мужа заставляет меня кроме того его преклонный возраст (25 марта 1940 г. ему минуло 70 лет) и некрепкое здоровье (хроническая язва желудка и повышенная чувствительность, часто сказывающаяся в сильном нервном возбуждении). При этих условиях длительное заключение может привести к полному подрыву как его физического здоровья, так и состояния его нервов, что сделает его совершенно неспособным к дальнейшей научной деятельности.

3) Между тем, научные заслуги Григория Филимоновича хорошо известны как в Гр. ССР, так и по всему Союзу. Они не только известны, но и были оценены по достоинству. Это доказывается тем фактом, что по случаю двадцатилетнего юбилея Тбилисского им. Сталина Университета муж мой был наравне с проф. И. Джавахишвили и проф. Бериташвили, пред-

ставлен к награде, о чем ему было сообщено 23-го мая 1938 г., т. е. накануне ареста. Далее, незадолго до того он был, наравне с другими учеными, представлен к кандидатуре на звание действительного члена АН СССР (членом-корреспондентом которой он уже состоял в течение ряда лет), причем кандидатура его была одобрена ЦК ВКП(б) и товарищем Л. П. Берия.

И действительно, в течение всего 18-тилетнего пребывания своего в Тбилиси, муж мой с одной стороны в ряде увлекательных и научно-обоснованных лекций, а также путем занятий в семинарах, знакомил студентов Тбилисского ун-та с историей греческой и римской литературы, с другой же — им был издан курс «Истории греческой литературы» (2 тт. на грузинском языке), который и до сих пор служит незаменимым пособием при изучении этого предмета. Из чисто-научных работ его за время пребывания в Грузии следует упомянуть 1) труд «О греческих приписках к Коридетскому Четверосвангелию» (опубликован в Бюлет. Музея Грузии). 2) Обработанное и приготовленное к печати, но не опубликованное вследствие ареста издание альбома итальянского миссионера Кастелли, посетившего Грузию в XVII в. и составившего интересный альбом рисунков и описаний тогдашних грузинских типов, быта и нравов. 3) Издание отдельных произведений византийского писателя — ученого Иоанна Итала и исследование по этому поводу. 4) Издание пяти томов папирусов из грузинских и русских коллекций. Шестой том уже подготавливался к печати, но остался незаконченным вследствие ареста моего мужа. Работа эта, равно как и прежние его исследования в области папирологии, доставили ему такую большую известность, как папирологу, что в посвятельной надписи на одном присланном на его имя оттиске (находится в моем распоряжении) автор оттиска именует его «маститым учителем всех папирологов». 5) Еще до своего переезда в Тбилиси, в бытность свою профессором в России, сперва в Юрьеве, затем в Ленинграде, муж мой издал целый ряд ценных научных работ; среди них следует упомянуть о его двух диссертациях — магистерской («Сокращения в греческих рукописях») и докторской («Менандр и его время»), которые уже тогда доставили ему славу крупного ученого, не говоря уже о большом числе отдельных статей по различным, касающимся его специальности вопросам, перечисление которых заняло бы слишком много времени. 6) Просить о досрочном освобождении моего мужа меня заставляет еще и то обстоятельство, что несмотря на свой возраст, он — по крайней мере до своего ареста — сохранил в целости как свой интерес к преподава-

тельской деятельности, так и способность работать почти в течение всего дня. До самого последнего времени он еще работал по заказу Гослитиздата в Москве над стихотворными переводами ряда греческих поэтов, знакомя таким образом широкие круги читателей с произведениями этих авторов. Дня через два после ареста было получено на его имя предложение участвовать в предпринятом Ак. Н СССР издании «Всеобщей литературы», приняв на себя составление отдела истории греческой и римской литературы. Но работа эта, которая, по словам автора письма, могла быть исполнена Григорием Филимоновичем скорее и лучше, чем другими лицами, не могла быть осуществлена вследствие его ареста.

Все вышеизложенное ясно доказывает, что арест и длительное заключение прервали плодотворную научную, научно-популяризаторскую и преподавательскую деятельность моего мужа, который иначе в течение (вероятно, уже немногих) оставшихся на его долю лет мог бы быть использован государством, как крупный ученый и одарил бы как Гр. ССР, так и весь Советский Союз целым рядом полезных и важных работ, тогда как при данных условиях он безусловно проводит время в вынужденном бездействии и находится под угрозой утраты физического здоровья и психического равновесия. Все эти соображения и заставили меня обратиться к Вам с просьбой о досрочном освобождении и реабилитации моего мужа, и я уверена, что Вы не откажетесь сделать все возможное для удовлетворения моей просьбы.

София Ивановна Церетели

29.VIII.40.

Тбилиси, Метехский подъем, I. Музей Метехи».

Напрасны были старания Софии Ивановны. Она так и не добилась правды. Г. Ф. Церетели разделил участь трагически погибших в тот период людей.

Напомним читателям, что Г. Ф. Церетели является автором и редактором фундаментального труда о папирусах — пяти томов, выпущенных в 1925—1935 годах. Три тома составлены им в сотрудничестве со своими учениками — П. В. Эрншtedтом и О. Крюгером. 4-й и 5-й тома составлены П. Эрншtedтом и О. Крюгером под редакцией Г. Ф. Церетели. После переезда в Тбилиси Григорий Церетели часто ездил работать в Ленинград. Из писем, которые он писал оттуда жене и К. Магалашвили, становится ясно, какую большую и многогранную научную работу он вел. Эти письма знакомят нас не только с

личностью Григория Филимоновича, но и с личностью другого большого ученого — Петра Викторовича Ернштедта (1890—1966), профессора Ленинградского университета, специалиста греческого, коптского, хеттского языков — неумолимого, бескорыстного ученика и младшего друга Григория Церетели. Он был сыном учителя и непосредственного руководителя Григория Филимоновича — Виктора Карловича Ернштедта (1854—1902), профессора Петербургского университета.

Приводим фрагменты писем.

23 января 1928 года.

«Обрадовал меня сегодня Петя. В одном папирусе прочел он то, чего я не мог прочитать, и благодаря этому получился документ, бросающий свет на начатки феодализма в византийском Египте. Это очень интересно и важно, и я на некоторое время был счастлив...»

9 февраля 1928 года.

«Он (Ернштедт — Н. К.) мне на днях большую службу сослужил. Прочел в одном папирусе все, чего я не мог, и благодаря этому рваный папирус возстал полностью: все лакуны восполнены! Я рад, ибо папирус unicum! Вообще мы с ним сработались отлично, и наше *entente cordiale* только усилились. Про Петю я бы сказал, что он сочетал в себе достоинства своего отца + мягкость покойной Лидии Ивановны и т. обр. из него образовался настоящий рыцарь без страха и упрека... это большая редкость! В субботу в последний раз пойду к нему, чтобы отвести в обществе его и Анички свою душу. Мне там хорошо и тепло. Ну, а люди моего возраста тепло особенно любят, ибо им под старость холодно становится, а людей, к ним привязанных, остается очень мало! Вот когда особенно начинаешь ценить духовную связь. Становишься кораблем, тоскующим по якорю».

19 октября 1932 года.

«Вчера был я у Пети. Дела с 5 томом обстоят хорошо. Начерно сделано много. Мое прибытие подняло энергию Пети (по его словам), и он снова жаждет работать, говоря, что со мной лучше, чем одному. В общем наметили вчера много и на днях примемся за дело. Петя нежен до трогательности. Не говоря уже о том, что он беспокоится, буду ли я сыт, он меня даже до трамвая проводил, забыв по-видимому, что Питер для меня не новый город. Вообще он все такой же, теплый и любящий».

1935
210-1110333

1 декабря 1932 года.

«Рисуй себе такую картину: стол, за столом я, на столе книги, бумаги, папирусы, «чело» мое наморщено, взор сосредоточенный, как и подобает ученому, стараюсь проникнуть в смысл папирусных каракулей, то и дело беру лупу и т. д., и так целыми часами. Иной раз встанешь довольный, а иной раз готов рвать волосы, но так как их мало, то просто чертыхаешься».

3 декабря 1932 года.

«Работаю, как вол, результатами работы недоволен. Впечатление у меня от себя такое: размах тот же, а удар получается слабый, словно у Наполеона при Ватерлоо. Уж не Ватерлоо ли мой грядущий 5 том? Да и мой «маршал» — Петя так задержан и замотан службой, что отстает и нарушает мой «диспозиционный план».

4 декабря 1932 года.

«Перво на перво написана маленькая статья для Вилькена, над которой помучился, ибо она сперва не удавалась. Далее, из 40 папирусов, которые составят 5 том, отделано и обработано окончательно 12. Обработаю еще 18, а остальные оставлю Пете. Наконец, дописан кончик работы о Коридетском евангелии, ее немецкий язык исправлен Петей и так. обр. на нее наведен глянec. Петя настолько восхищен этой работой, что вчера благодарил меня за то, что я его с ней ознакомил, что меня сильно обрадовало: я тоже думал, что работа выполнена недурно, но боялся поверить себе... Обрадовало меня вчера и то, что Петя вдруг воспрянул духом и работал со мной по-прежнему, как в былые годы... У меня в голове роятся уже планы новых работ. Я хочу издать отдельной книжкой все частные письма, нами уже опубликованные, с введением и примечаниями на нем. языке, по образцу того, как делается это за границей. Подобная книжка пойдет хорошо. А затем хочу издать атлас снимков с наиболее интересных по письму наших папирусов, что тоже было бы принято за границей с удовольствием. Петя конечно будет моим соратником: ему тоже улыбнется этот план».

8 декабря 1932 года.

«...Вчера мы работали с Петей очень интенсивно и сделали много... Я работаю изо всех сил... Ложусь в час, в два ночи, подгоняю Петю, подгоняю себя... Леля¹ и Петя пекутся обо мне, Петя,

¹ Елена Филимоновна, сестра Г. Церетели, жена профессора Б. А. Тураева.

напр., вообразил, что я похудел, и вот в результате пришел и при-
тащил масла, сладостей, хлеба, и все настаивает вместе с женой
своей, чтобы я у них обедал, что я конечно не сделаю. Когда ни
приду, вечно меня чем-нибудь угощают, да и отбойриться нельзя,
обижаются. Говорят, что они меня любят, но и без слов это вид-
но».

11 декабря 1932 года.

«...Пошел к Пете и работал с ним до 11^{1/2} вечера, а потом
вернулся восвояси, так как больше работать не мог. Сделано нами
очень много, — зря не сидим, хотя некоторые памятники зело
трудны».

13 декабря 1932 года.

«Только что вернулся домой... от Пети, где работал с 11 ч. ут-
ра с перерывами до 10 ч. вечера... Материал очень трудный, да и
притомился я от постоянного напряжения головы и глаз. Но ...ра-
ботаю с увлечением достаточным. Иногда только падаю духом, ко-
гда, обдумывая вопрос и так и сяк, не могу решить его или ре-
шаю наполовину, или же, неудовлетворенный, начинаю все сначала.
Ведь на каждом шагу можно встретить в папирусах трудности, пе-
ред которыми становишься в тупик, а потом оказывается, что ларч-
чик открывается просто».

18 декабря 1932 года.

«Вчера я работал до одурения полного с утра до 1 часа ночи
и устал до ужаса... И все-таки я доволен, что поехал. Без меня
5 том отложился бы надолго. Теперь же дело на мази, и я сы-
грал роль возбуждающего фермента, по словам Пети... Что не до-
делано, доделаю в Тифлисе. Прочее же докончит Петя. Беда в
том, что наплыл новый материал из каких-то коллекций: пришлось
с ним повозиться, — он нас задержал. Но как никак, я вернусь
со щитом, а не на щите».

21 декабря 1932 года.

«Я развил безумное напряжение сил и результатами очень до-
волен... Есть у меня папирус, такой жалкий, что жалко на него
смотреть, и такой стертый, что читать его почти невозможно. Я
хотел было отбросить его, но вдруг одно слово остановило на
себе мое внимание. Мы с Петей стали вчитываться, вдумываться и
по обрывкам слов и фраз установили, что перед нами «больнич-
ный лист» на манер тех, что и сейчас ведутся в больницах. Дру-
гих таких памятников нет, а следовательно, папирус имеет ис-
ключительное значение. Конечно, мы прилипли, что называется, к

папирусу и путем напряжения глаз, головы и знаний, добились хороших результатов. Жалкий внешне папирус раскрыл свои внутренние достоинства и будет украшением V тома».

041935920
20220110333

26 декабря 1932 года.

«...дня через четыре кончу просмотр папирусов АН. Мне сначала хотели было устроить затруднение, заявив, что я де должен сперва получить «разрешение» от неперменного секретаря. Однако, я реагировал на это тем, что сказал, что никакого прошения о «разрешении» подавать не стану, что как член-корреспондент Академии, имею право работать над чем хочу, и что, если не дадут, то просто уйду. Затем я сказал: «merci за редкую нелюбезность» и стал уходить. Тогда все сразу изменились, заведующий растерялся, схватился за голову, извинился и... папирусы были выданы. Не правда ли, недурная картинка! С окончанием этой работы (из нужных папирусов обработал 6, осталось 8) все ресурсы будут исчерпаны, и я с спокойной душой могу оставить доработку Пете. Вчера вечером, когда мы с Петей обозрели весь обработанный мной и им материал, то оказалось, что V том придется делить на две части... мы с Петей вдруг увидели его громадность: вм. 40 оказалось 70!».

29 декабря 1932 года.

«...своими, достигнутыми мной результатами, я могу гордиться. Вчера, напр., с помощью одного папируса мне удалось исправить дату одного исторического факта и установить имя одного из префектов (т. е. заместников) Египта».

3 января 1933 года.

«...все доживаемые мною здесь дни проходят «в постепенном свертывании аппарата», как теперь говорится. На обычном же языке это значит, что я располагаю в известном порядке весь обработанный материал для передачи его Пете, каковой будет переводить его на немецкий язык и делать примечания и добавки. ...Петя теперь отбросил свою депрессию и с верой смотрит на работу и все повторяет: «Как хорошо, что вы приехали — вот все и наладилось».

3 июля 1934 года.

«О моих московских «достижениях» вы уже знаете: полный успех моральный (разумею Герода, Менандра и свои беседы с Покровским и Нилендером)... Мы вместе с Нилендером возьмем-ся за перевод «Птиц» Аристофана, и если выйдет удачно, то ста-

нем переводить Аристофана целиком, ибо перевод Пиотровского, вышедший в Academia, не нравится. С «Птиц» же начнем потому, что эта пьеса мной когда-то была начерно переведена. Что же до Герода и Менандра, то главный успех выпал на долю первого, что меня удивляет: Менандр переведен тоньше. Неужели грубость Герода импонирует?».

16 июля 1936 года.

«...Погрузился по уши в папирусы и сижу среди них, в их окружении, портя глаза и стараясь добиться хороших результатов, чего пока нет. ...Петя Ернштедт рьяно работает над папирусами, весел, рад мне, говорит, что мой приезд его оживил и «пришпорил».

22 июля 1936 года.

«Сижу в папирусах и над папирусами и из-за папирусов света божьего не вижу. Вот 25-го Петя хочет взять меня к себе, чтобы почтенный учитель немного воздуха глотнул. Ну что ж, «коль ехать, едем», — ведь от Пети не отделаешься, — настойчивый, упрямый, как и отец его покойный. Придется подчиниться! В Москву же предполагаем ехать вместе, и оба рады: я потому, что люблю его, он потому, что меня любит».

В 1923 году в Ленинграде рассматривался вопрос об избрании Григория Филимоновича в действительные члены Российской Академии наук. По тогдашнему уставу действительный член Академии наук обязан был жить в городе, где его избирали. Г. Ф. Церетели отказался переехать в Ленинград. Кроме чисто организационных, всплыли и кое-какие «деликатные» вопросы.

«Вообще на душе у меня очень тяжело, — пишет Г. Ф. Церетели жене из Ленинграда 11 сентября 1923 года. — Об академии пока не говорят: говорившие надулись и недовольны мной! У Марра¹ я больше не был: он ко мне не зашел, а я считал, что не обязан ходить к нему на поклонение. Я не вижу в нем гения, и по многим причинам он мне неприятен. Пусть яфетидологи ему кланяются».

А вот письмо от 10 января 1928 года:

«Решили предложить мне следующее: пусть Тифлисский университет выставит меня и пусть я «нажму» на него. Не правда ли

¹ Марр Н. Я. (1864—1934) — академик, лингвист, востоковед.

как красиво! А тогда де здешняя группа подхватит предложение и постарается меня провести, опираясь на то, что Академия Всесоюзна. У меня волосы встали дыбом, и я сказал Лихачеву, что считаю неудобным для себя рекомендовать себя своим товарищам и «нажимать» на них: я на подобный шаг идти не могу, — это противоречит моим понятиям о чести и приличии (подчеркнуто автором — Н. К.). Если меня кто хочет, тот пусть и действует, но я лично в данном вопросе пальцем не шевельну.

Г. Ф. Церетели оскорблен и не скрывает своих отношений с Н. Я. Марром. Вот письмо от 30 апреля 1930 года:

«Что до меня, то я продолжаю работать «по старым методам». Иногда только невольно думается, что тяжело быть в числе «последних могикан», и невольно приходят в голову стихи Майкова. Отгоняю впрочем эти мысли, как недостойные. Коль скоро я верю в истину заветов моих учителей, я должен, как бы это ни было тяжело, идти той научной дорогой, какой шел. Я и буду идти: ведь «марризм»-маразм не вечен, он пройдет, как туман зловредный, хотя и принесет много вреда... Что до членов гуманитарного отдела, то Ваню,² я, Кекелидзе и еще кое-кто признаны неподходящими в силу разных причин, отчасти и научных (!). По словам Марра, «для нового дела нужны новые люди». Мы же работаем по старым, затхлым методам».

6 сентября 1930 года.

«Подготавливаются, говорят, против меня какие-то новые подвохи и ущемления, (знаю только, что «академия» проходит мимо меня и Ваню, меня — наверняка, Ваню — с колебанием)... Но на меня все это не действует, отряхаюсь только, чтобы грязь не попала. Своего рода иммунитет выработался. Досадно иногда только на себя делается: дожил до 60 лет, а все младенцем остался, и провести и обвести меня не трудно. Утешаюсь тем, что это — судьба каждого идеалиста».

К тяжелым и оскорбительным для Г. Ф. Церетели факторам, действовавшим на протяжении ряда лет, добавляется и другое.

21 июля 1929 года.

¹ Академик Н. П. Лихачев (1862—1936).

² И. А. Джавахишвили — выдающийся грузинский ученый-историк, один из основателей Тбилисского университета, академик.

«Для меня было настоящим ударом в сердце перевоплощение одного из моих учеников (не Пети Ернштедта — он монолитен). Сколько лет шли вместе, а сейчас наши пути разошлись навсегда! Вот все это ужасно, а вовсе не то, в чем видят ужас многие, т. е. не недостаток хлеба... не дороговизна всего и т. д. Это вещь проходящая! Ужасно падение устоев духовных — приспособление к выгоде, полное равнодушие к красоте., погоня за грубыми удовольствиями».

В письмах Г. Церетели к К. Магалашвили (а их около 120), написанных за период 1928—1937 годов, содержится небезынтересная информация. Например, 26 июля 1929 года Г. Церетели пишет:

«Нет старого приятеля, философа Радлова, он умер... А знаете, каково было его предсмертное желание, свято исполненное его женой? Он, подобно Владимиру Соловьеву¹, считал, что деление христианской церкви на православную, католическую и лютеранскую есть недоразумение. Должна быть одна христианская церковь. И вот он попросил жену, чтобы, когда он умрет, над ним служили, согласно обрядам своим, православный священник, пастер и пастор. Так и было сделано. Три служителя христианской церкви, как бы знаменуя единение свое, служили над ним по очереди каждый, как в каждой церкви полагается.

13 апреля 1930 года:

«Диспут Зозо² прошел стлично. Зозо держался великолепно, посадил в калосу одного из своих оппонентов, Сургуладзе, личность дряненькую, у которого «что последняя книга скажет, то последним словом и ляжет», и произвел на всех отличное впечатление. Рад за него. Хоть раз бывая академическая традиция подержана...»

1 декабря 1931 года:

«...Я ознакомил Толстого³ с моим Гсрацием и он пришел в

¹ Радлов Эрнест Леопольдович (1854—1928) — философ; дружил с Соловьевым Владимиром Сергеевичем (1853—1900; философ, историк религии, поэт).

² Георгий (Зозо) Александрович Нанейшвили (1894—1937) — один из блестящих представителей грузинской юриспруденции. Трагически погиб в 1937 году. См. Вахтанг Жвания, Грузинские юристы, 1961, на груз. языке; Н. Чавчавадзе и Т. Буачидзе, Вестник благих дел, «Литературули Сакартвело», 1987, 18 декабря.

³ Толстой Иван Иванович (1880—1954) — академик, зав. кафедрой классической филологии в Ленинградском университете в 1918—1953 годах.

полный восторг от того, что прочел. в такой восторг, что попросил разрешения воспользоваться моим переводом на своих лекциях по Горацию, что конечно я и разрешил».

Несколько слов о поэтическом наследии Григория Филимоновича Церетели. В фондах Г. Церетели и К. Магалашвили хранятся лирические стихотворения Григория Церетели и его переводы из Гейне и Ленау. Стихи он писал с детства. Взыскательным критиком его первых поэтических произведений была его тетя, сестра матери — Зинаида Лучак, по словам Григория Филимоновича, исключительно одаренная и образованная женщина, которая оказывала благотворное влияние на своего юного племянника. Это она привила ему любовь к языкам, литературе, истории.

«Стихосложение подразумевает симметрию. Оно напоминает, что даже высочайшее парение в поэзии подчиняется определенному порядку и дисциплине», — это высказывание Г. Ф. Церетели приводит в своем эссе А. Гацерелия.

Г. Ф. Церетели — апологет природы. Он любил ходить в Летний сад. В одном из писем он сетует на то, что почему-то ему не работается. «А так как себя распускать не надо, то сейчас возьмусь за Менандра и заставлю себя думать, а если работа не пойдет, пойду в Летний сад липы слушать, у них красивый шелест». В другом месте Г. Ф. Церетели с досадой пишет, что пошел в Летний сад, но ветра не было и липы молчали.

В поэтическом наследии Г. Ф. Церетели большое место занимают его переводы стихов с немецкого языка. С особенной увлеченностью переводил он Генриха Гейне и австрийца Франца Нимбша фон Штреленау, известного под именем Николауса Ленау.

23 октября 1929 года:

«Работаю мало. Единственное, что удается, это — переводы стихотворений Гейне. И вчера и сегодня я кое-что перевел и мне даже начинает казаться (что за самомнение!), что я схватываю верно тон подлинника, а иногда и его изящество... Звуки, образы, обороты речи пробуждают эстетические чувства, делается особое настроение, некоторый подъем, и я на короткое время бываю доволен, что есть еще как будто «порох в пороховнице».

29 августа 1930 года:

«Что до папирусов, то я их пока оставил в покое: глаза ус-

тали и я боюсь их напрягать... А так как осталось переписать еще страниц 60, то я и дал им роздых... Зато я наслаждаюсь Ленау. Его у нас знают мало и почти не переводили, а он очень хороший, тонкий и глубокий.. Это был великий поэт-лирик и несчастный человек, кончивший жизнь в сумасшествии. Взял же я его именно теперь потому, что он мрачный и подходит к моему теперешнему настроению, которое тоже очень мрачно. Ну, а так как *similis similibus curantur* — сходное сходным лечится, то я для излечения и остановился на Ленау, сказав временно «прости» моему любимому Гейне. Авось не обидится!».

1 сентября 1930 года:

«...И словно музыкант, ежедневно проверяющий гибкость пальцев, я, переводя Ленау, как бы проверяю свои стихотворные способности и гибкость мозга. Ленау в противоположность Гейне страшно труден. Но зато какое наслаждение, когда почувствуешь, что верно схвачен тон и до мелочей переданы верно детали».

Григорий Филимонович Церетели с полным основанием имел право написать:

Но лишь одним душой довольна,
Но лишь одним она горда.
От правды, вольно иль неволью,
Не отступал я никогда.

СПЯЯННЫЕ УЗАМИ ДРУЖБЫ

К 70-летию Великого Октября вышла в свет новая книга И. С. Богомоллова «Спяны дружбой»¹, которая по сути явилась продолжением изданной в 1984 году книги «Тропою дружбы». «Вместе они составляют интересную диалогию, — как говорится в предисловии, — которая поведет читателя сквозь столетия, заостряя его внимание на важнейших вехах этого пути. Перед читателем этих книг разворачивается волнующая картина закономерного и жизненно необходимого поступательного движения вперед от любовно прокладываемой тропы дружбы к великой магистральной братства, спявшей народы Советского Союза в нерушимое монолитное единение».

И. С. Богомоллов принадлежит к числу литературоведов, чьи работы вызывают неизменный интерес не только специалистов, но и широких читательских кругов. Это обусловлено, во-первых, тем, что он занимается изучением интересной самой по себе области науки — литературными взаимосвязями, а во-вторых, он чаще всего обращается к малоизученным или вовсе

не изученным страницам этих взаимосвязей.

В рецензируемой нами книге условно можно выделить три пласта: грузино-русские литературные взаимосвязи, взаимоотношения грузинской литературы с культурами братских народов СССР и теоретические разработки автора, касающиеся глобального процесса взаимообогащения литератур народов Союза.

Книга «Спяны дружбой» открывается очерком «Эстафета дружбы и братства». В нем рассматриваются многовековые культурно-просветительские связи грузинского и русского народов. Автор рассказывает о том, что проживавшие в XVII — XVIII веках в России Арчил II, Вахтанг VI, Вахушти Багратиони, Давид Гурамишвили, Мамука Бараташвили, Дмитрий Саакадзе и другие вели огромную культурно-просветительскую деятельность, важнейшим инструментом которой являлись переводы. Уже в ту далекую эпоху на грузинский язык оказались переведенными не только памятники церковной литературы, но и произведения почти всех крупных писателей и мыслителей XVII — XVIII веков (С. Полоцкого, Ф. Прокоповича, Ф. Эмина, М. Ломоносова, Г. Державина и многих других).

¹ Игорь Богомоллов. Спяны дружбой. Литературные очерки. Тбилиси. «Мерани», 1987.

И. С. Богомолов последовательно рассматривает многочисленные факты, свидетельствующие о весомом вкладе русской литературы (как и литератур других народов) в дальнейшее развитие грузинской педагогики, имеющей многовековую историю. Грузинские детские журналы конца XIX — начала XX веков воспитывали в подрастающем поколении не только любовь к родине, но и глубокое уважение и братское отношение к другим народам, знакомили детей с лучшими образцами гуманистической и демократической литературы, расширяли круг их чтения. На страницах грузинских детских журналов публиковались произведения Жуковского, Пушкина, Лермонтова, Л. Толстого, Некрасова, Тургенева, Чехова, Мамина-Сибиряка, Куприна, Лескова, Станюковича, Гаршина, Григоровича и др. Значительное место в детских журналах уделялось биографиям выдающихся личностей (Ломоносова, Пушкина, Гоголя, Некрасова, Петра I, Суворова и т. д.). Жизнеописания эти воспитывали в детях возвышенные и интернациональные чувства, стремление к борьбе за счастье народа.

Эстафету дружбы и братства успешно несли многие поколения русских и грузинских писателей, о чем свидетельствуют такие разделы книги И. С. Богомолова, как «А. С. Пушкин и грузинские романтики», «Некрасов в грузинских переводах», «В. Маяковский и грузинская литература», «Певец нескончаемой жизни» (Грузия в творчестве П. Антокольского), «Строки о

братстве» (тема дружбы народов в творчестве И. Нонешвили).

Особый интерес вызывает один из самых значительных как по объему, так и по содержанию разделов, посвященных взаимосвязям Пушкина с грузинскими романтиками. Это уже не очерк, а исследование, в котором затрагивается весь комплекс вопросов, связанных с данной темой: пребывание великого русского поэта в Грузии, его плодотворное воздействие на становление и развитие грузинского романтизма, его творческие взаимосвязи с грузинскими романтиками, их переводы из Пушкина, которые с 20-х годов прошлого века выполнялись Т. Багратиони, А. Чавчавадзе, С. Размадзе, Г. Орбелиани, В. Орбелиани, М. Туманишвили, Г. Эристави и др.

Много интересных фактов, мыслей, соображений и теоретических обобщений найдет читатель в очерке, посвященном грузинским переводам произведений Некрасова. Хотя здесь можно было бы дать подробный анализ не только истории, но и самих переводов, как это сделано в разделе, посвященном поэзии А. Пушкина.

В очерке «В. Маяковский и грузинская литература» исследователь воссоздает целостную картину многолетнего дружеского и творческого общения В. Маяковского со страной его детства. Особое внимание уделяется в очерке воспоминаниям Т. Табидзе, Л. Киачели, С. Чиковани, А. Белиашвили, К. Лордкипанидзе, Г. Леонидзе, Б. Жгенти и др.

На протяжении многих лет плодотворно изучает

И. С. Богомолов грузинские связи П. Антокольского. В книгу он включил очерк, посвященный грузинской теме в творчестве этого замечательного поэта. Именно И. С. Богомолов впервые всесторонне проанализировал «грузинский» цикл стихотворений П. Антокольского на фоне эпохи, используя высказывания самого поэта, воспоминания грузинских писателей о нем и т. д.

Новым словом следует считать большой очерк «Строки о братстве», в котором рассмотрена тема дружбы и интернационализма в творчестве И. Нонешвили, посвятившего прекрасные циклы стихотворений России, Украине, Армении, Казахстану, Латвии, Северному Кавказу и т. д. Анализируя эти стихотворения, И. С. Богомолов приходит к выводу, что «атмосфера дружбы, взаимообогащения, творческие контакты отдельных литератур способствуют расцвету многонациональной социалистической культуры, дают писателям возможность освоить все лучшее, что есть в духовной сокровищнице братских народов, помогают избежать повторения уже пройденного, служат действенным инструментом дальнейшего совершенствования и идейно - художественного мастерства, усиления и углубления интернационального воспитания трудящихся».

Второй пласт рецензируемой книги посвящен взаимодействиям грузинской литературы с духовными культурами братских народов СССР. В очерке «Глашатай дружбы и братства» рассмотрены взаимосвязи М. Ф. Ахундова с Грузией, в оче-

рке «Т. Г. Шевченко и грузинская общественность» приведено немало интересных материалов о популярности великого Кобзаря в Грузии, очерк «Крупнейший мастер поэтического слова» посвящен М. Бажану, в очерке «Искренний друг грузинской литературы» впервые широко рассматриваются взаимосвязи О. Новицкой с грузинской литературой, в очерке «Грузия всегда вдохновляет на поэтический полет» приводятся новые материалы по грузино-литовским литературным взаимосвязям, а в очерке «Спаяны дружбой» рассмотрены актуальные вопросы грузино-белорусских литературных взаимоотношений на современном этапе.

Нельзя не отметить, что исследователь с уважением относится к своим предшественникам, стремится показать их вклад в дело изучения литературных взаимосвязей.

Одним из безусловных достоинств сборника можно считать то, что очерки объединяют глубокие теоретические выводы и обобщения в духе исследовательской манеры И. С. Богомолова.

В очерке «В общем многоголосии — свой голос...» автор убедительно доказывает, что процесс литературных взаимоотношений носил и носит двусторонний характер, т. е. сказался не только в грузинской, но и в русской и других литературах. Как справедливо отмечено Г. И. Ломидзе, «национальные художники слова не только учатся у великой русской литературы, но и вносят свою дань в ее развитие... Это в высшей степени примечательное явление

— обратное воздействие нерусских национальных литератур на русскую, пока почти не рассмотрено нашими исследователями¹. И. С. Богомолов давно занимается этой стороной проблемы, не ограничиваясь русской литературой, он изучает взаимодействия многих литератур.

Диалектика национального и интернационального — такова тема очерка «Диалектика связи». Анализируя произведения и высказывания советских писателей, автор показывает, что интернационализм советских писателей является следствием идеологических предпосылок. Имеется еще одна причина, в силу которой дружба народов стала фактором, определяющим природу советской литературы, — это политическое, экономическое и культурное единство народов Советского Союза. Великие стройки, совместная борьба народов за независимость, единые цели и стремления способствовали укреплению братских уз.

Еще один теоретически важный вопрос, а именно — отображение инонационального бытия национальной литературой, осмысление национальной специфики сквозь

¹ Ломидзе Г. И. Проблемы творческого взаимодействия литератур народов СССР. М., 1960, с. 27.

инонациональную призму рассмотрен в очерке «Спаяны дружбой» на примере грузинской и белорусской советских литератур.

И. С. Богомолова можно упрекнуть за недостаточно широко представленные данные по той или иной проблеме. Так, по нашему мнению, в главе о связях В. Маяковского с Грузией следовало бы сказать не только о тех, кто вспоминал о поэте, но и о тех, кто исследовал «грузинскую» сторону деятельности поэта. В теоретической части следовало бы перечислить работы о переводах, выполненные в Грузии или касающиеся русско-грузинских и других вопросов. Впрочем, автора всегда легко упрекнуть в том, что он что-то не досказал. Однако следует, прежде всего, говорить о том, что он сделал. С этой точки зрения можно сказать, что книга И. С. Богомолова, несомненно, вызовет широкий читательский интерес. Пафос ее направлен на дальнейшее сближение, укрепление и рост духовной культуры нашей Родины, что является первостепенной и важнейшей задачей многонациональной советской литературы. К сожалению, она вышла малым тиражом (1500 экз.) и сразу стала библиографической редкостью.

Дмитрий ТУХАРЕЛИ.

Со старыми ошибками

Географическое положение Грузии, расположенной на стыке Азии и Европы, обусловило включение нашего общества как в древневосточный, так и в античный (греко-римский) исторический процесс. Воздействие этих исторических миров, конечно же, обогатило нашу историю. Если контакты грузинских обществ (Колхиды, Иберии, Лазики) с античным обществом достаточно хорошо изучены грузинской археологией и историографией (обобщающие труды О. Лордкипанидзе, монографии М. Инадзе, Н. Ломоури и др.), то этого нельзя сказать относительно взаимодействия грузинских обществ и Древнего Востока. Нашей историографии предстоит многое сделать в этом направлении (ощутимо отсутствие обобщающей монографии).

Прежде советскими историками при изложении курсов по истории Древнего Востока (в частности, в учебниках В. В. Струве и В. И. Авдиева) история Грузии не излагалась в системе древневосточных обществ, хотя во введении к «Истории Древнего Востока» В. И. Авдиев считал одним из характерных природных типов для Древнего Востока горный ландшафт и в эту географическую категорию вносил Закавказье, история этого региона в его книге отсутствовала. Отмеченный пробел был восполнен в первом и втором томах изданной в 1955-56 годах «Всемирной истории» (возможно, в значительной мере в силу характера издания). Эта традиция была продолжена в изданной в 1979 году (под редакцией В. И. Кузицина) «Истории Древнего Востока» и в трехтомнике «История древнего мира» (вышел в 1982-83 годах под редакцией И. М. Дьяконова, В. Д. Нероновой и И. С. Свенцицкой)¹. В 1984 году в Москве было опубликовано «Источниковедение истории Древнего Востока» (редактор В. И. Кузицин), где кратко рассмо-

¹ Наше общее отношение к данному изданию мы выражаем в рецензии, печатаемой в «Трудах» исторической серии Тбилисского государственного университета.

трены исторические источники по древней истории нашей страны.

Отмеченные факты сами по себе, конечно, надо приветствовать, и в этом отношении в адрес авторов и редакторов кроме благодарности сказать нечего. Но посмотрим, как излагается в данных курсах наша древняя история, есть ли в них нечто, способное обогатить грузинскую историческую мысль, если же нет, как освещена в них наша грузинская историографическая мысль, каков уровень знакомства с нашими историческими источниками.

Прежде всего, в указанных курсах мы не встретили каких-либо новых положений, которые в какой-либо мере обогатили бы наши знания об историческом процессе в древней Грузии. Они компилятивного характера (за исключением учебника по источниковедению) и в значительной мере при изложении фактов основываются на трудах грузинских историков. Это обстоятельство, т. е. отсутствие новых идей, совершенно понятно, поскольку они написаны коллективом авторов, не воспринимающих историю обществ Древнего Востока как единый исторический процесс, единую систему. Отмеченный пробел не восполняют, хотя бы во введениях к отдельным томам, ни члены редколлегии, ни редактор (отдельного тома). К сожалению, в этих книгах встречается ряд положений, не выдерживающих критики, тут мы сталкиваемся просто с элементарным незнанием.

Сначала о том, как преподана в упомянутых курсах сущность социально-экономического характера древнегрузинских обществ. Напомним читателям, что трактовка древних обществ как рабовладельческих за последние десятилетия сильно поколеблена. Зарубежные марксисты (прежде всего французские, английские и ученые из ГДР) не разделяют такого взгляда, считая, что рабство в древних обществах (кроме Греции и Рима) представляло второстепенный социальный институт, а основой социальной системы был труд крестьян-общинников, эксплуатируемых классом бюрократии. Сторонники этого взгляда, помимо фактического материала, опираются на положения К. Маркса и Ф. Энгельса. Эту точку зрения разделяют и некоторые ученые в СССР, хотя их и мало. Именно в этом ключе осмыслена история древней Грузии современной грузинской историографией (см. труды Г. Меликишвили. Кстати, еще в первой половине 30-х годов с тех же позиций эту проблему рассматривал и С. Джанашия). Авторы же указанных выше учебников, исходя из господствующего в советской нау-

ке взгляда о якобы рабовладельческом характере древневосточных обществ, рассматривают как рабовладельческие (в широком смысле) и древнегрузинские общества — Колхиды, Иберии. В изданном в 1979 году учебнике «История древнего мира» (автор параграфа индолог А. А. Вигасин) тоже говорится о наличии рабовладельческого способа производства в Колхиде.

Но что означает рабовладельческий способ производства в широком смысле? Фактически признавая незначительность собственно рабства, рабовладения в большинстве древних обществ, ряд советских исследователей во главе с И. М. Дьяконовым пытается с помощью категории рабства осмыслить и иные формы эксплуатации. Рабство, даже при включении в это понятие и других форм прямой эксплуатации, по сравнению с трудом свободных крестьян-общинников и мелких, независимых ремесленников играло явно меньшую роль в сфере материального производства древневосточных обществ, а также и в целой социальной системе. Тем более это можно сказать относительно древней Колхиды, где нерабская форма прямой эксплуатации (негосударственной), как видно, была распространена менее, чем в древней Иберии (Картли) (речь идет также о царских крестьянах). Хотя авторами открыто не сказано о рабстве в Иберии как способе производства, но видно, что это подразумевается И. М. Дьяконовым, В. Д. Нероновой и И. С. Свенцицкой.

Известно, какие разногласия вызвала в грузинской историографии следующая информация Страбона об Иберии: «Имущество у них (иберов — Г. К.) общее по родству». По поводу этого свидетельства возникли, и вполне резонно, вопросы: относится ли оно ко всему населению древней Картли или же только к четвертому геносу (слою), и, если так, что имеется в виду — собственность сельской общины или большой семьи. Эти вопросы обойдены авторами «Истории Древнего Востока», и таким образом известное страбоновское сведение оставлено без интерпретации. Так что значительная масса читателей, возможно, уверует в наличие родового строя в Картли в I в. до н. э. — в I в. н. э.

Древнюю историю авторы в целом разделяют на три периода: раннюю, расцвета и упадка. История Колхиды и Иберии, согласно их периодизации, приходится на второй и третий периоды. Но дается лишь формальная периодизация, ничего существенного не говорится об этих периодах нашего исторического процесса, в частности о расцвете и упадке древнегрузинских экономических, социальных и т. д. структур, о ме-

ханизме перехода к новому (феодальному) обществу. В этой связи нужно отметить еще одну несообразность. По А. А. Вигасину, история обществ древнего Закавказья, в частности Грузии, последних столетий до н. э. и I века н. э. хронологически выходит за рамки древневосточной истории (см. «Источниковедение...», с. 198). Авторы же «Истории древнего мира» эту хронологическую границу, в том числе для нашей древности, доводят до V в. н. э. включительно (то есть налицо явная попытка синхронизации ее с концом собственно античного общества!).

Ни о чем не говорит голословное заявление, что развитие производительных сил в странах Закавказья достигло уровня «классических» древневосточных стран (см. «Историю древнего мира», 2, с. 414), в силу чего «древняя формация» исчерпала свои возможности. В действительности, смена так называемого раннеклассового общества феодальным требует серьезного, научного объяснения, которого не могут дать И. М. Дьяконов, В. Д. Неронова и И. С. Свенцицкая, далекие от грузинской исторической тематики.

Никак не прояснен вопрос о том, существовало ли государство (разумеется, в политическом значении) в Колхиде и Иберии во второй половине I тыс. до н. э. В изданном под редакцией В. И. Кузищина учебнике имеется лишь ссылка на факт распространения монет в Колхиде и на историческую традицию (см. с. 228). Очень туманны рассуждения по этому вопросу в «Истории древнего мира» (см. книгу 2, с. 399—400, 401—402). В «Источниковедении Древнего Востока» в какой-то степени признан факт существования государства в древней Колхиде, но относительно существования государственности в древней Картли в книге читаем: «Такой же вывод делают иногда (!) и относительно Восточной Грузии, основываясь, например, на материалах богатых погребений в Казбеги, Ахалгори и др.» (с. 197). И все! А ведь для обоснования этого тезиса имеется достаточно солидная основа — древнегрузинская традиция, подтвержденная археологическими открытиями, свидетельствами иноязычных авторов, эпиграфическими памятниками.

Существование государства в древней Картли, начиная с эпохи Фарнаваза, — ныне общепризнанный в грузинской историографии факт. Поэтому совершенно непонятно, почему авторы умалчивают о грузинских предгосударственных объединениях, имевших более широкую и сложную структуру, чем просто племенные объединения.

В связи с вопросом о происхождении и существовании государства отметим методологический, теоретический момент. Большинство советских исследователей рассматривает возникновение и существование данного политического института как функцию (в математическом смысле) частной собственности и собственнического класса. Но историкам, тем более в настоящее время, хорошо известно то обстоятельство, что в обществах древности, а также последующих времен, государственность существовала в развитой форме в условиях не столь уж сильно развитой частной собственности на землю. Как совместить этот факт с широкораспространенным взглядом? В частности, как это понять в отношении Колхиды и Ибернии? Напрасно мы будем искать ответ у авторов. Между тем проблема хорошо освещена в грузинской историографии.

Во введении к первой книге авторы — они же члены редколлегии — говорят, что в эпоху энеолита (меди и камня) Аракс и Кура не были пригодны для создания ирригационных цивилизаций. Но что изменилось в этом отношении в эпоху бронзы и железа? В книге об этом ничего не сказано, что вполне естественно, поскольку в прежние времена Аракс и Кура не были ирригационными реками, и соответственно Урарту, Армения, Иберия и Албания (Кавказская) — ирригационными цивилизациями.

В рассмотренных учебниках отмечается, что первое грузинское историческое сочинение «Картлис цховреба» (Житие Картли), отражающее древнейший период, было создано на основе устных преданий Леонтием Мровели в XI веке. Но как мог живший в XI веке н. э. летописец начать рассказ с XIII—XIV столетий до него, причем о многих имевших место в действительности явлениях, на основе устных преданий? Такой феноменальной исторической памяти не обнаружил ни один народ мира! На деле же (и это признано нашей историографией: А. Сванидзе, С. Какабадзе, П. Ингороква, Г. Церетели, Г. Меликишвили) наши предки задолго до Леонтия Мровели, быть может, даже со времен царствования Фарнаваза имели письменную историческую традицию. Кстати, заметим, что в «Источниковедении Древнего Востока» «Картлис цховреба» переведена не как «Житие Картли», а как «Повествование о царях Картли» (с. 197), что является грубейшей ошибкой. Ведь «Повествование о царях» — лишь первое составное произведение «Картлис цховреба», и что это отнюдь не свод только XI века, как это отмечается в книге (там же).

Поскольку речь зашла об «Источниковедении», следует

отметить в нем еще один ляпсус. Говоря о сочинении Геродота и «Анабасисе» Ксенофонта как исторических источниках по истории Армении, авторы ничего не говорят о той значительной информации, которую дают древние историки о нашей древней истории. Ничего не сказано, к сожалению, также о сведениях Гиппократов о Колхиде.

Автор ошибочно полагает, будто «Мокцеваи Картлисаи» («Обращение Картли») содержит список царей до IV в. н. э. (с. 197). В действительности же этот список в сочинении доходит до упразднения царства в Картли, затем же следует список эрисмтаваров. В грузинской историографии нет единого взгляда на датировку данного сочинения: некоторые его считают памятником VII в., а некоторые — IX в. А в «Источниковедении Древнего Востока» периодом его создания названа последняя треть I тысячелетия н. э. По поводу сочинения говорится, что оно содержит «описание их (царей — Г. К.) деятельности, прежде всего строительной, а также некоторые важные сведения географического и этнографического характера» (см. там же). А как же с основной темой сочинения — христианизацией Картли?

Укажем и на ряд других ошибочных соображений, встречающихся в разбираемых курсах.

Согласно третьей книге «Истории древнего мира», после 70-х годов н. э. Рим-де, по просьбе Иберии, поставил гарнизоны в нашей стране для отражения набегов Армении и аланов (см. с. 219—220). Таким же образом, по предположению авторов, римский легион, достигший ок. 90 г. н. э. побережья Каспийского моря, был расположен в Иберии (см. там же). Если к этому легиону (римский легион в среднем насчитывал 5 000 солдат) прибавим остальные римские гарнизоны, расположенные в Восточной Грузии, то выходит, что древняя Картли была целиком оккупирована Римом. И это тогда, когда, по признанию авторов, в 63 г. н. э., при императоре Нероне, римляне не смогли (исключение составляли приморские эллинизированные города) покорить Колхиду (с. 200). Это мнение идет вразрез со всем тем, что мы знаем об отношениях Иберии и Рима в тот период. Надежное историческое свидетельство говорит об отправке в Иберию лишь одной римской когорты (500 человек)!

Нет четкости и в вопросе о причинах распространения христианства в Грузии. Авторы говорят лишь о популярности его в народных массах (см. с. 220). В отличие от них, грузинская историография увязывает официальное признание новой религии в первую очередь с интересами царской власти и азнау-

ров, с их борьбой против жречества. Если И. М. Дьяконову и другим эта точка зрения кажется неправильной, то следовало привести аргументы для ее опровержения, или хотя бы упомянуть о ней. То же самое можно сказать о культе божества Армази, которое, по мнению авторов, более похоже на Ахурмазду (см. «Историю древнего мира», 2, с. 413). Последнее соображение не ново, его придерживался еще Н. Марр, но это утверждение осталось бездоказательным.

По мысли авторов, в процессе феодализации грузинского общества из среды свободных крестьян-общинников выделился верхний слой — мтавары (князья) и эристави (воеводы) (с. 223). Достаточно лишь элементарного знакомства с нашей древней историей, чтоб знать, что в соответствующий период представители социальной верхушки назывались азнаури, эристави существовали уже в эпоху Фарнаваза, а социальный термин «мтавари» появился позже.

Авторы отрицают наличие грузинской письменности до V в. н. э. Более того, думается, они разделяют мнение, что создателем ее был Месроп Маштоц. Основание для такого вывода мы усмотрели в их заявлении о том, что согласно армянской версии грузинский алфавит «был введен» грузином Джалаем (см. с. 221), и что будто Месроп изучил и «кавказские языки» (с. 210). Литература, в частности агиографическая, на родном языке, по их мнению, создавалась лишь в V—VI веках (там же). Общеизвестно, сколь сложны и серьезны поднятые вопросы. Напомним, что грузинская наука не дала пока на них категорических ответов. Поэтому не следовало делать столь категорические заключения на основе поверхностных суждений. Мы не говорим уже о элементарном чутье исследователя для осознания того, что невозможно представить без солидной литературной традиции столь совершенное по форме и содержанию произведение, каким является «Мученичество Шушаник».

В той же книге читаем, что в древности Колхида, т. е. Западная Грузия, была такой же многоплеменной (в распространенном этнографическом значении «племя»), как Албания (с. 221—222). Есть ссылка и на «античный источник», который конкретно не указан, и согласно которому римляне в городе Фазисе нуждались-де более чем в сотне переводчиков (на деле же источник указывает цифру шестьдесят, а не сто, и языков, а не переводчиков). Тот же самый исторический источник подразумевает и приезжих из Индии и Бактрии. В действительности, большая часть Западной Грузии, в том числе срединный регион, где находился Фазис, не был многоплемен-

ным, функционировали занский (мегрело-чанский), сванский и грузинский (последний на территории нынешней Верхней Имерети и в низовьях Чорохского бассейна) языки. Дифференциация в мегрело-чанском и сванском языках намечалась лишь на уровне диалектов. Носителями остальных языков в большинстве были выходцы с Северного Кавказа. Здесь уместно вспомнить и свидетельство Страбона о том, что в Диоскурии собирались представители семидесяти племен.

В отношении свободного населения древней Картли авторы оперируют понятием «гражданин», остальная же часть населения будто бы не имела этого статуса (см. книгу 2, с. 414). Данная точка зрения неприемлема: «гражданин» — понятие, существующее в политически развитом (демократическом) обществе, и для древней грузинской государственности оно не подходит (между прочим, И. М. Дьяконов оперирует понятиями «гражданин», «гражданство» даже в отношении деспотических обществ Древнего Востока!).

На 224-й странице 3-й книги «Истории древнего мира» отмечено, что ни одно варварское племя не проникало (на длительное время) на территорию грузинских государств (авторы имеют в виду период до V в. н. э.). Но буквально чуть раньше говорится о том, как спускались с Западного Кавказа и Понтийских гор и оседали на равнинах племенные группы, т. е. варвары.

Упомянутого у Аммиана Марцеллина царя Мерибана авторы не считают Мирианом III (см. «Историю древнего мира», кн. 3, с. 220), как это утверждает грузинская историография.

Излагая историю Армении, авторы отмечают, что во главе антииранского восстания в 481-84 годах стоял Ваган Мамиконян, а помогал ему Вахтанг Горгасал, при изложении же грузинской истории оказывается, что во главе этого восстания стоял все же Вахтанг Горгасал (что соответствует истине).

Авторы, говоря о хурритском государстве таохов (см. «Историю древнего мира», кн. 2, с. 399), подчеркивают наличие значительной части сарматско-аланского элемента в знатной среде Иберии (см. кн. 3, с. 219). Эти соображения, правда, заимствованы ими у Г. Меликишвили, но это отнюдь не спасает положения: они высказаны и повторены лишь априорно, неаргументированно. В учебнике такого рода гипотезам не место. Здесь же стоит отметить, что сасперы объявляются восточным протогрузинским племенем (см. книгу 2, с. 401), в отличие от Г. Меликишвили, считающего их хурритами (см. также «Советскую историческую энциклопедию», т. 12, с. 572).

На одной из карт, приложенных к третьей книге «Истории древнего мира», Хайаса (древнейшее объединение армян) локализована на левобережье реки Чорохи вплоть до довольно широкой полосы Черноморского побережья (см. с. 386-87), что опять же бездоказательно и необоснованно (впрочем, в одной составленной И. М. Дьяконовым карте вся современная Западная Грузия XV—XII веков до н. э. «заселена» абешлайцами — народом абхазско-адыгского происхождения — грузинских племен нет даже в бассейне Чорохи. В эту эпоху наши предки якобы сдвинулись с современной Верхней Картли (!), причем в глубь Малой Азии. См. И. М. Дьяконов, «Предыстория армянского народа», Ереван, 1968, с. 102).

Не стоит здесь задерживаться на других, сравнительно мелких ошибках. Читатель, думаем, легко согласится, что, пожалуй, многовато и тех, что мы здесь отметили. И историкам они непростительны. Более всего упреков, как мы видели, заслуживает «История древнего мира», авторы которой, сами члены редколлегии, небрежно отнеслись к изложению древней грузинской истории. Наряду с этим они попытались внести в книгу свои собственные соображения, что кажется нам неуместным, поскольку их знание древней истории Грузии непрофессионально. То же самое можно сказать и о А. А. Вигасине, авторе соответствующей главы «Истории Древнего Востока».

В отличие от них, заметим, в первых двух томах «Всемирной истории» (вышли в 1955—1956 годах) изложение истории Грузии (О. В. Кудрявцевым) соответствует утвердившимся в современной грузинской историографии взглядами (две-три фактические ошибки нельзя принимать в счет). Претензий на независимость мышления и творчество в отношении нашей древней истории автор не имел.

И еще одно замечание. При подготовке рассмотренных учебников было бы лучше, если бы авторами либо рецензентами соответствующих параграфов были бы грузинские (также армянские и азербайджанские) историки. В таком случае отмеченные нами ошибки были бы устранены, и читатели имели бы более отчетливое представление о нашем древнем историческом процессе.

Гурам КОРНАШВИЛИ

Иван ДАВЫДОВ

Торжество красоты

В начале Великой Отечественной войны вместе с группой выдающихся деятелей культуры Москвы на Кавказ была эвакуирована замечательная балерина Марина Тимофеевна Семенова. Три месяца она жила в Нальчике, а в ноябре 1941 года приехала в Тбилиси. Здесь ее встретили тепло, пригласили в труппу театра оперы и балета имени З. Палиашвили. Однако сразу приступить к работе Марина Тимофеевна не могла: у нее тогда был грудной ребенок. Впервые она выступила 25 июня 1942 года в «Шопениане». Зал с нетерпением ждал появления прославленной балерины. Московский писатель Иван Алексеевич Новиков, присутствовавший тогда в театре, посвятил этому событию стихотворение «Русской актрисе», в котором говорилось, что артистка демонстрировала «живое, светлое искусство», которое вдохновляло всех, звало к тому, чтобы «внутренне нам всем похорошеть».

20 июля балерина выступала на сцене филармонии, где также пользовалась исключительным успехом. На концерте присутствовал В. И. Немирович-Данченко, так отозвавшийся тогда об ее исполнении:

«Когда танцовщица Семенова в продолжении пяти минут танцует под звуки скрипки и переполненный зрительный зал, затаив дыхание, не может отвести от нее глаз, — это и есть искусство» (И. Нежный. «Былое перед глазами», М., 1965, с. 362).

Замечательная балерина принимала в ту пору активное участие в шефских концертах, танцуя для воинов Красной Армии. Так, 31 декабря, под Новый, 1943 год вместе с Вахтангом Чабукиани она выступала в Окружном Доме Красной Армии, встреченная горячими аплодисментами зрителей — бойцов и командиров.

В 1942 году вместе с группой грузинских артистов М. Т. Семенова выезжала в Иран, где в тот период находились наши войска. Наряду с выступлениями перед войсками Красной Армии мастера искусства давали концерты для иранцев, которые восхищались творчеством наших артистов. Там, как и в Тбилиси, Марина Тимофеевна выступала в паре с Вахтангом Чабукиани. Особым успехом пользовались в их исполнении партии из балета «Корсар».

В те дни иранский балетмейстер Саркис Джамбазян писал в газете «Журналь де Тегеран»: «Мне хочется как профессионалу отметить виртуозность искусства Семеновой и Чабукиани. Что можно сказать о Семеновой после всего того, что было уже сказано и написано о ней? Только одно, что она является лучшей балериной века, живым воплощением поэтических элементов, составляющих танец... Чабукиани — изумительный танцор. Техника его танца совершенна, главное в нем — пылкий темперамент, благородный во всех проявлениях, и пластичность каждого движения, каждого жеста» (газ. «Литература и искусство», 16.1.1943 г.).

Во время пребывания в Тбилиси Марина Тимофеевна еще ближе познакомилась с превосходной балериной начала нашего столетия, московским педагогом-хореографом Елизаветой Павловной Гердт, также эвакуированной сюда. Обе они вместе с Вахтангом Чабукиани много сделали для передачи своего богатого опыта грузинским артистам балета.

В трудные военные годы московская балерина внесла свою лепту в укрепление дружбы народов, вдохновляла своим искусством зрителей, в том числе воинов Красной Армии. Она была удостоена столь высокой награды, как медаль «За оборону Кавказа».

К осени 1943 года М. Т. Семенова возвратилась в Москву и сразу же приступила к работе. Вскоре она выступила на сцене Большого театра в балете «Лебединое озеро» П. И. Чайковского.

Успеху своей воспитанницы особенно была рада А. Я. Ваганова. Тогда она писала: «Опять я вижу Марину в «Лебедином озере», но новую Марину и нового Лебеда. Она преобразилась, обновилась, вдохнула в себя новую струю вдохновения и создала еще раз чудный образ Лебеда». (А. Я. Ваганова, «Статьи, воспоминания, материалы», М., 1958, с. 106).

Высокое мастерство балерины являлось гордостью советского искусства. Вот как сказал об этом в своем выступлении на заседании Академии наук СССР 30 сентября 1943 года пи-

сатель-академик А. Н. Толстой: «На днях я смотрел в Большом театре балет «Лебединое озеро», — танцевала Марина Семенова. Театральный зал гремел, кричал, неистовствовал так возвышенно, прекрасно, так совершенно было русское искусство.

Чайковский и Семенова создали в этот вечер национальный праздник торжества красоты...».

Недавно народной артистке СССР М. Т. Семеновой исполнилось 80 лет. Но она продолжает все так же беззаветно служить любимому делу, являясь педагогом-репетитором Большого театра Советского Союза, воспитавшим немало прекрасных балерин.

За большие заслуги в развитии советского хореографического искусства Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 июня нынешнего года Марине Тимофеевне Семеновой присвоено звание Героя Социалистического Труда.

ХРОНИКА

ГАСТРОЛИ МАРДЖАНОВЦЕВ

В начале июля труппа Тбилисского академического театра драмы имени К. Марджанишвили выехала на гастроли в Киев. За 25 дней гастролей киевляне посмотрят спектакли — «Хизаны Джако»

по М. Джавахишвили, «Провинциальную историю» Л. Росеба, «Неаполь — город миллионеров» Эдуардо де Филиппо, «Коварство и любовь» Шеллера и «Страх» А. Афиногенова.

Идут переговоры о гастролях театра в Испании и Франции.

Сдано в набор 6.06.88 г. Подписано к печати 18.07.88 г. Формат 84×108¹/₃₂. УЭ 09005. Высокая печать. Печ. л. 7,0 — усл. печ. л. 11,97. Уч.-изд. л. 14,0. Тираж 5300. Заказ 1489. Адрес редакции: 380008, Тбилиси, ул. Ленина, 5. Телефон: 99-06-59.

Главный редактор Роман МИМИНОШВИЛИ

Редакционная коллегия:

Чабуа АМИРЭДЖИБИ, Элисбар АНАНИАШВИЛИ, Реваз АСАЕВ, Хута БЕРУЛАВА, Анаида БЕСТАВАШВИЛИ, Игорь БОГОМОЛОВ, Тенгиз БУАЧИДЗЕ, Хута ГАГУА, Алексей ГОГУА, Эдуард ЕЛИГУЛАШВИЛИ, Марк ЗЛАТКИН, Камилла КОРИНТЭЛИ (ответственный секретарь), Михаил ЛОХВИЦКИЙ, Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ, Сергей СЕРЕБРЯКОВ, Лия СТУРУА, Георгий ЧАРКВИАНИ (заместитель главного редактора), Серги ЧИЛАЯ.

ТЕЛЕФОНЫ: Главный редактор — 93-65-15, заместитель главного редактора — 93-13-57, ответственный секретарь — 93-31-28, приемная — 99-06-59, отделы — 93-31-43 и 93-65-19.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

При перепечатке ссылка на «Литературную Грузию» обязательна

სოციალური ლიტერატურულ-მხატვრული და
საზოგადოებრივ-პოლიტიკური ჟურნალი

„ლიტერატურნია გრუზია“

(რუსულ ენაზე)

საქართველოს მწერალთა კავშირის ორგანო

გამოდის 1957 წლის ივნისიდან

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ

Тбилиси, ул. Ленина, 14.

26-88

88-45

65 к.

ИНДЕКС 76117

